ВѢСТНИКЪ
ЕВРОПЫ,

издаваемый

Николаемъ Карамзинымъ.

ЧАСТЬ V.

МОСКВА, 1802.

Въ Университетской Типографіи,

у Любы, Гарія и Попова.

Книгу, подъ заглавіемъ: *Вѣстникъ Европы, издаваемый Николаемъ Карамзинымъ, Часть V.* разсматривалъ и не нашелъ въ ней противнаго къ напечатанію. Университетской Ценсоръ

Антонъ Прокоповичь - Антонской.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

СЕНТЯБРЬ 1802.

№ 17.

ЛИТТЕРАТУРА и СМѢСЬ.

I.

Линдана и Вальмиръ.

(Окончаніе.)

Линдана велѣла заложить карету и поскакала къ Морфизѣ, чтобы вмѣстѣ съ нею ѣхать къ Жеркуру. „Мы причиною его поединка (сказала она): можетъ быть онъ умираетъ! . . . Гнусной Дюваль! бѣдной Жеркуръ!“ . . . Между тѣмъ, какъ Линдана сердечно терзалась, бѣдная Морфиза, пораженная симъ трагическимъ случаемъ, также плакала и спѣшила одѣваться. Какъ скоро она была готова, Линдана бросилась изъ комнаты . . . и черезъ десять минутъ карета ихъ остановилась передъ Жеркуровымъ домомъ. Позвали камердинера: онъ за тайну ска-

залъ имъ, что Жеркуръ въ самомъ дѣлѣ былъ на поединкѣ и раненъ тяжело въ бокъ; но что лекарь не считаетъ раны опасною. Линдана велѣла сказать больному, что онѣ пріѣдутъ къ нему, какъ скоро онъ встанетъ съ постели. Возвратясь домой, она хотѣла непремѣнно видѣть лекаря; онъ увѣрилъ ее, что нѣтъ ни малѣйшей опасности, но что Жеркура должно оставить въ покоѣ недѣли на двѣ. Линдана во все это время не выѣзжала ни куда; всякое утро освѣдомлялась о Жеркуровомъ здоровьи, а ввечеру ѣздила сама разспрашивать камердинера. Жеркуръ написалъ къ ней двѣ коротенькія записки, изъявляя ей благодарность за участіе.

Поединокъ и тяжелая рана любовника даютъ женщинѣ право быть искреннею и не скрывать уже отъ себя нещастной страсти. Въ истинной любви удовольствіе открыть сердце другу своему не стоитъ великой сладости мечтать объ ней на свободѣ. Слова выражаютъ идеи, но не могутъ выразить глубокихъ и сильныхъ чувствъ; изображеніе ихъ будетъ только слабымъ *переводомъ*. Любовь подобна добродѣтели: мы всего болѣе наслаждаемся ею внутренно. Съ какимъ восхищеніемъ Линдана думала

о послѣднемъ разговорѣ своемъ съ Жеркуромъ!... Успокоенная въ разсужденіи его здоровья, какъ радовалась и гордилась она мыслію, что онъ дрался за нее!.. „За меня (думала Линдана) текла его кровь — и для чего? чтобы наказать за грубую насмѣшку надъ Вальмиромъ! Онъ думаетъ, что я люблю его, и не дозволяетъ, чтобы милой мнѣ человѣкъ былъ униженъ! Великодушной Жеркуръ!.. а его называютъ нечувствительнымъ!.. Ахъ! какъ я ненавижу теперь романы воображенія и безумныя страсти! Когда любовь есть только изступленіе, можетъ ли она продолжиться? Безразсудные восторги, которые пугаютъ боязливую нѣжность, стоятъ ли милаго, кроткаго услажденія души, спокойной въ чувствахъ любви истинной и разсудительной? — Но... Боже мой! я осмѣливаюсь наконецъ говорить съ сердцемъ своимъ! осмѣливаюсь чувствовать первую, единственную мою любовь! Люблю Жеркура, а торжественно обѣщала руку свою другому! Безразсудность заставила меня показывать склонность, которой не было въ сердцѣ моемъ! Могу ли отпереться, не сдержать слова, остыдить себя со всѣхъ сторонъ? оскорбить, раздражить Вальмира и видѣть еще поединокъ? Эта

мысль ужасна.... Однакожь, естьли въ самомъ дѣлѣ Жеркуръ любитъ меня, естьли не обманываюсь, то могу быть только *его* супругою. Нужно время; любовь научитъ меня, какъ поступить."

Такимъ образомъ всѣ любовники, опираясь на нѣкоторыя мнимыя правила чувствительности, дозволяютъ себѣ надѣяться. Черезъ двѣ недѣли Линдана въ сильномъ сердечномъ волненіи поѣхала съ Морфизою къ Жеркуру, и нашла его на креслахъ. Онъ принялъ ихъ съ любезностію умнаго свѣтскаго человѣка, но просто, и не хотѣлъ видѣть замѣшательства Линданы. Она говорила мало; но глаза ея, наполненные слезами, нѣсколько разъ встрѣтились съ его глазами, и сердце ея было довольно ихъ умильнымъ выраженіемъ — Какъ скоро Жеркуръ могъ выѣхать, онъ прежде всѣхъ хотѣлъ видѣть Линдану. У нее были гости: она утѣшилась мыслію, что ввечеру найдетъ его у Морфизы. Надежда обманула ее: Жеркуръ встрѣтился съ однимъ пріятелемъ, который ѣхалъ въ Фонтенбло, и уговорилъ его ѣхать туда же, обѣщая вмѣстѣ съ ними возвратиться дней черезъ пять. Сговорчивость была его любезною слабостію. Онъ нашелъ въ Фонтенбло Дворъ, веселое общество и, вмѣсто пяти дней, пробылъ

тамъ мѣсяцъ, всякой день думая ѣхать. Это долговременное отсутствїе чрезмѣрно оскорбило Линдану, которая заключила, что онъ не любитъ ее, и старалась мыслить о Вальмирѣ. Безпрестанно твердя, что онъ единственно достоинъ руки и сердца ея, она сочла себя въ томъ увѣренною; однакожь тихонько плакала и худѣла. Жеркуръ, возвратясь въ Парижъ, нашелъ ее отмѣнно блѣдною, и смотрѣлъ на Линдану такъ умильно, что она забыла свое намѣренїе обходиться съ нимъ холодно. Между тѣмъ, положивъ ѣхать къ водамъ въ Спа, не хотѣла передумать, и сказала о томъ Жеркуру, которой ни мало не старался удержать ее, и далъ ей чувствовать, что самъ туда будетъ. *Пока любишь, прощаешь* (*). Линдана, не довольствуясь тѣмъ, еще извиняла Жеркура, и даже, болѣе и болѣе о томъ думая, обратила его безпечность въ благоразумїе, нѣжность и великодушїе. Онъ не угадывалъ ея тайной склонности, а зналъ обязательства съ Вальмиромъ: уважалъ ихъ и жертвовалъ собою ея щастїю и доброму имени... Сколько причинъ любить его болѣе! Однакожь, не смотря на твердость великодушїя, любовь торжествуетъ: сердце

(*) Лабрюеръ.

влечетъ Жеркура въ слѣдъ за Линданою; онъ ѣдетъ въ Спа.... Съ этою мыслїю какъ весело было собираться въ дорогу!

Линдана поѣхала въ Маѣ, и наняла въ Спа прекрасной домикъ, котораго окна были на Литтихскую дорогу: съ этой стороны прїѣзжали всѣ изъ Францїи.

Величайшее удовольствїе въ любви есть *вѣрное ожиданїе*; оно соединяетъ въ себѣ прелесть надежды съ подлиннымъ щастїемъ. Воображенїе теряетъ силу свою въ дѣйствительномъ наслажденїи; но сколь украшаетъ оно все, чего ожидаемъ! Линдана всякое утро и вечеръ ѣздила гулять верхомъ по Литтихской дорогѣ, и всѣ кареты вдали производили въ ея сердцѣ живѣйшее чувство. Она ѣхала скорѣе на встрѣчу, и хотя съ прискорбїемъ видѣла холодныя, незнакомыя лица, однакожъ думала только: *это еще не онъ*! и смотрѣла опять впередъ. Въ шесть часовъ утра ей подавали списокъ всѣмъ прїѣхавшимъ: Линдана находила только имена незнакомыя или чуждыя для сердца; но она имѣла удовольствїе надѣяться, что найдетъ между ими *его* имя! Иногда ходила задумываться и мечтать на прекрасныя горы, окружающїя Спа; Жеркуръ не зналъ сихъ мѣстъ, и Линдана не могла насмотрѣться на ихъ велич-

ственныя красоты — не могла привыкнуть къ такому впечатлѣнію, котораго онъ еще не имѣлъ, и которымъ должно было ему наслаждаться въ ея присутствіи. Однимъ словомъ, живописныя окрестности Спа украшались для нее любовію; воображеніе заранѣе давало имъ такую прелесть, которая еще живѣе прелести воспоминанія. Мы говоримъ печально: *онъ былъ здѣсь!* но съ живою радостію мыслимъ: *онъ тутъ будетъ!*

Между тѣмъ время проходило, а Жеркуръ не ѣхалъ. Черезъ мѣсяцъ Линдана стала грустить; безпокойство скоро увеличивается въ сердцѣ; родившись, ежеминутно возрастаетъ. Она черезъ нѣсколько дней потеряла всю надежду и впала въ глубокую меланхолію. „Онъ никогда не любилъ меня, думала Линдана, а я не могу разлюбить его! вижу наконецъ холодность его характера, и все еще люблю! Живость и пламенные восторги Вальмировой страсти не могли тронуть меня. Этотъ языкъ книжной любви, романическія мысли, лесть и всѣ чрезмѣрности стали мнѣ даже противны съ того времени, какъ я узнала Жеркура. Онъ забываетъ меня; но когда видитъ, тогда предпочитаетъ другимъ. Жеркуръ такъ справедливъ и кротокъ; имѣетъ

такія нѣжныя идеи, и такъ пріятно выражаетъ ихъ!... Естьли бъ я не разставалась съ нимъ, то могла бы имъ быть довольна.... Довольна такимъ слабымъ чувствомъ?.. Что нужды, когда онъ *не можетъ* любить сильнѣе?"

Въ другія минуты оскорбленная Линдана клялась забыть Жеркура и сдержать слово, данное Вальмиру. Она часто слышала объ немъ отъ Англичанъ, пріѣзжавшихъ изъ Лондона. Его хвалили; сказывали, что онъ безпрестанно говоритъ объ ней, и въ великой меланхоліи. Наконецъ досада, самолюбіе и признательность заставили Линдану не думать болѣе о Жеркурѣ, или по крайней мѣрѣ рѣшиться на то. Чтобы утвердиться въ семъ намѣреніи, она вздумала путешествовать, и возвратилась въ Парижъ уже зимою. На другой день своего пріѣзда Линдана ужинала съ Жеркуромъ у Морфизы, давъ себѣ слово обойтись съ нимъ очень холодно; но онъ встрѣтилъ ее съ видомъ такой искренней радости, что она не могла быть холодною. Всегда долѣе показываютъ сердце на людей, которые бываютъ въ замѣшательствѣ отъ вины своей; они сами въ ней признаются — и вмѣсто того, чтобы тѣмъ удовольствоваться, мы любимъ продолжать дѣйствіе

ихъ раскаянія. Другіе, приводя въ замѣшательство, сами чувствуютъ его, и холодѣютъ къ человѣку, съ которымъ имъ быть не ловко. Но люди, не думающіе о винѣ своей, скорѣе мирятся, естьли они милы и пріятны; ихъ безпечность похожа на довѣренность любви; и мы не раскаиваемъ имъ за то даже благодарны. Жеркуръ началъ говорить о Спа. „Вы конечно пожалѣли обо мнѣ, сказалъ онъ, что я не могъ быть тамъ" — и гордая, взыскательная Линдана не требовала дальнѣйшаго оправданія. Сильная любовь перемѣняетъ характеръ, какъ въ хорошемъ, такъ и въ дурномъ смыслѣ, смотря по ея выгодамъ; она не истребляетъ пороковъ, но усыпляетъ ихъ. Жеркуръ спалъ бы дѣятеленъ, естьли бы онъ могъ любить такъ, какъ былъ любимъ.

Линдана мало по малу возвратила ему всю прежнюю власть его надъ нею. Не было точнаго изъясненія, но они казались сердечно-согласными. Жеркуръ чувствовалъ, что ему надобно еще долгое время соблюдать уваженіе къ ея извѣстному обязательству съ Вальмиромъ; онъ хотѣлъ лучше въ безмолвіи побѣдить сомнѣнія Линданы, нежели опровергать ихъ разсудкомъ. Жеркуръ судилъ объ ней по

своему характеру, и не зналъ, сколько она любила его!

Въ концѣ зимы Морфиза купила сельской домъ въ тридцати миляхъ отъ Парижа и рѣшилась прожить тамъ шесть мѣсяцевъ. Уговорились, что Линдана поѣдетъ съ нею; что Жеркуръ явится къ нимъ *первое Іюня*, и возвратится въ Парижъ не прежде осени. Съ началѣ весны онѣ поѣхали, и нашли старинной замокъ, окруженный болотами; но Линдана, въ ожиданіи Жеркура, хвалила безъ памяти мѣсто и виды. Всякой, кто молодъ и чувствителенъ, любитъ уединеніе или по крайней мѣрѣ образъ его; не думая отказаться отъ людей и даже не забывая свѣта, мы любимъ тогда бранить свѣтскія забавы и презирать ихъ... мѣсяца три; считаемъ себя Философами, отъ того, что живемъ въ готическомъ сельскомъ домѣ, не сидимъ двухъ часовъ за туалетомъ, гуляемъ только въ полѣ или въ лѣсу, и не ѣздимъ ни въ Оперу, ни въ Комедію. Эта Философія, весьма не похожая на Философію зрѣлыхъ лѣтъ, исчезаетъ вмѣстѣ съ весною и съ прекрасными днями; зима истребляетъ и слѣды ея! Линдана съ нетерпѣніемъ ожидала, чтобы Май кончился. Настало первое Іюня: она про-

снулась на разсвѣтѣ, чтобы ранѣе начать такой любезной день; и когда сошла въ гостиную комнату, то всѣ удивились ея красотѣ и милому убору; въ глазахъ у нее сїяло что-то совсѣмъ необыкновенное! . . . Но она ждала Жеркура только къ вечеру. Послѣ обѣда Линдана съ великимъ трудомъ согласилась итти гулять — онъ могъ прїѣхать въ это время! . . . жаловалась на сильной жаръ, на пыль, на камни — хромала — и въ семь часовъ возвратились домой. Еще никого не было. Но въ девятомъ часу услышали хлопанье бичей: Линдана вздрогнула и покраснѣла. Скачетъ карета, взъѣзжаетъ на мостъ, останавливается у крыльца. Лошади ржутъ, дворныя собаки лаютъ, и горничныя моськи отвѣчаютъ имъ; двери коридора съ великимъ стукомъ отворяются. . . Морфиза, безъ намѣренїя и безъ всякой нужды, встаетъ, переходитъ съ мѣста на мѣсто; мужъ ея спѣшитъ на встрѣчу къ Жеркуру. . . . Черезъ минуту слышенъ стукъ въ другой комнатѣ; идутъ люди. У Линданы бьется, волнуется сердце; она устремила глаза на двери — но что же почувствовали, когда ихъ обѣ вдругъ отворили (чего никогда для мущинъ не дѣлаютъ) и когда въ самомъ дѣлѣ, вмѣсто

Жеркура, явилась вѣтреная кокетка Мелинда! . . „Я пріѣхала къ тебѣ, милая, на двѣ недѣли (сказала она хозяйкѣ), вопервыхъ для того, чтобы видѣться съ тобою, а вовторыхъ и за тѣмъ, чтобы извинить Жеркура. Я одна помѣшала ему сдержать слово и пріѣхать сегодни. Послѣ все разскажу тебѣ" (примолвила она съ таинственнымъ видомъ).... Какъ? Жеркуръ не будетъ? спросила Морфиза. — Будетъ черезъ недѣлю, то есть въ Воскресенье поутру," отвѣчала Мелинда. Я уже не могу вѣрить ему, сказала хозяйка. — „О! будьте увѣрены. Отвѣчаю, что онъ явится здѣсь въ Воскресенье часу въ девятомъ утра." — Да изъясни намъ, для чего ты помѣшала ему пріѣхать къ намъ? — — Тутъ Мелинда начала шептать Морфизѣ, которая, любя всякія тайны, слушала ее съ великимъ вниманіемъ, и наконецъ сказала вслухъ: „это очень трогательно!" Мелинда сѣла. Стали играть въ карты. Новая гостья съ хозяйкою черезъ полчаса ушли въ кабинетъ и просидѣли тамъ до ужина. Между тѣмъ нещастная Линдана въ жестокой досадѣ своей нашла удивительную твердость; сердце дало ей силы; она считала себя такъ несносно оскорбленною, что горесть казалась ей униженіемъ. Линдана сѣла

играть въ карты; говорила, улыбалась, и лицо ея для глазъ наблюдателя изображало одну гордость. Довольная симъ опытомъ твердости, она еще болѣе укрѣпилась за ужиномъ; нѣсколько разъ начинала говорить съ Мелиндою; произнесла даже имя Жеркура.... ушла въ обыкновенный часъ, раздѣлась; но чувствуя невозможность скоро заснуть, велѣла поставить на столъ свѣчу и читала до пяти часовъ утра. Тутъ благодѣтельный сонъ закрылъ глаза ея. Въ девять часовъ она проснулась, и вся гордость исчезла... Линдана вообразила Жеркура съ Мелиндою, и залилась слезами; однакожъ могла скрыть горесть свою, которую умножила Морфиза, давая ей чувствовать, что Жеркуръ и Мелинда любятъ другъ друга.

На третій день Линдана, получивъ письма, выдумала цѣлую исторію, и нашла способъ совершенно увѣрить Морфизу, что ей надобно ѣхать въ Парижъ дней черезъ пять. Осьмое Іюня, завтракая съ хозяйкою, она велѣла закладывать карету. Вдругъ Мелинда вошла съ торжествующимъ видомъ и сказала: „Видите ли, что я могу ручаться за Жеркура? Сію минуту пріѣхалъ его слуга и говоритъ, что онъ самъ будетъ къ обѣду. Какъ Жеркуру не сдержать вѣрнаго слова,

мнѣ даннаго?" — Сія Жеркурова точность въ разсужденіи Мелинды еще болѣе раздражила Линдану: она спѣшила проститься, сѣла въ карету и велѣла постильйонамъ ѣхать какъ можно скорѣе. Еще не отъѣхали пяти миль, какъ имъ встрѣтилась двумѣстная Англійская карета. . . Линдана узнала Жеркуровъ экипажъ. Онъ видѣлъ уже передоваго слугу ея; велѣлъ остановиться, выскочилъ, — подошелъ и сказалъ Линданѣ: „какъ! выѣдете въ Парижъ?" — Такъ, государь мой! отвѣчала она сухо. „Постильйоны! назадъ!" закричалъ онъ. Линдана вздрогнула и спросила уже совсѣмъ другимъ голосомъ: „что это значитъ?" — „Вы однѣ, сударыня; вамъ надобно ѣхать ввечеру черезъ опасной лѣсъ: дозвольте мнѣ проводить васъ до Парижа" . . . Это было сказано при служанкѣ, сидѣвшей въ каретѣ, и Линдана догадалась, что *опасной лѣсъ* есть басня, выдуманная для дѣвицы Розаліи. Вы забываете, сказала она дрожащимъ голосомъ, что Мелинда. . . и Морфиза васъ ожидаютъ. — „Я напишу къ нимъ съ первой почты. Дозволите ли мнѣ сѣсть съ вами?" — Линдана отвѣчала только движеніемъ головы. Жеркуръ отворилъ дверцу, и съ покойнымъ видомъ сѣлъ подлѣ Розаліи, напротивъ Лин-

даны. Такимъ образомъ въ одну минуту онъ оправдался, и воскресилъ радость и довѣренность въ чувствительномъ сердцѣ Линданы. Они оба были растроганы и молчали. Розалїя, чрезмѣрно боязливая, начала спрашивать *объ ужасномъ лѣсѣ*. Жеркуръ отвѣчалъ ей, что въ немъ еще не давно зарѣзали двухъ человѣкъ. — „Которые ѣхали въ каретѣ?" — Да, въ Англїйской четверомѣстной; въ такой же, какъ ваша. — „Боже мой! какой страхъ! какой ужасъ!" — Что принадлежитъ до меня (сказала Линдана, смотря на Жеркура), то я совершенно теперь покойна. — Тутъ кареты остановились; стали перемѣнять лошадей. Линдана вышла, сѣла въ маленькомъ садикѣ, и будучи одна съ Жеркуромъ, сказала ему: „Боже мой! что подумаетъ Морфиза?" — Признаюсь, отвѣчалъ Жеркуръ, что я не много увеличилъ опасность Бондїйскаго лѣса; однакожь правда то, что не давно ограбили тамъ человѣка. Вы поѣдете лѣсомъ въ темную ночь, съ однимъ слугою; это въ самомъ дѣлѣ неосторожно. Я опишу Морфизѣ все такъ просто, что она не вообразитъ ничего романическаго; и сверхъ того дамъ ей слово возвратиться къ ней черезъ недѣлю: чего однакожь не сдѣлаю, естьли вы останетесь въ Парижѣ. —

„Ахъ, Жеркуръ! какъ я вамъ благодарна!“ — Вы огорчите меня, естьли удивитесь этому. Я только для васъ ѣхалъ къ Морфизѣ: что мнѣ тамъ дѣлать, когда вы будете въ городѣ? — „Однакожь Мелинда“ . . . Что такое? — „Вы для нее оставались въ Парижѣ.“ — Какъ? развѣ она не сказала, для чего? — „Сказала за великую тайну одной Морфизѣ.“ — Тайны совсѣмъ нѣтъ; однакожь я виноватъ въ томъ, что не написалъ къ вамъ, зная характеръ ея; имѣя къ вамъ довѣренность, надѣялся, что вы будете имѣть ее и ко мнѣ. — „Ахъ! теперь готова вѣрить вамъ во всемъ!“ — Я могъ въ важномъ дѣлѣ услужить брату Мелинды, пожертвовалъ дружбѣ осьми днями щастія, и думалъ: *Линдана будетъ за то довольна мною!*... Тутъ она заплакала... О Жеркуръ! сказала Линдана: я виновата, и боюсь, чтобы любовь ваша ко мнѣ не уменьшилась!... Можно ли, отвѣчалъ онъ съ нѣжнымъ взоромъ, можно ли такъ думать о человѣкѣ, который не умѣетъ любить страстнѣе? — Жеркуръ взялъ ея руку, поцѣловалъ, сказалъ: *навѣки*!.. и пошелъ писать къ Морфизѣ. Его увѣреніе любить вѣчно было гораздо надежнѣе всѣхъ клятвъ и восторговъ пламеннаго любовника. Онъ

не зналъ страсти, но любилъ, говорилъ искренно, не увеличивалъ, и гнушался всякимъ обманомъ. Искренность и спокойствіе сердца украшали нѣжность его какою-то милою, трогательною прелестію, увѣрительною для любовницы въ разсужденіи будущаго.

Испытавъ всю тоску ревности, Линдана предалась живѣйшему удовольствію; никакая боязнь, никакое сомнѣніе не мѣшали ей совершенно имъ наслаждаться. Жеркуръ любилъ ее, Жеркуръ ѣхалъ съ нею въ одной каретѣ — могла ли она думать о Вальмирѣ и свѣтѣ?

Написавъ записку къ Морфизѣ, онъ отправилъ ее съ постильйономъ и сѣлъ въ каретѣ опять подлѣ Розаліи. Не смотря на досадное присутствіе свидѣтельницы (ибо благопристойность, тогда еще уважаемая во Франціи, не дозволяла посадить ее въ другую карету), Линдана блаженствовала въ сердцѣ. Жеркуръ сидѣлъ противъ нее, съ видомъ довольнымъ, щастливымъ! смотрѣлъ нѣжно, умильно! Казалось, что онъ навсегда расположился въ каретѣ: такъ хорошо ему было, покойно, весело! Щастіе его имѣло какой-то особенный характеръ любезной надежности, такъ, что самый равнодушный человѣкъ могъ бы съ великимъ удоволь-

ствіемъ смотрѣть на него. Розалія не мѣшала любовникамъ изъясняться; принужденіе дѣлало разговоръ ихъ еще живѣе, заставляя ихъ употреблять остроумные, тонкіе обороты, понятные только для сердца любовниковъ. Въ три часа остановились обѣдать, и долго сидѣли за столомъ. Между тѣмъ Розалія обѣдала съ Жеркуровымъ камердинеромъ. Тутъ Жеркуръ началъ прямо говорить о любви и супружествѣ; онъ не сказалъ ничего новаго, имѣвъ уже случай разнымъ образомъ изъявлять склонность свою; но въ имени *любви*, въ первый разъ произнесенномъ, есть особенная волшебная сила, которая чудесно трогаетъ и всегда *удивляетъ* сердце.

Открывъ всю чувствительность души своей, Линдана со вздохомъ вспомнила наконецъ о словѣ, данномъ Вальмиру. Я ваша, Жеркуръ! сказала она: но мнѣ жалокъ бѣдной Вальмиръ, которой любитъ меня страстно и путешествуетъ 18 мѣсяцевъ въ томъ увѣреніи, что возвратясь будетъ моимъ супругомъ. Я не могу отдать руки своей, пока онъ не возвратитъ мнѣ *смѣшнаго* моего обязательства, то есть записки, которою Морфиза принудила меня учинить его. Съ того времени, какъ люблю васъ, не имѣю ника-

кого сомнѣнія въ сердцѣ своемъ, но колебалась въ намѣреніяхъ, и Вальмиръ оставался въ заблужденіи, вмѣстѣ съ другими. Что мнѣ теперь дѣлать? писать ли къ Вальмиру или дождаться его возвращенія? Знаю напередъ, что онъ будетъ въ отчаяніи; но увѣрена въ его великодушіи и въ томъ, что Вальмиръ пожертвуетъ наконецъ своимъ щастіемъ моему." — Писать къ нему? отвѣчалъ Жеркуръ: можетъ быть онъ теперь въ Мальтѣ или въ Греціи или въ другой части свѣта: ваше письмо можетъ совсѣмъ не дойти до него; вѣрнѣе всего ждать его возвращенія. — „Вы мнѣ это совѣтуете?" — Я думаю, что вы должны изъясниться съ нимъ искренно и съ твердостію; достоинство вашего характера требуетъ того. Это удалитъ мое щастіе на 18 мѣсяцевъ; но васъ не льзя будетъ упрекать дурнымъ поступкомъ.

Линдана такъ и рѣшилась. Она сѣла въ карету еще веселѣе прежняго. Всѣ важныя условія были сдѣланы; во всемъ согласились; неизвѣстность судьбы ея миновалась, и глаза съ новою пріятностію устремлялись на Жеркура, какъ на *образъ щастія*, которымъ и воображеніе и сердце ея равно услаждались.

При въѣздѣ въ Бондїйской лѣсъ Жеркуръ сѣлъ на верховую лошадь, чтобы ѣхать подлѣ кареты. Линдана чувствовала, какъ мило быть подъ защитою любимаго человѣка, и какъ тогда спокойно сердце! . . Можно ли, говорила она боязливой Розалїи, можно ли спрашиться, когда онъ тутъ? . . . Наконецъ въ два часа утра прїѣхали въ Парижъ. На другой день Линдана рѣшила, что Жеркуръ черезъ двѣ недѣли возвратится къ Морфизѣ; что она сама дней черезъ шесть поѣдетъ къ ней, и вмѣстѣ съ нимъ проживетъ тамъ все лѣто.

Съ того времени никакое безпокойство не тревожило Линданы, кромѣ мысли о Вальмирѣ; но сїя мысль начала ужасать ее, когда приближилось время его возвращенїя. Она представляла себѣ трагическїя сцены: Вальмирово отчаянїе, угрозы, месть, пистолетный выстрѣлъ и Жеркура плавающаго въ крови. . . . Эта ужасная картина не выходила изъ ея воображенїя, и жестокїя угрызенїя совѣсти присоединились къ ея страху; она упрекала себя романическою своею безразсудностїю, искренно жалѣла о Вальмирѣ и думала, что во всю жизнь не будетъ равнодушною къ нещастїю столь любезнаго человѣка. Однакожь сїи

горестныя мысли терзали ее только въ отсутствіе Жеркура; она любила его страстно, и при немъ могла заниматься единственно щастіемъ любви, несказаннымъ удовольствіемъ смотрѣть на милаго друга.

Вальмиръ всегда писалъ къ Морфизѣ, хотя и не такъ часто, отъ дальняго разстоянія мѣстъ, однакожь съ великою точностію: вдругъ онъ замолчалъ. Этому не дивились, зная, что ему надлежало быть тогда въ Греціи. Наконецъ въ Декабрѣ 1784 году Морфиза получила отъ него самое нѣжное письмо, въ которомъ онъ жаловался на ея долговременное молчаніе, увѣряя, что всегда писалъ къ ней, и въ заключеніи говорилъ, что непремѣнно будетъ въ Парижѣ къ 28 Генваря 1785 году. Это письмо возобновило страхъ Линданы, и всякая минута умножала его. Она всегда заставляла молчать тѣхъ, которые хотѣли говорить ей о Вальмирѣ: догадались, что Линдана уже разлюбила его, и скоро узнали всю ея тайну. Мущины извиняли прелестную вдову, и смѣялись надъ *странствующимъ* рыцаремъ, который въ осьмомъ-надесять вѣкѣ безразсудно согласился на трехлѣтнюю ссылку; но женщины проклинали бѣдную Линдану, находя ее

достойную всѣхъ временныхъ и вѣчныхъ наказаній за вѣроломство. Она могла ожидать гоненія, будучи молода и прекрасна. Сей случай подавалъ богатую матерію къ разговорамъ въ кругѣ *метафизическихъ, чувствительныхъ дамъ*, которыя возненавидѣли Линдану за то, что она перестала умничать, тонко разбирать чувства, философствовать и риторствовать; а говорила просто, мило, и безъ всякаго желанія блистать умомъ плѣняла всѣхъ своею любезностію. Коварные люди (а ихъ большая часть) съ нетерпѣніемъ ждали Вальмира, чтобы видѣть развязку сего *испорченнаго* героическаго романа. Наконецъ пришелъ ужасный день для Линданы. 28. Генваря она встала съ такою дурнотою и слабостію, что едва могла ходить. „Боже мой! какъ вы перемѣнились!“ сказала Розалія, смотря на нее съ удивленіемъ. Ахъ другъ мой! отвѣчала Линдана: для чего я нынѣшній день не отвратительна лицомъ! Розалія не могла повѣрить искренности такого страннаго желанія . . . можетъ быть она и не обманывалась. Какая женщина въ самомъ дѣлѣ захочетъ исцѣлить отъ любви отвращеніемъ, когда любовникъ молодъ, хорошъ и достоинъ ея почтенія? Я не берусь рѣшить вопроса.

Какъ бы то ни было, Линдана по крайней мѣрѣ ни мало не хотѣла нравиться, и страдала душевно. Въ 12 часовъ она услышала на дворѣ стукъ кареты. Не велѣвъ въ тотъ день никого принимать, кромѣ Вальмира, Линдана была увѣрена, что это онъ — задрожала и поблѣднѣла. . . . Бѣгутъ по лѣсницѣ, хлопаютъ дверью — и Вальмиръ, задыхаясь отъ усталости, бросается на колѣни передъ нею! . . . О Вальмиръ! говоритъ она: любезный Вальмиръ! ради Бога встаньте! . . Нѣтъ, нѣтъ! отвѣчаетъ онъ: мнѣ должно быть, должно умереть у ногъ вашихъ! — „Чувствительной, великодушной Вальмиръ! выслушайте меня!" — Ахъ! дайте мнѣ вздохнуть свободно! — „Я хочу изъясниться съ вами." — Добродѣтельная Линдана, примѣръ женщинъ! — „Нѣтъ, Вальмиръ, я такова же, какъ и другія; но въ васъ . . . какое геройство чувства! какая вѣрность!" — Ради Бога, Линдана, пощадите меня! — „Вальмиръ!" — Линдана! — „Я не могу смотрѣть на васъ!" — А я? — „Что должна сказать вамъ!" — Какъ! что вы даете мнѣ чувствовать? — „Радость блистаетъ въ глазахъ вашихъ: ахъ нещастный Вальмиръ! вы не угадываете!" . . . Тутъ слезы Вальмировы оста-

новились. Какъ, Линдана! сказалъ онъ вдругъ съ веселымъ лицомъ: не уже ли. . . Вы назвали меня нещастнымъ? — „Ахъ! время, отсутствіе“. . . . Договорите скорѣе! — „Сердце мое перемѣнилось; другой владѣетъ имъ!“ — Неблагодарная! воскликнулъ Вальмиръ вставая: послѣ того, что я сдѣлалъ для любви!... „Осыпайте меня укоризнами, отвѣчала она, проливая слезы: я всего достойна“... Неблагодарная! повторилъ Вальмиръ тихимъ голосомъ: я безпокоился, терзался угрызеніемъ совѣсти. . . . „Угрызеніемъ совѣсти? Боже мой!“ воскликнула Линдана въ свою очередь съ пріятнымъ удивленіемъ: „вы меня уже не любите?“ — Можно ли видѣть васъ, и не жалѣть о томъ? — „Вы измѣнили?“ — Я уже два года женатъ. — „Вѣроломной!“ . . . Вальмиръ улыбнулся, а Линдана засмѣялась; они съ нѣжностію обнялися, и дали клятву, которую скорѣе можно исполнить: клятву быть вѣчно друзьями. Наконецъ разсказали другъ другу свои приключенія. Избавляю читателя отъ Вальмировой исторіи, для того, что (между нами будь сказано!) худо вѣрю ей. Онъ воспользовался двоякимъ правомъ путешественника и любовника, и сочинилъ любопытной романъ, въ которомъ все изви-

няло его непостоянство. Линдана также раскрасила истину. Новые друзья согласились, что въ такомъ стеченіи удивительныхъ и едва ли не сверхъ-естественныхъ случаевъ они были вѣрны до послѣдней человѣческой возможности!

Черезъ нѣсколько дней Линдана вышла за холоднаго Жеркура. Время доказало, что сердце ея не ошиблось въ выборѣ. Пламенный Вальмиръ, увлекаемый воображеніемъ, часто заставлялъ жену свою плакать; а Жеркуръ былъ всегда одинаковъ. Линдана, любя страстно, не могла быть совершенно довольна его спокойнымъ чувствомъ; однакожь, не зная ни страха, ни ревности, благодарила судьбу за свое щастіе; страсть ея никогда не миновалась, отъ того, что сердце ея всегда желало чего нибудь. Жеркуръ любилъ ее не пламенно, но нѣжно и постоянно. Она не рѣдко говорила друзьямъ своимъ, что для супружества надобно выбирать того, чья любовь сходнѣе съ кроткою и милою дружбою.

II.

СТИХИ

Гаврилу Романовичу Державину

На переводъ Пиндара.

Державину ль искать въ чужихъ стихахъ примѣра?
Тому ли подражать, кто самъ примѣромъ сталъ?
Маронъ въ отечествѣ не перевелъ Гомера;
Съ Вандиковыхъ картинъ Корреджій не писалъ.
Пусть славитъ Грецiя Элидски колесницы!
Кто духъ Горацiя съ Пиндаромъ сѣединилъ,
Къ лирическимъ красамъ путь новый намъ открылъ;
Кто подвиги гремѣлъ безсмертныя Фелицы;
Кто гласомъ Аонидъ Героевъ Росскихъ пѣлъ —
Того померкнутъ ли въ отечествѣ картины?
И естьли бы теперь родился другъ Корины,
Не онъ ли бы тебя, Державинъ, перевелъ? —

(*Присланы изъ Петербурга.*)

Ам. Б.

III.

Мудрецъ и Филинъ.

Басня.

Гонимый отъ всѣхъ, оставленный, презрѣнный,
Безъ крова и друзей, печалью изнуренный,
Скитался Доримонъ;
Безумцамъ истину представить вздумалъ онъ,
И истина была всѣхъ бѣдъ его виною;
Терпѣнье, здравый умъ, сокровища свои,
Унесъ мудрецъ съ собою.
Однажды видитъ онъ, что галки, воробьи
На филина напали.
„Онъ врагъ отечества, злодѣй!“ они кричали:
„Въ примѣръ и страхъ другимъ,
Ощиплемъ мы его, ощиплемъ, умертвимъ!“
Чего не дѣлаютъ безуміе и сила?
Уже смерть филину грозила;
Но тронутый его судьбой,
Мудрецъ махнулъ рукой,
И въ мигъ глупцовъ исчезла стая!
Чѣмъ такъ противъ себя ты ихъ ожесточилъ?
Онъ филина потомъ спросилъ.
Повѣся голову и тяжко воздыхая,
Не знаю, отвѣчалъ, что мнѣ тебѣ сказать;
Къ согласью и любви хотѣлъ ихъ обращать,
И правду говорилъ, но говорилъ напрасно:
Моя вина вся въ томъ, что ночью вижу ясно!

В. Пушкинъ.

IV.

Историческія воспоминанія, вмѣстѣ съ другими замѣчаніями, на пути къ Троицѣ и въ семъ монастырѣ.

(Окончаніе.)

Борисъ Годуновъ (*) былъ одинъ изъ тѣхъ людей, которые сами творятъ блестящую судьбу свою и доказываютъ чудесную силу Натуры. Родъ его не имѣлъ никакой знаменитости, и воспитаніе тогдашняго времени не могло воспалить въ немъ того страстнаго честолюбія, развить той великой хитрости, которыя составляютъ его характеръ. Двадцати лѣтъ онъ сдѣлался извѣстенъ при Дворѣ въ должности Рынды или оруженосца; для чего надлежало ему быть пріятной наружности: ибо иностранцы, описывая Дворъ Царей нашихъ, замѣчаютъ отмѣнную красоту юношей, которые, въ длинной бѣлой одеждѣ, носили передъ Государями оружіе въ ихъ торжественныхъ выходахъ. Борисъ умѣлъ пріобрѣсти благосклонность Малюты Скуратова, любимца Іоаннова; женился на его дочери, былъ пожалованъ

(*) Несправедливость нашихъ лѣтописцевъ въ разсужденіи сего Царя заставила меня войти здѣсь въ нѣкоторыя подробности.

въ Кравчїе, игралъ ролю Дружки на свадьбѣ Царя, и наконецъ выдалъ сестру свою за Царевича Ѳеодора: изъ чего можно заключить о великой милости Іоанновой къ Годунову. Кончина сего Государя и слабость Ѳеодора открыли ему дальнѣйшїе виды властолюбїя. Будучи только семнадцатымъ Членомъ Тайнаго Совѣта (*), онъ сдѣлался единственною его душею: однихъ удалилъ, другихъ преклонилъ на свою сторону, и властвовалъ въ Россїи. Иностранные Писатели называютъ его торжественно-обьявленнымъ Протекторомъ Государства; но онъ въ самомъ дѣлѣ имѣлъ только властолюбїе и разумъ Кромвеля, не имѣя его титула: Рускїе лѣтописцы даютъ ему одно имя Конюшаго. Мирное и кроткое царствованїе Ѳеодора, послѣ ужасовъ Іоаннова, казалося народу и дворянству истиннымъ золотымъ вѣкомъ: такъ выгодно быть преемникомъ жестокаго Царя! А какъ всѣ знали, что Ѳеодоръ мало занимался государственными дѣлами, то вся слава правленїя относилась къ Годунову, который своею мудрою дѣятельностїю, благоразумною политикою въ разсужденїи иностранныхъ Державъ, правосудїемъ.

(*) Онъ состоялъ изъ 31 человѣка.

внутри государства, ласковымъ обхожденіемъ съ Боярами и щедростію къ народу (*), заслужилъ общее уваженіе и любовь. Онъ воспитывалъ сына своего сообразно съ тайнымъ, великимъ его назначеніемъ; призвалъ для того изъ Нѣмецкой земли ученыхъ мужей и явилъ въ Россіи первый образецъ моральнаго образованія, достойный самыхъ просвѣщенныхъ временъ. Димитрія уже не было. . . . Увѣривъ Россію въ своей рѣдкой мудрости, Годуновъ спокойно ожидалъ слѣдствій; онъ предвидѣлъ скорую кончину Ѳеодора, слабаго душею и тѣломъ.

Надежда его исполнилась. Общій гласъ наименовалъ Годунова Царемъ (**), когда на тронѣ пресѣкся родъ Князей Варяжскихъ и Царица Ирина отказалась отъ правленія. Россія въ первый разъ избрала себѣ Государя, торжественно и свободно. Бояре и народъ, Патріархъ и Духовенство предложили ему вѣнецъ отечества. Хитрый Годуновъ хотѣлъ показать, что твердая душа его не ослѣпляется блескомъ трона, и съ скромнымъ величіемъ отвергнулъ корону; но Іовъ умолялъ его, народъ требовалъ, сама Царица про-

(*) Доходы его простирались до 90,000 руб.
(**) Одни Шуйскіе и Григорій Годуновъ тому противились.

сила — и Борисъ съ видомъ глубокой горести отвѣтствовалъ наконецъ, что онъ изъ повиновенія соглашается властвовать!

Ложный слухъ о вооруженіяхъ Хана Крымскаго благопріятствовалъ тонкой политикѣ Годунова: онъ желалъ увѣрить Россіянъ, что безопасность отечества ему дороже сана Царскаго — отложилъ священный обрядъ вѣнчанія и велѣлъ собираться войску. Серпуховъ былъ свидѣтелемъ великаго зрѣлища: тамъ въ нѣсколько недѣль собралось болѣе 200,000 воиновъ (*): армія, какой еще въ Россіи никогда не видали! Бояре и дворянство хотѣли изъявить отмѣнное усердіе новому Государю; вооружили столько людей, сколько могли набрать въ своихъ помѣстьяхъ, и явились въ станѣ со всѣмъ блескомъ восточной роскоши. Годуновъ прибылъ въ сей необозримый станъ какъ на пиръ великолѣпный, который давала ему довольная и щастливая Россія; бранный шлемъ украшалъ тогда голову его не хуже вѣнца Царскаго. Но Казигирей требовалъ мира и прислалъ Мурзъ своихъ быть свидѣтелями славы и величія Царя Россійскаго. Пораженные зрѣлищемъ безчисленнаго войска, стоявшаго въ ружьѣ на

(*) Маржеретъ говоритъ, пять сотъ тысячь.

пространствѣ семи верстъ, они отъ страха и трепета едва могли говорить съ Царемъ. Въ станѣ начались пиршества, которыхъ описанїе кажется намъ даже романическимъ. Цѣлыя шесть недѣль Государь угощалъ ежедневно болѣе 10000 человѣкъ, въ богатыхъ ставкахъ, на серебряныхъ блюдахъ; раздавалъ денеги простымъ воинамъ, а чиновниковъ дарилъ золотыми парчами и бархатомъ; наконецъ, утвердивъ миръ съ Татарами, заключилъ ежедневныя празднества обѣдомъ для всего войска: изъявилъ ему благодарность за усердїе, и съ торжествомъ возвратился въ Москву, принять корону отъ Патрїарха. Властолюбивая Годунова душа блаженствовала въ сїе время. Едва ли какое нибудь другое царствованїе начиналось столь великолѣпно и славно: можно ли было ожидать такого конца ужаснаго?

Принимая вѣнецъ, Годуновъ со слезами клялся быть правосуднымъ, человѣколюбивымъ, отцомъ народа. Онъ старался исполнить обѣтъ свой. Лѣтописцы наши, столь не охотно отдающїе ему справедливость, признаются, что Борисъ *любилъ въ судахъ правду*, и что въ его время не лилась кровь человѣческая на эшафотахъ; но все, чего можно было не сказать въ похвалу Годунова, ими умол-

чено: на примѣръ, какъ онъ облегчалъ бремя налоговъ; какъ хотѣлъ прекратить разныя злоупотребленія власти, вредныя для народа (*); какъ во время общихъ бѣдствій, которыми Богъ посѣтилъ Россію въ его правленіе, истощилъ онъ всю казну Царскую на благодѣянія . . . Провидѣнію не угодно было, чтобы намѣреніе Годунова исполнилось, и чтобы Россія въ его время начала уже спорить съ другими Державами въ успѣхахъ гражданскаго искусства; но онъ имѣлъ сіе намѣреніе, и мы должны быть признательны къ чрезвычайнымъ дѣйствіямъ ума во мракѣ самаго невѣжества. Царь Борисъ, по увѣренію иностранныхъ Писателей (**), хотѣлъ ввести въ Россію науки съ художествами; любилъ великихъ людей, и всячески убѣждалъ славнаго Англійскаго Математика Ди пріѣхать въ Москву; отправлялъ молодыхъ дворянъ въ другія земли (***) учиться; взялъ въ Рускую службу многихъ Нѣмецкихъ Офицеровъ — однимъ словомъ, хотѣлъ употре-

(*) См. Манифестъ Годунова, отысканный Миллеромъ въ Сибирскихъ Архивахъ.

(**) Мильтона, Петрея, и проч.

(***) Ихъ послано было 18 въ Швецію и въ Нѣмецкую землю. Трое изъ нихъ служили при Дворѣ Карла IX въ Шпокгольмѣ.

бить тѣ же способы для просвѣщенія Россіи, которые сто лѣтъ послѣ были увѣнчены совершеннымъ успѣхомъ въ рукахъ ПЕТРА Великаго. Но Судьба не позволила ему царствовать долѣе осьми лѣтъ; не позволила ему и въ сіе краткое время спокойно заниматься благомъ отечества, омрачивъ Россію ужасами и бѣдствіями. Годуновъ сдѣлалъ все, чего можно требовать отъ человѣческой мудрости, когда она должна сражаться съ ожесточеннымъ рокомъ. Очевидцы, Маржеретъ и Петрей, описали намъ его удивительную попечительность о спасеніи народа во время страшнаго голоду, который два года свирѣпствовалъ въ Россіи. Царь ежедневно раздавалъ бѣднымъ 50000 рублей (*); отправлялъ лекарства и большія суммы денегъ въ Смоленскъ, опустошаемый язвою; истребилъ цѣлую армію злодѣевъ, которые подъ начальствомъ грознаго, отчаяннаго *Хлопка*, сего Рускаго Катилины, все жгли и грабили въ окрестностяхъ столицы. Въ самое то время, когда государство было жертвою неслыханныхъ

(*) См. Петрея и Маржерета. Онъ нарочно завелъ строенія, чтобы бѣдные люди, имъ питаемые, могли трудами быть полезны государству. Иванъ Великій остался монументомъ сего благодѣянія.

золъ, Царь Борисъ, находя въ духѣ своемъ довольно твердости для ихъ отраженія, спокойно и величественно принималъ въ Москвѣ иностранныхъ Министровъ, удивлялъ ихъ велелѣпіемъ Двора, давалъ убѣжище Принцамъ (*), сажалъ Царей на троны (**), заключалъ выгодные союзы, строилъ города и крѣпости, славился своимъ миролюбіемъ, дѣйствіемъ одной хитрой политики, безъ оружія, истребилъ опасныя Нагайскія Орды, и безъ побѣдъ заставилъ Европейскія Державы (***) уважать Россію болѣе прежняго. Послы Сигизмунда III, Королей Датскаго и Шведскаго, Елисаветы Англійской и преемника ея, славныхъ городовъ Ганзейскихъ, надменнаго Папы, Императора Рудольфа и наконецъ завоевателя востоточнаго, Персидскаго Шаха Аббаса, благоговѣли передъ трономъ Годунова. . . И сего Монарха, о которомъ ПЕТРЪ Великій отзывался съ уваженіемъ, и котораго имя самъ Царь Михаилъ велѣлъ

(*) Шведскому.
(**) Касимовскаго.
(***) Самъ жестокой Авторъ Ядра Россійской Исторіи въ этомъ признается — не Хилковъ, а Секретарь или Переводчикъ его, истинный сочинитель сей книги, какъ-то открылось по найденнымъ запискамъ въ Архивѣ Иностр. Коллегіи.

сохранить на Иванѣ Великомъ, не смотря на то, что родитель его былъ гонимъ Борисомъ; сего Монарха, говорю, лѣтописцы наши не стыдятся описывать безумнымъ злодѣемъ, увѣряя, что онъ, для пріобрѣтенія любви народной, жегъ Москву, тайно умерщвлялъ старыхъ Монахинь, изъ фамиліи Романовыхъ (*), научалъ слугъ доносить на господъ своихъ въ нелѣпостяхъ, и даже самъ грабилъ съ ними домы Бояръ (**)! Мы, слава Богу! живемъ въ такія времена, въ которыя можемъ и должны разсуждать; изъясняемъ характеръ человѣка дѣломъ, и дѣло характеромъ человѣка; знаемъ, что властолюбіе умныхъ людей не всегда бываетъ чуждо злодѣйству, но что для вѣроятности сего злодѣйства надобно доказать связь его съ пользою властолюбія. Годуновъ, ослѣпленный страстію, могъ ужаснымъ образомъ пролить невинную, святую кровь для пріобрѣтенія короны: къ нещастію рода человѣческаго мы находимъ такія страшныя дѣла въ Исторіи; но почти всѣ другія мнимыя преступленія его кажутся мнѣ нелѣпостями, достойными грубыхъ льстецовъ, которые хотѣли злосло-

(*) Ефимію Никитишну, жену Князя Ивана Васильевича Сыцкаго.

(**) См. Ядро Россійской Исторіи.

вїемъ льстить царствующей Фамилїи Романовыхъ. Безпристрастный Историкъ конечно осудитъ въ немъ безпокойную подозрительность въ разсужденїи нѣкоторыхъ знатныхъ фамилїй: она была причиною ссылки Романовыхъ; она заставила его мѣшать брачнымъ союзамъ Бояръ и терпѣть шпїонство; но должно вспомнить характеръ того времени; должно вспомнить, что Борисъ царствовалъ скоро послѣ Іоанна, который дозволялъ себѣ не такїе ужасы въ случаѣ малѣйшаго сомнѣнїя. Онъ не родился Государемъ; а подозрительность гораздо извинительнѣе въ избранномъ, нежели въ наслѣдственномъ Монархѣ. Послѣднїй въ самой колыбели уже казался намъ властелиномъ; но люди таковы, что имъ трудно считать земнымъ богомъ человѣка, который нѣкогда былъ наравнѣ съ ними. Годуновъ могъ думать, что знатные Бояре не охотно ему повинуются; и хотѣвъ быть осторожнымъ, сдѣлался притѣснителемъ. Иностранные Писатели (*) замѣчаютъ, что онъ весьма рѣдко показывался народу: не трудно угадать причину: Годуновъ-Царь боялся напомнить ему лицомъ своимъ Годунова-подданнаго — страхъ

(*) Маржеретъ.

неизвѣстный наслѣдственнымъ Вѣнценосцамъ! — Къ чести моральнаго характера его должно замѣтить, что онъ былъ нѣжнымъ отцомъ и супругомъ. Москва въ царствованіе Бориса не видала при Дворѣ тѣхъ соблазнительныхъ, развратныхъ сценъ, которыя описаны Курбскимъ, и которыми она гнушалась послѣ въ царствованіе Лжедимитрія: тамъ сіяло одно великолѣпіе и соблюдалась строгая благопристойность. Усердная набожность принадлежитъ также къ характеру Годунова; не льзя сомнѣваться въ ея искренности, когда онъ пожертвовалъ ей жизнію любимаго сына, велѣвъ его больнаго, въ холодный зимній день, нести въ церковь (*). Никто изъ Рускихъ Царей чаще Бориса не бывалъ въ монастырѣ Троицкомъ и въ другихъ святыхъ обителяхъ. Можетъ быть угрызеніе совѣсти влекло его къ олтарямъ Религіи, которая самыхъ преступниковъ не отвергаетъ, и льетъ бальзамъ на сокрушенное тайнымъ раскаяніемъ сердце.

Уже Россія забывала свои бѣдствія; рука дѣятельнаго правленія залечила язвы ея; изобиліе, порядокъ и благоустройство начинали царствовать (**) . . . Вдругъ

(*) См. Флетчера.

(**) Маржеретъ, вѣрный слуга Лжедимитрія и слѣдственно недоброжелатель Годунова,

все перемѣнилось!... Сей Царь, мудрый и сильный, на котораго смотрѣла съ почтеніемъ Европа и Азія, уступаетъ тронъ свой Польскому бродягѣ!.. Вотъ любопытная эпоха нашей Исторіи, трудная, но весьма занимательная для ума историческаго. Онъ долженъ рѣшить важное сомнѣніе, не только для Россіи, но и для Европы; рѣшить не иначе, какъ собравъ довольное число вѣроятностей для произведенія моральнаго увѣренія. Хотя Историкъ судитъ безъ свидѣтелей; хотя не можетъ допрашивать мертвыхъ: однакожь истина всегда зараниваетъ искры для наблюдателя безпристрастнаго; должно отыскать ихъ въ пеплѣ — и тогда происшествіе объясняется.

Естьли Небесное правосудіе хотѣло наказать Годунова, то Оно не могло избрать ужаснѣйшаго способа для сего наказанія, какъ воскресивъ имя убіеннаго для пораженія убійцы; и естьли Годуновъ подлинно отравилъ себя ядомъ, то безразсудное его отчаяніе можно только изъяснить непосредственнымъ дѣйствіемъ вышняго Промысла и безпокойной совѣ-

---

пишетъ, что Россія была тогда сильнѣе и щастливѣе прежняго.

сти (*): ибо онъ въ самомъ дѣлѣ не имѣлъ еще никакихъ причинъ боятьcя самозванца, на голову побитаго Царскою армїею и не смѣвшаго выйти изъ Путивля, гдѣ едва ли было у него и 5000 сброднаго войска (**). Внезапная смерть Годунова, молодость Царя Ѳеодора, несогласїе Бояръ и наконецъ измѣна неблагодарнаго Басманова открыли ему путь къ Москвѣ. — Что принадлежитъ до тогдашней народной ненависти къ Царю Борису, о которой говоритъ Князь Щербатовъ, то я не вижу рѣшительныхъ ея доказательствъ. Извѣстно непостоянство народа: онъ могъ быть обольщенъ чудесною новостїю и слѣдовать за Лжедимитрїевыми знаменами безъ всякой особенной ненависти къ Борису, который правленїемъ своимъ не заслужилъ ее. Скорѣе повѣрю я

(*) Маржеретъ и Петрей, бывшїе тогда въ Россїи, говорятъ, что ударъ прекратилъ жизнь его; нѣкоторые иностранцы думали, что измѣнникъ Петръ Басмановъ далъ ему яду; а наши лѣтописцы утверждаютъ, что Борисъ самъ себя отравилъ

(**) Вотъ тогдашнее состоянїе дѣлъ: самозванецъ, побитый Шуйскимъ, ушелъ въ Путивль съ своими Іезуитами; Воевода Сендомирскїй, отецъ Марины, уѣхалъ назадъ въ Польшу; часть Борисовой армїи не могла взять Тульска, занятаго единомышленниками Отрепьева; главная армїя осаждала Кромы, и начальники ея ссорились между собою.

Татищеву, что *Бояре* не любили тогда Годунова: ибо онъ, запретивъ крестьянамъ переходить съ мѣста на мѣсто, отнялъ у сильныхъ и богатыхъ господъ средство разорять бѣдныхъ дворянъ, то есть переманивать ихъ земледѣльцевъ къ себѣ. Татищевъ находитъ въ семъ законѣ причину гибели Царя Бориса и нещастнаго семейства его. Но Патріоту не хотѣлось бы оскорблять памяти старинныхъ Бояръ Рускихъ и думать, что грубое корыстолюбіе могло привязать ихъ къ успѣхамъ самозванца.

Ничто по крайней мѣрѣ не мѣшаетъ намъ жалѣть о добродѣтельной Борисовой супругѣ (отъ которой онъ, по словамъ одной лѣтописи нашей, таилъ непохвальныя дѣла свои) — о юномъ и прекрасномъ Ѳеодорѣ, котораго умъ и свойства единодушно прославляютъ всѣ Рускіе лѣтописцы, и который, подобно Англійской Аннѣ Грей, нашелъ на тронѣ одну преждевременную смерть — — наконецъ о любезной Ксеніи, столь милой доброму сердцу по самымъ ужаснымъ ея бѣдствіямъ. Едва оплакавъ кончину достойнаго жениха своего, Принца Датскаго, она лишилась родителя — видѣла убіеніе матери, брата, и была жертвою гнуснаго сласполюбія убійцы ихъ. Ея жизнь угасла

въ слезахъ подъ сводомъ монастырской кельи.

Шуйскій, сдѣлавшись Царемъ, велѣлъ перевести тѣло Годунова изъ Варсонофьевскаго монастыря въ Троицкій и похоронить его *честно*, вмѣстѣ съ супругою и дѣтми, при Успенскомъ Соборѣ. Симъ изъявилъ онъ уваженіе къ памяти Годунова, который любилъ его. На лѣвой сторонѣ отъ Собора, съ краю, лежитъ Царица; подлѣ нее Борисъ; въ третьемъ гробѣ Ксенія, а въ четвертомъ Ѳеодоръ.

Всякой, кто знаетъ исторію отечества, кто учѣетъ цѣнить характеры и дѣла, будучи въ Лаврѣ, захочетъ видѣть эту смиренную палатку; устремитъ на нее глаза съ любопытствомъ; скажетъ: „вотъ чѣмъ должно кончиться земное властолюбіе!“ и примолвитъ: „Богъ судитъ тайныя злодѣянія; а мы „должны хвалить Царей за все, что они „дѣлаютъ для славы и блага отече„ства!“ — — —

Изъ монастыря поѣхалъ я въ село Деулино, до котораго будетъ версты 4 отъ Троицы. Тутъ заключенъ съ Поляками миръ при Царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, не славный, однакожъ въ тогдашнихъ обстоятельствахъ благодѣтельный для Россіи. Она уступила Польшѣ Смоленскъ

и еще нѣсколько городовъ; за то Королевичь Владиславъ отказался отъ своихъ требованій на престолъ Россійскій, и возвратилъ изъ плѣна Филарета Никитича. Три раза съѣзжались Министры: въ первый разъ (по словамъ лѣтописцевъ) они поссорились, въ другой едва не подрались, а въ третій заключили миръ на 14 лѣтъ. Поляки, выходя изъ Россіи, конечно не думали, что имъ уже никогда не возвращаться въ ея предѣлы. Деулинскій трактатъ былъ послѣднимъ дѣйствіемъ трагедіи, которую они столько лѣтъ играли въ нашемъ отечествѣ. Воображая ихъ неистовства — грабежи, убійства, всякаго роду насилія — я вижу дѣйствіе Небеснаго правосудія, которое дозволило потомству отмстить за предковъ, избравъ ЕКАТЕРИНУ Великую для совершенія удара. Взаимная ненависть двухъ народовъ рано или поздно кончится гибелію одного изъ нихъ.

Г. Миллеръ замѣчаетъ, что многія мѣстечки и деревни въ Россіи, гдѣ заключались трактаты съ Швеціею и Польшею, или совсѣмъ исчезли или перемѣнили свои имена: такимъ образомъ, возвращаясь изъ Сибири, между Тихвина и Старой Ладоги онъ напрасно искалъ села Столбова, гдѣ подписанъ былъ трак-

тать съ Шведами. Заполье и Андрусово, гдѣ въ 1582 и 1667 году Россія заключила миръ съ Поляками, также намъ неизвѣстны. Но Деулино и самая деревянная церковь, построенная Троицкимъ Архимандритомъ Діонисіемъ и Келаремъ Аврамiемъ на память миру, служатъ до нынѣ предметомъ любопытства для Рускихъ, знающихъ свою Исторію. — Не далеко отъ Деулинской церкви видны еще остатки укрѣпленій: Рускихъ или Польскихъ, не извѣстно. Тамошній Священникъ, о которомъ пишетъ Г. Миллеръ, и который разговаривалъ съ нимъ о Польской войнѣ, давно умеръ. Я не видалъ нынѣшняго, и не могъ узнать, столько ли онъ свѣдущъ въ Рускихъ древностяхъ, какъ его предмѣстникъ.

Такимъ образомъ два дни прошли для меня въ историческихъ воспоминаніяхъ, дѣлающихъ мѣста и предметы любопытными. Исторія въ нѣкоторыхъ лѣтахъ занимаетъ насъ гораздо болѣе романовъ; для зрѣлаго ума истина имѣетъ особенную прелесть, которой нѣтъ въ вымыслахъ. Въ самомъ грустномъ расположеніи, въ которомъ цвѣты разума и воображенія не веселятъ насъ, человѣкъ можетъ еще съ какимъ-то меланхолическимъ удовольствіемъ заниматься

Исторїею: тамъ все говоритъ о томъ, что было, и чего уже нѣтъ! . . .

V.

Письмо о Гишпанїи, писанное одною молодою Англичанкою.

Для путешественниковъ всего непрїятнѣе въ Гишпанїи отвратительная нечистота. *Позадъ* или трактировъ, которые несравненно хуже бѣднѣйшей деревенской корчмы въ Англїи. Мы должны были спать на соломѣ и быть жертвою всякаго роду насѣкомыхъ. Рѣдко можно найти мяса; а гдѣ есть оно, тамъ готовятъ его съ вонючимъ масломъ. Иногда подчивали насъ яишницею съ чеснокомъ. Кухни въ сихъ трактирахъ бываютъ обыкновенно безъ оконъ; свѣтъ проходитъ сквозь отверстїя кровли. Трубы также нѣтъ; огонь раскладываютъ въ серединѣ, и дымъ выходитъ въ двери или сквозь потолокъ; отъ чего стѣны всегда покрыты сажею. — Въ гостиной комнатѣ дѣлаются двѣ лавки, а въ углу стоитъ низенькой столъ.

Товары возятъ обыкновенно на мулахъ; за каждымъ идетъ погонщикъ. Только въ городахъ ѣздятъ на телегахъ,

въ которыя впрягаютъ воловъ. Колеса сдѣланы изъ двухъ, почти круглыхъ досокъ, сколоченныхъ гвоздями, и скрыпятъ такъ несносно, что надобно зажимать уши. Гишпанцы увѣряютъ, что волы любятъ этотъ скрыпъ и скорѣе идутъ. На мулахъ навѣшено всегда множество колокольчиковъ и разноцвѣтныхъ лентъ; всякой изъ нихъ знаетъ свое имя и чуднымъ образомъ послушенъ хозяину.

Одни знатные господа ѣздятъ въ каретахъ и на лошадяхъ; телега и пара воловъ не рѣдко бываютъ экипажемъ женщинъ, очень хорошо одѣтыхъ. Хвосты у лошадей обыкновенно перевязаны лентами; даже и самыхъ ословъ украшаютъ ими и цвѣтами.

Деревни всѣ очень некрасивы; дороги узки и дурны. Въ иныхъ мѣстахъ стоятъ распятія для набожности путешественниковъ; не рѣдко встрѣчаются и маленькіе, деревянные кресты, напоминающіе смерть какого нибудь странника, убитаго разбойниками.

Почти всѣ города окружены прекрасными тополями, и кажутся издали очень хороши; но скоро пріятная мечта исчезаетъ, когда увидишь ихъ нечистоту. Въ нижнемъ этажѣ домовъ рѣдко живутъ; тамъ всегда бываютъ конюшни

и сараи. Полъ въ горницахъ кирпичной, а стѣны обиты цыновками.

При церквахъ рѣдко увидишь колокольню; на стѣнахъ обыкновенно стоятъ распятія; иногда же, на маленькихъ ихъ балконахъ, лежатъ мертвыя головы, чтобы напоминать мимоходящимъ о смерти.

Въ деревняхъ встрѣчали насъ молодыя крестьянки, одѣтыя съ довольною опрятностію, и предлагали намъ всякаго роду дичину: лѣсныхъ голубей, куропатокъ, и проч. Платье на нихъ обыкновенно шерстяное, изъ толстой матеріи; волосы заплетены въ косы. Мущины носятъ камзолы безъ пуговицъ, съ завязками; на сгибахъ рукавовъ сдѣланы разрѣзы.

Въ лѣтніе вечера молодые поселяне въ каждой деревнѣ пляшутъ *Фанданго* и *Сегвиниллу* при звукахъ гитары. Для тѣхъ, которые не знаютъ, что такое *Фанданго*, не возможно описать сей веселой пляски. Какъ скоро заиграютъ на гитарѣ, всѣ оживятся; и люди всякаго состоянія равно любятъ такимъ образомъ прыгать и вертѣться; погонщики муловъ не уступаютъ другимъ въ этой страсти.

Употребленіе свѣчь не извѣстно въ Гишпаніи; комнаты освѣщаются лампадами, привязанными къ потолку.

Весьма рѣдко увидишь Гишпанца пьянаго; это считается великимъ порокомъ. — Я могла бы разсказать множество примѣровъ Гишпанской честности; здѣсь самые простые люди хотятъ славиться ею. — По сіе время мы не видали красавицъ между женщинами; онѣ скоро старѣются.

Въ Гишпаніи есть всякіе климаты. Въ южныхъ провинціяхъ лѣтомъ чрезмѣрно жарко, а въ сѣверныхъ зимы очень холодны. Земля вездѣ плодоносна, но множество необработанной. На сихъ необозримыхъ пустошахъ растутъ тминъ, розмаринъ и другіе ароматическіе кусты, наполняющіе воздухъ благоуханіемъ послѣ всякаго лѣтняго дождя.

VI.

СМѢСЬ.

Осьмой-надесять вѣкъ названъ *философическимъ*: какъ же назвать девятой-надесять? Ораторъ Луціанъ Бонапарте предложилъ для него имя *Великаго*; но Европа, какъ сказываютъ, хочетъ объявить его — *вѣкомъ торговли*! Нынѣшніе Французскіе Авторы съ величайшею ревностію доказываютъ, что одна торговля

можетъ спасти родъ человѣческой отъ бѣдствій войны; одна торговля можетъ полезнымъ образомъ занимать врожденную дѣятельность человѣческаго сердца; одною торговлею должны славиться народы, и въ одной торговлѣ заключается гражданское щастіе!

Воздушные шары и телеграфы въ началѣ своемъ казались такими игрушками, что ученые Физики стыдились говорить объ нихъ; но теперь они сдѣлались важнымъ предметомъ ихъ опытовъ. Такую же судьбу можетъ имѣть и новая машина, изобрѣтенная Гражданиномъ Бельбреемъ, и названная имъ *Олтилогомъ* или *говорящимъ цилиндромъ*. Человѣкъ одною рукою вертитъ сію круглую машину, а другою играетъ на клавесинѣ, и вмѣсто звуковъ выходятъ изъ него буквы, одна за другою, съ величайшею скоростію, такъ, что сими буквами можно выражать мысли какъ словами. Польза очевидна. Природно-глухіе и нѣмые могутъ изъясняться посредствомъ сей машины; а естьли поставить ее на высокомъ, открытомъ мѣстѣ, то можно дѣйствіемъ клавесина говорить съ безчисленнымъ множествомъ людей. Гражданинъ Бельбрей совѣтуетъ Консулу Бонапарте сдѣлать

въ Тюльери и во всей Франціи *Олтилоги*, чтобы милліоны Французовъ посредствомъ ихъ разговаривали другъ съ другомъ. *Эта машина*, говоритъ онъ, *достойна быть аудиторіею великаго народа!*

Гражданинъ Дарбфёль изобрѣлъ машину, которая всякую дурную, нечистую воду дѣлаетъ хорошею и прозрачною. Это изобрѣтеніе можетъ быть весьма благодѣтельно для мореплавателей; извѣстно, что запасаемая вода на корабляхъ часто портится. Машина весьма проста, и есть ничто иное, какъ бочка, наполненная истолченными и вымытыми углями, смѣшенными съ известковою землею; вода течетъ сквозь ихъ.

Мерсье, разбранивъ Невтона, Тацита, Исторію, добрался наконецъ до Консула Бонапарте, и написалъ къ нему весьма гнѣвную эпистолу, которая начинается сими двумя стихами:

Bonaparte, il eſt tems qu'avec toi je m'explique.
Réponds-moi: qu'as-tu fait de notre république?

Бонапарте хотѣлъ видѣть великана Фріона, молодаго купца изъ южной Фран-

ціи, который живетъ нынѣ въ Парижѣ, и котораго чрезмѣрный ростъ въ самомъ дѣлѣ удивителенъ. Консулъ, взглянувъ на него, сказалъ: „я передъ нимъ ребенокъ!“ Фріонъ отвѣчалъ: „Гражданинъ Консулъ! вы видите теперь розницу между *великимъ* и *большимъ* человѣкомъ (un grand homme & un homme grand).“

Въ прошедшую зиму (пишутъ изъ Лондона) разнесся слухъ, что Коммисары, посланные Англійскимъ Правленіемъ во внутренность Африки, открыли столицу Бецуановъ. Слухъ сей нынѣ подтвердился, и мы узнали, что въ семъ городѣ 1500 домовъ и 7000 жителей. Трудно понять, какимъ образомъ можетъ жить столько людей въ городѣ, окруженномъ пустынями. Описаніе ихъ политическаго и домашняго хозяйства будетъ весьма любопытнымъ прибавленіемъ къ исторіи дикихъ народовъ. Надобно замѣтить, что Англичане, завладѣвъ Мысомъ Доброй Надежды, въ четыре года сдѣлали тамъ гораздо болѣе открытій, нежели Голландцы въ два вѣка.

Такъ называемый Господинъ Вердіонъ (говоритъ Издатель *Лондонскаго Вѣстника*),

котораго мы часто видали на улицахъ, въ парикѣ, съ большимъ кошелькомъ, въ треугольной шляпѣ и съ зонтикомъ, умеръ на сихъ дняхъ въ Лондонѣ. Бумаги, найденныя у него, доказываютъ, что сей доброй человѣкъ былъ — побочная дочь Короля Прусскаго, Фридриха Вильгельма, и что она пріѣхала въ Англїю съ Госпожею Швеллембергъ. Увѣряютъ, что у нее пропало около двухъ сотъ тысячь рублей, ввѣренныхъ ею одному купцу, который сдѣлался банкрутомъ. Послѣ того она жила трудами своими, учила молодыхъ Англичанъ иностраннымъ языкамъ, и всякой разъ, въ торжественные дни, являлась при Дворѣ въ мужскомъ платьѣ, въ богатыхъ шитыхъ кафтанахъ, которые однакожь не могли скрыть ея смѣшной, каррикатурной нестройности. Многїе угадывали полъ сей странной особы; но никто не зналъ того вѣрно донынѣ.

Неутомимый путешественникъ, Англичанинъ Спилларда, теперь въ Парижѣ. Ему 70 лѣтъ отъ роду. Онъ исходилъ пѣшкомъ болѣе 200 тысячь верстъ въ жизнь свою, былъ во всѣхъ Европейскихъ земляхъ, въ Аравїи, въ Египтѣ, во внутренности Африки — въ самыхъ дикихъ мѣстахъ Америки, тамъ, гдѣ не бывалъ

еще никто изъ путешественниковъ, и доходилъ до самой Новой Иберіи.

V.

Историческое описаніе Россійской торговли, сочиненное А. Шторхомъ.

Мы съ великимъ удовольствіемъ извѣщаемъ Публику о сей важной книгѣ, которая печатается въ Петербургѣ и скоро выдетъ. Она есть произведеніе не только великаго прудолюбія, но и систематическаго ума, соединеннаго съ талантомъ писать; слѣдственно не льзя сравнивать ее съ томами Г. Чулкова, симъ безпорядочнымъ собраніемъ матеріаловъ, изданныхъ подъ именемъ Исторіи. Г. Шторхъ пишетъ для всѣхъ; книга его и полезна и пріятна; одинъ найдетъ въ ней любопытныя историческія свѣдѣнія, а другой новые виды для успѣховъ промышленности и государственнаго хозяйства. Всякой замѣтитъ съ удовольствіемъ, что Авторъ пишетъ въ духѣ ревностнаго патріотизма. Нѣмецкое имя не мѣшаетъ ему быть нашимъ вѣрнымъ согражданиномъ: онъ родился подъ скипетромъ Россійской Монархіи и любитъ

ея славу. — Книга состоитъ изъ трехъ частей: въ первой описывается *добываніе* естественныхъ произведеній въ Россіи (на прим. звѣриная ловля, скотоводство, земледѣліе, рудокопни и проч.); во второй *обдѣлываніе* ихъ (ремесла, фабрики и проч.); а въ третьей торговля: ея исторія отъ самыхъ древнихъ временъ, раздѣленная на эпохи, и нынѣшнее состояніе какъ внутренней, такъ и внѣшней коммерціи. — Нужно ли въ одобреніе сей книги примолвить, что она извѣстна уже Европѣ на разныхъ языкахъ, и заслужила справедливую похвалу въ иностранныхъ Журналахъ? Авторъ писалъ ее на Нѣмецкомъ; но зная хорошо нашъ языкъ, старался, чтобы въ Рускомъ переводѣ не было ошибокъ, и самъ издаетъ его.

ПОЛИТИКА.

I.

Извѣстіе о нынѣшнемъ состояніи Республики Рагузы (*), писанное гражданиномъ ея.

Городокъ Рагуза, столица маленькой Республики, основанъ Полимиромъ Белусомъ. Сей Герой, происшедшій со стороны отца отъ Боснійскаго Короля Рапислава, а со стороны матери отъ Римскаго племени, въ 900 году присталъ къ берегамъ Далмаціи, съ намѣреніемъ завоевать тронъ предковъ своихъ, Королей Боснійскихъ, сверженныхъ за ихъ насиліе и злыя дѣла. Римская колонія Эпидаврія была тогда опустошена Сарацынами и въ конецъ разрушена Славянами; бѣдствіе рѣдко приходитъ одно.

Съ Полимиромъ были нѣкоторые храбрые, отъ смерти и плѣна спасенные граждане Эпидавріи. Увидѣвъ развалины своего отечественнаго города, они не могли отъ слезъ удержаться и просили

(*) Она Славянскаго происхожденія, слѣдственно не чужая Рускимъ.

вождя основать новый городъ на возвышенiи, съ котораго имъ можно бъ было смотрѣть на колыбель ихъ щастливой юности. Исполняя ихъ желанiе, онъ построилъ городъ на крутой скалѣ, омываемой волнами Адрiатическаго моря, и названной въ древнѣйшiя времена Бергаиномъ, отъ имени славнаго разбойника тамошнихъ мѣстъ.

Одинъ бѣдный стихотворецъ перваго-надесять вѣка утверждаетъ, что городъ, основанный Полимиромъ, гражданами Эпидаврiи названъ былъ *Кабуза* — что означаетъ на ихъ языкѣ *крутую скалу*. Жители окрестныхъ мѣстъ называютъ его *Дубровною*, то есть *лѣснымъ городомъ*: ибо для его распространенiя надлежало вырубить лѣсъ.

Пилимиръ, за нѣсколько времени до своего предпрiятiя, жилъ въ уединенiи и размышлялъ о причинѣ бѣдствiя своихъ предковъ Совершивъ завоеванiе, онъ вспомнилъ о томъ, старался воспользоваться опытомъ прошедшихъ временъ, основалъ покой свой на общемъ спокойствiи и прiобрѣлъ любовь своихъ грубыхъ, бѣдныхъ и храбрыхъ товарищей, посредствомъ учрежденiй, сообразныхъ съ ихъ нравами и характеромъ. Онъ далъ народу законную власть, гражданамъ Сенатъ, защитни-

камъ отечества главу, и духовной паствѣ духовнаго пастыря; былъ самъ вождь и пастухъ, по нуждѣ и склонности; жилъ долго, болѣе для мирной тишины, нежели для славы, и наконецъ умеръ, оплакиваемый всѣми согражданами, такъ, что имя Полимира до нынѣ благословляемо въ Рагузѣ.

Рыбная ловля питала нашихъ предковъ. Они сдѣлались промышленнѣе, богатѣе, начали торговать и почувствовали нужду въ собственности; а какъ лучшая собственность есть обработанное поле, то они принялись за хлѣбопашество и вошли въ связь съ сосѣдами, болѣе ихъ успѣвшими въ гражданскихъ искусствахъ. Сія новая связь вселила въ нихъ соревнованіе. Скоро Республиканцы наши узнали, что Лакедемонъ, Аргосъ, Аѳины и Коринѳъ отъ нихъ не далеко; познанія и науки еще болѣе сблизили ихъ съ остатками славной Греціи. Они присвоили себѣ Спартанскія добродѣтели и любезность Аѳинскую; наслаждались дома семейственнымъ щастіемъ и заслужили почтеніе иностранцевъ своею мудростію и честностію, рѣдкою во времена варварства; были малочисленны, но сильны любовію къ отечеству; нашли способъ отразить Сарацынъ и Нарентинцевъ, разбойниковъ Венеціян-

скаго залива, и назывались освободителями Адріатическаго моря.

Смѣлыя предпріятія и полезные союзы сдѣлали Рагузу самымъ цвѣтущимъ городомъ въ Далмаціи. Въ Италіи и въ Греціи говорили только о промышленности и добродѣтели Рагузскихъ жителей.

Но съ умноженіемъ богатства начали портиться нравы. Всякой хотѣлъ превзойти сосѣда своего. Внѣшняя роскошь и сластолюбивая нѣга пристали къ симъ, еще недавно простымъ и добродѣтельнымъ Республиканцамъ, подобно какъ мохъ наростаетъ на божественномъ мраморѣ Фидіаса. Скоро въ сей маленькой области, сильной только своею умѣренностію и нравами, исчезли истинные граждане: осталися одни купцы, для которыхъ желѣзный сундукъ былъ идоломъ, контора отечествомъ, любовь къ богатству единственнымъ чувствомъ.

Безъ всякой совѣсти они завладѣли землею сосѣдовъ, отнятою у нихъ послѣ сильными Венеціянами. Мѣста, чины и правосудіе были куплею. Добрые граждане казались угрюмыми моралистами, неспособными къ должностямъ. Нѣкоторые поднялися высоко, другіе упали во прахъ — и Республика лишилась силы своей, утративъ добродѣтель.

Въ то время, какъ всѣ умы занимались мѣною и торговлею, Сенаторъ Дамїени Юде присвоилъ себѣ верховную власть. Униженные духомъ Республиканцы не хотѣли еще отвести глазъ отъ своихъ книгъ и счетовъ; но скоро тиранство сдѣлалось безпокойно, тягостно, и наконецъ несносно: они проснулись въ ту минуту, какъ ихъ хотѣли удушить, и просили заступленїя Венецїи, которая пресѣкла тиранство Дамїени Юде, но замѣнила его своимъ собственнымъ. Рагузскїе жители, принужденные слушаться, торговали, пировали и снова заснули.

Одна кровопролитная война въ странахъ сосѣдственныхъ могла вывести ихъ изъ сего усыпленїя. Они взяли въ ней опасное участїе, были на волосъ отъ гибели, ободрились, возвеличились духомъ, и вдругъ съ послѣдней степени моральнаго развраша снова вознеслись на вышнюю степень независимости.

Не оставляя торговли и мореплаванїя, источника ихъ богатствъ, они посвятили себя наукамъ общественной экономїи; принужденные по слабости своей отказаться отъ республиканскаго прямодушїя и гордаго чистосердечїя въ связяхъ политическихъ, сдѣлались гибки безъ подлости, хитры безъ коварства, скромны

безъ притворства; избираемые не рѣдко въ судїи между сосѣдами, не огорчали сильныхъ, но великодушно отворяли врата Республики для нещастныхъ Государей, не умѣвшихъ слѣдовать ихъ благоразумному примѣру. Когда свирѣпые Оттоманы угрожали Европѣ, Рагузскїе граждане отправили депутатовъ въ Бруссу и получили ту хартїю, которая донынѣ увѣряетъ ихъ въ защитѣ Порты и хранится какъ святыня въ Рагузѣ. Султанъ Оранъ, вмѣсто подписи, обмакнулъ всю ладонь въ чернила и приложилъ ее къ хартїи.

Такимъ образомъ благоразумїе Рагузы, подкрѣпленное храбростїю Далматовъ, удержало честолюбїе и фанатизмъ Турковъ; она спасла Италїю отъ нашествїя варваровъ и разрушенїя славныхъ монументовъ ея.

Прежде открытїя Мыса Доброй Надежды Рагуза и Венецїя были главными магазинами восточныхъ товаровъ. Морскїя силы первой находились въ самомъ цвѣтущемъ состоянїи, и вооруженныя галеры ея составляли защиту купеческихъ судовъ. Но первымъ ударомъ для Рагузы было участїе, взятое ею въ морскомъ вооруженїи Филиппа II, названномъ весьма не кстати непобѣдимымъ

флотомъ. Волны поглотили тогда большую часть кораблей Республики, военныхъ и купеческихъ.

Въ концѣ 16 вѣка открылись новыя бѣдствія. Землетрясеніе разрушило всю Рагузу. Сосѣдственные варвары предали огню ея развалины, и въ пеплѣ оставили еще смертоносную язву.

Революція Англійскихъ Колоній въ Америкѣ обѣщала выгоды ея мирному флагу; Республика въ самомъ дѣлѣ пользовалась ими — но миръ въ 1783 году уничтожилъ ихъ. Малыя области всегда наживаются отъ войны сильныхъ; а когда заключатъ миръ, то первыя должны служить деньгами послѣднимъ.

Французская Революція обѣщала еще болѣе выгодъ; но обогативъ частныхъ людей, опустошила казну Республики. Ея капиталы почти всѣ были въ банкахъ Римскомъ, Неапольскомъ, Венеціянскомъ и Вѣнскомъ. Благоразуміе требовало въ началѣ смятенія взять ихъ изъ рукъ воюющихъ сильныхъ и слабыхъ Державъ, подверженныхъ опасности, и вѣрить торговымъ конторамъ, удаленнымъ отъ шума Европейскаго. Всякой осторожной капиталистъ въ политической бурѣ предпочитаетъ новый, возрастающій кредитъ старому, упадающему.

Такимъ образомъ, въ теченіе двухъ вѣковъ, истребленіе Гишпанскаго флота на Океанѣ, землетрясеніе, независимость Америки и такъ называемая свобода Французовъ постепенно ослабили морскія силы Рагузы, которая за девять вѣковъ передъ симъ умѣла наслаждаться свободою. Прежде вѣяли флаги ея на всѣхъ моряхъ, подобно флагамъ Тира и Сидона, Генуи и Венеціи; а теперь мы стали Голландцами одного Адріатическаго моря.

Жителей въ Республикѣ 45 тысячь, а земли въ длину 100 Италіянскихъ миль, въ ширину десять. Къ сему надобно прибавить нѣсколько острововъ, изъ которыхъ знатнѣйшіе суть Лагоста и Мелада. Должно признаться, что сохраненіе такой маленькой области въ теченіе девяти вѣковъ можно назвать чудомъ. Образъ ея правленія есть странная смѣсь Аристократіи и Демократіи. Еще недавно опредѣленія Сената начинались такъ: *по выслушаніи совѣта и съ согласія народа.* Сенатъ съ балкона своего объявлялъ рѣшенія гражданамъ, которые, собираясь на площади, общимъ восклицаніемъ изъявляли согласіе. Французъ, знающій свою древнюю Исторію, съ удивленіемъ находитъ на дикой скалѣ, угрожаемой моремъ и варварами, Парламенты

и Марсово поле древнихъ Франковъ. Сей образъ законодательства нашего перемѣнился: Олигархія взяла верхъ, и нынѣшняя Конституція Республики есть копія Венеціянской. Большой Совѣтъ состоитъ изъ всѣхъ дворянъ, которымъ болѣе осьмнадцати лѣтъ; ему принадлежитъ верховная власть, но ею болѣе пользуется Сенатъ, гдѣ засѣдаетъ 56 старѣйшихъ Членовъ Совѣта. Его опредѣленія имѣютъ силу закона. Онъ занимается политическими и торговыми дѣлами, экономіею и тяжбами. Исполнительная власть, подъ именемъ Малаго Совѣта, поручена семи Сенаторамъ, которые во всемъ важномъ зависятъ отъ Сената. Иностранцы и Послы относятся къ младшему изъ семи Членовъ; дѣло разсматривается въ Маломъ Совѣтѣ и представляется съ его мнѣніемъ въ Большой, который рѣшитъ и велитъ ему исполнить. Ежегодно избираются три Сенатора въ хранители законовъ; они могутъ остановить всякое рѣшеніе противное Конституціи и предложить дѣло Большому Совѣту. Естьли Сенаторъ окажется недостойнымъ мѣста своего, то Совѣтъ можетъ его разжаловать; но это мечь, который никогда изъ ноженъ не вынимается: Аристократы берегутъ другъ друга.

Большой Совѣтъ ежегодно подтверждаетъ тайнымъ собраніемъ голосовъ всякаго чиновника въ своемъ мѣстѣ, то есть Сенаторовъ и всѣхъ; выбираетъ на убылыя мѣста, и ежемѣсячно собирается для назначенія Ректора, главы Республики. Въ концѣ мѣсяца, 30 число, приходитъ къ нему Вѣстникъ Совѣта и говоритъ: „Именемъ Республики объявляю, что вы „должны выйти изъ сихъ палатъ; иначе „васъ выбросятъ изъ окна.“ Эта странная угроза вошла въ обыкновеніе съ того времени, какъ одинъ Ректоръ хотѣлъ самовольно продлить власть свою, и былъ выкинутъ изъ окна Сенаторами.

Благородные раздѣляются всегда на двѣ несогласныя партіи; за ними слѣдуютъ граждане, изъ которыхъ выбираютъ въ судьи и въ Консулы; а на послѣдней степени стоитъ народъ, жертва невѣжества и суевѣрія. Главная Религія есть Католическая; но она столь же мало опасна для правленія, какъ и въ Венеціи. Священники не имѣютъ никакой политической власти и не составляютъ особеннаго корпуса; они бѣдны, и живутъ болѣе тѣмъ, что учатъ и воспитываютъ дѣтей. Глава ихъ есть Епископъ, который долженъ быть не дворянинъ и не иностранецъ. Сенатъ зналъ, что Прелатъ

именитый родомъ, или опредѣленный Римомъ, Венецїею, Константинополемъ, могъ быть для него опасенъ.

Для Турковъ, прїѣзжающихъ въ Рагузу, отведена особенная улица. Греки имѣютъ свою церковь, а Жиды синагогу. Черная одежда благородныхъ, духовенства и самая архитектура домовъ даютъ сему городу видъ монастыря. — Ремесленники тамъ богаты; нигдѣ не увидишь блѣдныхъ лицъ и рубища. Изобилїе вина и мяса производитъ цвѣтущее здоровье. Каменные домики земледѣльцевъ дѣлаются съ большими окнами и съ раскрашенными лавками: роскошь, которая нѣкогда принадлежала однимъ Сенаторамъ! Но земледѣльцы наши не имѣютъ гражданской свободы; они рабы благородныхъ.

Рагузское Правленїе внутренно ненавидитъ Французовъ, однакожь во все время войны поступало весьма осторожно; а купечество между тѣмъ обогащалось. Внутреннее согласїе и благоразумїе могутъ еще продлить бытїе сей маленькой Республики. По чему знать? можетъ быть она переживетъ еще многїя сильныя Державы!...

(*Изъ Минервы.*)

II.

Извѣстія и Замѣчанія.

Парижъ.

На сей разъ новыя происшествія Республики не удивили Европы; всякой, кто читалъ Парижскіе Журналы, могъ ожидать перемѣнъ въ Конституціи. Французскіе Журналисты сдѣлались нынѣ легкимъ войскомъ Правленія, которое поручаетъ имъ открывать расположеніе умовъ, между тѣмъ, какъ въ Консульскомъ Совѣтѣ готовятъ что нибудь важное. Редererъ и д'Анжели съ нѣкотораго времени аллегоріями и прямо говорили о несовершенствѣ Французской Конституціи и необходимости дополнить ее. Весь Парижъ зналъ, что въ Мальмезонѣ были два чрезвычайныя засѣданія Государственнаго Совѣта, которыя продолжались во всю ночь, до самаго утра. Публика съ любопытствомъ устремляла взоръ на Тюльери. Занавѣсъ поднялся, и Бонапарте, объявленный Консуломъ на всю жизнь, такъ *исправилъ* Конституцію, что она сдѣлалась совсѣмъ иною. Въ произведеніяхъ ума человѣческаго безъ поправокъ нѣтъ совершенства!

Въ великой Республикѣ должно быть все шеатрально . . . Консулъ давалъ въ

Тюльери аудіенцію: вдругъ, торжественно и важно, вступаетъ въ залу весь Сенатъ . . . Бонапарте оставляетъ иностранныхъ Министровъ . . . Президентъ Сената, бывшій Директоръ Бартелеми, говоритъ ему:

„Гражданинъ Первый Консулъ! Народъ Французскій, благодарный за великія услуги, вами ему оказанныя, желаетъ, чтобы первое государственное „достоинство осталось навсегда въ рукахъ вашихъ. Такимъ образомъ присвоивая себѣ всю вашу жизнь, онъ исполнилъ „намѣреніе Сената, выраженное въ его „опредѣленіи 18 Флореаля. Франція, „симъ торжественнымъ дѣйствіемъ благодарности; даетъ вамъ обязанность „утвердить наши законы. — Новый путь „открывается для Перваго Консула. Послѣ чудесъ храбрости и талантовъ воинскихъ онъ заключилъ со всѣми миръ „славнѣйшій для Республики. Французы „подъ его начальствомъ явились въ образѣ истиннаго величія. Онъ миротворецъ „народовъ и возстановитель Франціи. „Одно имя его есть великое могущество. — Уже правленіе въ два года истребило почти и память эпохи безначалія и бѣдствій, уничтожившихъ, казалось, способы народнаго благоден-

„ствія. — Но должно загладить слѣды „нѣкоторыхъ золъ, должно разсѣять нѣ„которыя безпокойства. Французы, из„умивъ свѣтъ дѣлами храбрости, ожида„ютъ отъ васъ, Гражданинъ Первый Кон„сулъ, всѣхъ благодѣяній мира, вами имъ „дарованнаго. — Естьли были еще сѣме„на раздора, то объявленіе непремѣннаго „Бонапартіева Консульства истребитъ „ихъ. Теперь все соединилось вокругъ „его; великій Геній Наполеона все утвер„дитъ и сохранитъ. Онъ живетъ только „для благоденствія и щастія Францу„зовъ; онъ будетъ вселять въ нихъ од„но стремленіе славы и чувство народ„наго величія. Въ самомъ дѣлѣ, какой „народъ достойнѣе благоденствія, про„свѣщеннѣе, чувствительнѣе? какого наро„да любовь и почтеніе могутъ быть „драгоцѣннѣе? — Сенатъ согласится со „всѣми великими идеями Правленія, бу„детъ ревностно способствовать испра„вленіямъ, которыя должны предупре„дить бѣдствія, столь долго насъ тер„завшія, и навсегда утвердить благодѣя„нія порядка, возвращеннаго вами оте„честву. Сенатъ обязанъ содѣйствовать „исполненію воли народа, который столь „разительно доказалъ свою ревность и „проницаніе. — Опредѣленіе, вручаемое

„вамъ, Гражданинъ Консулъ, полнымъ „собраніемъ Сената, выражаетъ его осо„бенную признательность. Будучи орга„номъ народной воли, и желая лучше „исполнить намѣреніе Французовъ, онъ „призываетъ Искусства сохранить для „вѣковъ память сего великаго происше„ствія.“ — Тутъ Г. Бартелеми читаетъ опредѣленіе Сената, что Бонапарте объявляется Консуломъ на всю жизнь, и что статуя Мира, держащая въ рукѣ лавръ побѣды, а въ другой сіе опредѣленіе Сената, изъявитъ потомству благодарность народа. Изъ 3,577,259 гражданъ, подавшихъ голоса, 3,568,885 хотѣли, чтобы Наполеонъ навсегда былъ Консуломъ. — Бонапарте отвѣчалъ Сенату слѣдующими словами:

„Сенаторы! гражданинъ принадле„житъ отечеству. Народъ Французскій „хочетъ, чтобы я посвятилъ ему всю „мою жизнь: повинуюсь его волѣ. Давъ мнѣ „новый залогъ, залогъ вѣчный своей довѣ„ренности, онъ налагаетъ на меня обязан„ность утвердить систему его законовъ „на уставахъ предвидящихъ. Моими ста„раніями, вашимъ содѣйствіемъ, граждане „Сенаторы, помощію всѣхъ властей, до„вѣренностію и волею сего великаго наро„да, свобода, равенство, благоденствіе

„Францїи будутъ тверды и независимы „отъ дѣйствїй рока. Лучшїй изъ народовъ „будетъ щастливѣйшїй, ибо онъ достоинъ того; и благоденствїе Францїи должно способствовать щастїю всей Европы. „*Тогда*, довольный въ душѣ моей, бывъ избранъ Тѣмъ, отъ Кого все истекаетъ, „возвратить мїру справедливость, порядокъ и равенство, услышу бїенїе послѣдняго часа безъ сожалѣнїя — и не страшась мнѣнїя вѣковъ. Сенаторы! примите „благодарность мою за такое торжественное дѣйствїе. Сенатъ желалъ, чего хотѣлъ народъ Французской, и чрезъ то „онъ тѣснѣе соединился со всѣмъ, что „остается еще сдѣлать для блага отечества. Мнѣ прїятно слышать это увѣренїе отъ Президента столь почтеннаго.“

И та и другая рѣчь доказываютъ, что Сенатъ и Консулъ были уже согласны сдѣлать перемѣны въ Конституцїи. Читатели замѣтятъ также, что Бонапарте безъ околичностей называетъ себя орудїемъ Неба, избраннымъ онъ Всевышняго, и проч. Пусть это правда; но столь явно требовать себѣ олтарей и храмовъ нажелся намъ нескромностїю. Такъ говорили Магометы, Зороастры, а не Герои Плутарховы. И по чему Консулъ возвратилъ мїру равенство, котораго никогда не бы-

вало въ мїрѣ и нѣтъ въ самой Францїи? Англїйскїе Журналисты безъ сомнѣнїя воспользуются такими *восточными*, пышными фразами, и посмѣются надъ ними.

На другой день три Государственные Совѣтника именемъ Консуловъ предложили Сенату планъ *образованїя Конституцїи*, принятый имъ въ тотъ же день и немедленно обнародованный какъ законъ Республики. Хотя *главныя власти* остаются тѣ же, но перемѣны важны и велики. Всѣ Консулы суть Члены и Президенты Сената, который избираетъ ихъ на всю жизнь по представленїю Перваго Консула; можетъ отвергнуть перваго и втораго кандидата, но третьяго непремѣнно долженъ выбрать. Первый Консулъ такимъ же образомъ предлагаетъ Сенату и преемника для своего мѣста, который, будучи утвержденъ, обѣщается хранить Конституцїю и свободу Религїй, противиться возстановленїю феодальныхъ правъ, и воевать только для защиты и славы Республики. Онъ даетъ сїю клятву торжественно, въ присутствїи всѣхъ главныхъ чиновниковъ и духовенства; послѣ чего занимаетъ мѣсто свое въ Сенатѣ подлѣ третьяго Консула. Первый Консулъ можетъ также письменно изъявить свое желанїе въ разсужденїи выбора преемника,

запечатать бумагу и отдать ее на сохраненїе въ Архивъ, чтобы она вручена была Сенату послѣ его смерти; можетъ также и взять ее назадъ изъ Архива. Естьли Сенатъ не согласится избрать сего кандидата, то второй и третїй Консулъ представляетъ каждый своего; естьли онъ и сихъ отвергнетъ, тогда Консулы еще двухъ представляютъ, изъ которыхъ Сенату уже непремѣнно должно выбрать одного: что дѣлаютъ они и въ такомъ случаѣ, когда Первый Консулъ умретъ, не назначивъ преемника. Сей выборъ долженъ быть совершенъ въ 24 часа по смерти Перваго Консула. — *Сенатъ* рѣшитъ все то, чего не предвидѣла Конституцїя и даетъ законы Колонїямъ; уничтожаетъ рѣшенїе судовъ, естьли оно противно благу Республики; можетъ отрѣшить вмѣстѣ всѣхъ Членовъ Законодательнаго Корпуса и Трибуната и выбрать на ихъ мѣсто новыхъ; избираетъ Консуловъ; опредѣляетъ время, въ которое взятые подъ стражу граждане, подозрѣваемые въ измѣнѣ, должны быть представлены въ судъ, и можетъ объявлять Департаменты внѣ Конституцїи, то есть подвергать ихъ военному закону, въ случаѣ бунта или другихъ опасностей. Предложенїя Консуловъ, которыя должны

быть Сенатомъ обращены въ законъ, разсматриваются прежде въ Тайномъ Совѣтѣ, состоящемъ изъ Консуловъ, изъ двухъ Сенаторовъ, 2 Государственныхъ Совѣтниковъ и двухъ главныхъ Офицеровъ Почетнаго Легіона. Первый Консулъ назначаетъ ихъ всѣхъ. Имѣя право утверждать трактаты мира и союза, онъ также разсматриваетъ ихъ прежде въ Тайномъ Совѣтѣ. Въ слѣдующее лѣто Республики Сенатъ дополнитъ число своихъ Членовъ, опредѣленное Конституціею; то есть, къ 66 прибавитъ еще 14. Первый Консулъ представляетъ Кандидатовъ, взявъ ихъ имена изъ списковъ, сочиненныхъ для того Избирательными Коллегіями. Члены Большаго Совѣта въ Почетномъ Легіонѣ суть Члены Сената. Сверхъ того самъ Первый Консулъ можетъ избирать въ Сенаторы достойныхъ гражданъ, единственно съ тѣмъ условіемъ, чтобы число Сенаторовъ никогда не превосходило 120. Сенаторы могутъ быть Консулами, Министрами, Послами, Членами Легіона, и проч. — Министры имѣютъ голосъ въ Государственномъ или Консульскомъ Совѣтѣ (въ которомъ не должно быть никогда болѣе 50 Членовъ), но въ Сенатѣ только присутствуютъ, не имѣя голоса. — Консулы созываютъ и распускаютъ Законо-

дательный Корпусъ. Трибунатъ долженъ состоять только изъ 50 Членовъ. — Первый Консулъ можетъ прощать вины. — Въ округахъ будутъ *собранія*, которыя состоятъ изъ всѣхъ гражданъ, имѣющихъ собственность; а въ Департаментахъ Избирательныя Коллегіи; Президенты для тѣхъ и другихъ назначаются Первымъ Консуломъ. Окружныя собранія представляютъ ему двухъ гражданъ, изъ которыхъ онъ выбираетъ мирнаго судью для округи. Избирательныя Коллегіи назначаютъ кандидатовъ для Сената, Законодательнаго Корпуса, Трибуната и судейскихъ мѣстъ въ Департаментахъ. Члены сихъ Коллегій состоятъ изъ такихъ гражданъ, которые платятъ Республикѣ болѣе податей, нежели другіе. Первый Консулъ можетъ посадить во всякую Коллегію 10 Членовъ Легіона.

Такимъ образомъ Бонапарте рѣшилъ всѣ вопросы, которые Французская Конституція оставляла безъ отвѣта — всѣ, кромѣ одного: „что дѣлать въ такомъ случаѣ, естьли Консулъ не исполнитъ клятвы своей или преступитъ гражданскіе законы?“ Онъ не объявленъ *неподсудимымъ*, подобно Королю Англійскому... Но въ описаніи правъ Сената сказано, что ему должно рѣшить все непредвидѣн-

ное Конституцїею, слѣдственно и сей вопросъ при случаѣ. Это право велико, и сдѣлалось бы страшнымъ для Первыхъ Консуловъ, естьли бы они не могли наполнять Сената друзьями своими, и черезъ то обращать его въ Консульское орудїе. Французское правленїе есть истинное монархическое, и гораздо далѣе отъ республиканскаго, нежели Англїйское, дающее гражданамъ право непосредственно выбирать Депутатовъ, Членовъ законодательнаго Парламента; а Французскїе Республиканцы составляютъ только списокъ кандидатамъ, и то подъ влїянїемъ Бонапарте, избирающаго Президентовъ для окружныхъ собранїй и Коллегїй. Законодательная власть весьма ограничена и зависитъ отъ Сената, который, будучи недоволенъ Членами Трибуната и Законодательнаго Корпуса, можетъ ихъ всѣхъ перемѣнить, когда и сколько разъ захочетъ; а какъ онъ, составленный Первымъ Консуломъ, долженъ необходимо дѣйствовать по его волѣ, то Бонапарте остается единственнымъ властелиномъ и правителемъ Францїи. Санъ его, безъ всякихъ новыхъ перемѣнъ въ Конституцїи, легко можетъ сдѣлаться наслѣдственнымъ. Вообразимъ даже, что Сенаторы захотятъ выбирать преемника свободно и

независимо; но когда они неотмѣнно должны утвердить *третьяго* Консульскаго кандидата, то не можетъ ли Бонапарте или другой на его мѣсшѣ представить *двухъ* извѣстныхъ глупцовъ нарочно для шого, чшобы ихъ отвергнули, и чшобы *третій* былъ вѣрно избранъ? Или всѣ Первые Консулы будушъ великіе патріоты, или власть ихъ сдѣлается со временемъ наслѣдствомъ одной фамиліи. — Мы не осуждаемъ Бонапарше за то, что онъ не хочетъ слѣдовашь примѣру добродѣтельныхъ мужей древняго Рима, которые, бывъ нѣсколько времени Диктаторами для спасенія отечества, и совершивъ подвигъ свой, охотно возвращались въ сельскую хижину. Франція по своему величію и характеру должна быть Монархіею, и Бонапарте умѣетъ властвовашь; естьли онъ утвердитъ навсегда личную безопасность, собсшвенность и свободу жизни въ своемъ государствѣ, шо Исторія благословитъ его властолюбіе; она извинитъ и маленькую слабость его къ выдуманному имъ Легіону, котораго Членовъ сажаетъ онъ и въ Сенатъ и въ Тайный Совѣтъ и въ Избирательныя Коллегіи! —

Важныя дѣла и перемѣна Конституціи не мѣшаютъ Консулу заниматься

Лондонскими Журналами. Въ *Монитёрѣ* напечатана страшная *выходка* не только противъ ихъ дерзости, но и противъ самаго Англійскаго Министерства. Грубый и рѣзкій тонъ сей піесы удивителенъ для тѣхъ людей, которые привыкли воображать Министровъ и государственныхъ правителей скромными. Вотъ ея любопытнѣйшія мѣста: „Лондонскій „Журналъ *Таймсъ*, который называютъ „*Министерскимъ*, безпрестанно поноситъ „Францію, злословитъ и клевещетъ на „ея Правленіе. Какая цѣль? Кто пла„титъ деньги Журналисту? На кого хо„тятъ дѣйствовать? Одиннадцать Епи„скоповъ соединились въ Лондонѣ подъ „руководствомъ злобнаго Арасскаго Епи„скопа и сочиняютъ пасквили. Островъ „Джерсей наполненъ злодѣями, которые „осуждены на смерть во Франціи, и ко„торыхъ укрываютъ Англичане въ про„тивность Амьенскому трактату. Раз„бойникъ Жоржъ носитъ въ Лондонѣ кра„сную ленту, полученную имъ въ награду „за адскую машину, которая взорвала „улицу въ Парижѣ и умертвила 30 мир„ныхъ гражданъ. Не заставляетъ ли это „думать, что онъ получилъ бы и Орденъ „*Подвязки*, естьли бы ему удалось лишить „жизни Консула? . . Поступки нашихъ

„сосѣдовъ чудны! . . Для того ли мирят-
„ся два великіе народа, чтобы вредить
„другъ другу, нанимать убійцъ и кле-
„ветниковъ? Развѣ свободное книгопеча-
„таніе состоитъ въ злословіи? развѣ за-
„коны Парламента не запрещаютъ оскорб-
„лять союзныхъ Державъ и самыхъ ихъ
„Министровъ? Говорятъ, что Ришелиё
„способствовалъ Англійской Революціи и
„бѣдственной смерти Карла I; Мини-
„стры Лудовика XVI безъ сомнѣнія возму-
„тили Америку: но Англійское Мини-
„стерство умѣло отмстить за то ужас-
„нымъ образомъ; оно произвело Парижскія
„убійства 2 Сентября, способствовало
„гибели Лудовика XVI и разоренію
„первыхъ городовъ нашихъ, гдѣ были
„фабрики: Ліона и проч. Не лучше ли
„оставить коварство и жить дружно?
„И чего хотятъ Министры? развѣ они
„не знаютъ, что Французское Правленіе
„нынѣ тверже Англійскаго? развѣ дума-
„ютъ, что мы не можемъ платить имъ
„такимъ же зломъ? Но что пользы?..
„*Или* Англійское Правленіе способствуетъ
„злодѣйствамъ (что несообразно съ че-
„стію Британніи), *или* оно не можетъ
„удержать ихъ, и тогда мы скажемъ,
„что въ Англіи нѣтъ правленія.“ Вотъ
страшная *дилемма*! Читатели могутъ

судить, помирились ли Французы съ Англїею въ душѣ своей!

Принцъ Генрихъ Прусскїй скончался въ Реинсбергѣ скоропостижною смертїю. Бывъ нѣкогда однимъ изъ славнѣйшихъ военачальниковъ Европы, онъ давно уже велъ скромную жизнь Философа, считалъ себя только зрителемъ въ политическомъ свѣтѣ, наслаждался дружбою и благодѣтельностїю. Генрихъ всегда страстно любилъ великїе умы и таланты: извѣстны дружескїя связи его съ Французскими Авторами, особливо съ Бюффономъ. Онъ вообще любилъ Французовъ, и во время самой Революцїи не переставалъ ревностно заниматься ихъ судьбою, удивляя своими разсужденїями тѣхъ людей, которые имѣли право на его искренность. Сей Принцъ явно осуждалъ союзъ Фридриха Вильгельма съ Австрїею и войну его съ Республикою; старый Министръ великаго Фридриха, Герцбергъ, думалъ такъ же. Остроумный Буфлеръ, выгнанный изъ отечества Революцїею, нѣсколько лѣтъ жилъ въ Реинсбергѣ, пользуясь искреннею дружбою Принца. Генрихъ, какъ Философъ, не боялся смерти: приготовилъ для себя могилу, любилъ смотрѣть на

нее изъ оконъ своихъ, и самъ написалъ слѣдующую эпитафїю, которую вырѣзали теперь на его гробѣ: „Своимъ рожденїемъ преданный в и х р ю суетности, кото„рую народъ именуетъ славою и величї„емъ, но которая ничтожна для мудраго; „подверженный всѣмъ слабостямъ человѣ„чества; терзаемый страстями другихъ, „безпокоимый собственными; предметъ „злословїя и несправедливости; пораженный смертїю милыхъ родственниковъ, „истинныхъ и вѣрныхъ друзей, но часто „утѣшаемый дружбою; щастливый сво„ими размышленїями, еще стократъ „щастливѣе услугами отечеству и стра„ждущимъ: таковъ былъ Генрихъ, сынъ „Фридриха Вильгельма I, Короля Прус„скаго, и Софїи-Доротеи, дочери Георга „I, Короля Англїйскаго. Странникъ! „помни, что нѣтъ на землѣ совершен„ства. Я не былъ лучшимъ изъ людей, „но не былъ и злымъ. Укоризна и хвала не „трогаютъ человѣка въ объятїяхъ вѣчно„сти; но сладкая надежда украшаетъ „послѣднїя минуты того, кто испол„няетъ свои должности: она теперь со „мною." — Шпага, съ которою онъ служилъ отечеству и славѣ, по его собственному приказанїю отвезена къ Королю.

Другія Европейскія новости не важны. — Малые Кантоны Швейцаріи хотятъ отложиться отъ большихъ и составить особенную Республику. — Въ сѣверной Америкѣ открыли страшный заговоръ Негровъ, которые хотѣли перерѣзать всѣхъ Бѣлыхъ. — Славный Авторъ Лагарпъ прощенъ Консуломъ и возвратился въ Парижъ.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

СЕНТЯБРЬ 1802.

№ 18.

ЛИТТЕРАТУРА и СМѢСЬ.

I.

Истинное происшествіе.

(Изъ Souvenirs de Felicie.)

Одинъ изъ нещастныхъ питомцевъ Аббата л'Епе, именемъ Дармансъ, сынъ Норманскаго дворянина, лишился отца на двадцатомъ году жизни, имѣлъ 10 тысячь ливровъ ежегоднаго дохода и поселился въ прекрасномъ сельскомъ домикѣ близь Парижа. Рожденный глухимъ и нѣмымъ, онъ заимствовалъ отъ добродѣтельнаго наставника все то, что могло нѣкоторымъ образомъ утѣшить его въ семъ нещастіи. Сама Природа хотѣла, казалось, наградить Дарманса за свою несправедливость, осыпавъ его рѣдкими благодѣяніями. Онъ былъ прекрасенъ

лицомъ, уменъ, чувствителенъ и великодушенъ; страстно любилъ чтенїе и рисовалъ очень хорошо; но удалялся отъ людей, чувствуя свои недостатки, и думая, что судьба осуждаетъ его на вѣчное уединенїе. „Я не могу (разсуждалъ онъ) говорить съ людьми; могу только быть имъ полезенъ дѣлами. И такъ буду искать единственно тѣхъ, которые имѣютъ нужду въ благодѣянїяхъ; бѣдный, принимая ихъ отъ меня, пойметъ мысль мою, хотя и не умѣю выразить ее. Нещастный, котораго не могу утѣшить, увидитъ по крайней мѣрѣ слезы мои.“ Такїя мысли служили отрадою великодушному Дармансу, и составили бы для него нѣкоторый родъ щастїя, безъ горестной мысли, что никогда любезная подруга не раздѣлитъ съ нимъ уединенїя. Видя прекрасную женщину, онъ всякой разъ приходилъ въ меланхолїю; не смѣлъ глядѣть на нее, и думалъ съ грустїю: *она будетъ любить не меня!*

Въ одно ясное Майское утро Дарманъ сидѣлъ подъ деревомъ въ Венсенскомъ лѣсу и смотрѣлъ въ задумчивости на алею противъ себя. Показывается молодая женщина — идетъ тихими шагами и ведетъ за руку мальчика лѣтъ двѣнадцати, Она

казалась миловидною, и Дармансъ вздохнулъ. Уединенїе и глубокая тишина въ лѣсу располагали его къ нѣжной чувствительности. Каждый новый шагъ открывалъ ему новую прїятность въ незнакомкѣ. Вдругъ она спотыкается и падаетъ . . . Дармансъ летитъ къ ней на помощь и видитъ ее лежащую на травѣ въ обморокѣ. Она вывихнула себѣ ногу. Мальчикъ плакалъ и говорилъ; но Дармансъ, не разумѣя его, вынулъ изъ кармана спиртъ и далъ его нюхать незнакомкѣ. Она черезъ минуту открыла глаза — большїе и прекрасные; но въ нихъ, вмѣсто удивленїя (ибо молодой человѣкъ стоялъ подлѣ нее на колѣняхъ) изображались одно равнодушїе и меланхолїя. Дармансъ, не зная, что она вывихнула ногу, хочетъ поднять ее, беретъ за руку и видитъ, что незнакомка удивляется и краснѣетъ. . . Сердце его затрепетало: онъ догадался, что она слѣпа . . . Жалость и симпатїя нещастїя въ одну минуту навѣки привязываютъ его къ миловидной незнакомкѣ. Дармансъ вынимаетъ бумагу, пишетъ нѣсколько строкъ и подаетъ мальчику, который умѣлъ читать и писать. Тутъ они разумѣютъ другъ друга, и молодой человѣкъ узнаетъ, что прекрасная Эрминїя повредила себѣ ногу

и не можетъ итти; что мальчикъ есть братъ ея и называется Леономъ; что домъ ихъ не далеко оттуда. Дармансъ пишетъ: *укажи мнѣ дорогу*, беретъ на руки Эрминію (не смотря на ея легкое сопротивленіе) и несетъ съ такимъ пріятнымъ чувствомъ, которое было для него еще ново. Минутъ черезъ десять Леонъ останавливается у воротъ маленькаго, уединеннаго домика, стучитъ, и старая служанка отворяетъ ихъ. Онъ бѣжитъ предувѣдомить свою бабушку... Дармансъ идетъ за нимъ въ маленькую, низенькую горницу и сажаетъ Эрминію на большія кресла, съ которыхъ встала испуганная старушка, чтобы встрѣтить внуку свою. Леонъ цѣлуетъ молодаго человѣка, изъявляя ему сердечную благодарность. Дармансъ нѣжно обнимаетъ его и скрывается. — Домикъ былъ чистъ, но показывалъ бѣдность и недостатокъ: сіе замѣчаніе могло только усилить нѣжную склонность добраго сердца. „Она бѣдна и прекрасна, думалъ молодой человѣкъ: естьли не буду супругомъ ея, то по крайней мѣрѣ могу дѣлать ей добро. Не знаю, какъ открыть ей мои чувства, какъ намъ изъясняться; но естьли душа ея чувствительна, то мы вѣрно найдемъ способъ угадывать и разумѣть другъ друга.“

На другой день Дарманс послалъ къ Эрминіи корзинку съ плодами и розами. Она приняла ихъ съ невинною радостію. Уже Эрминія брала живое участіе въ судьбѣ Дарманса, жалѣла объ его нещастіи, и чувствовала цѣну его добродушія. Сверхъ того Леонъ съ восторгомъ описывалъ ей красоту, милый взглядъ и любезность молодаго человѣка. . . . Эрминія ослѣпла на тринадцатомъ году. Медики сказали, что ей можно возвратить зрѣніе посредствомъ операціи, когда она придетъ въ совершенный возрастъ, то есть, будетъ семнадцати лѣтъ. До сего назначеннаго срока оставалось тогда мѣсяцевъ шесть. Вдова, мать ея, воспитывала ее съ великимъ попеченіемъ; но за два года передъ тѣмъ умерла, и бѣдная Эрминія чувствовала всѣ бѣдствія сиротства. Живучи во всегдашнемъ уединеніи, она сохранила всю невинность дѣтства, но сдѣлалась только задумчивѣе и грустнѣе; оплакивала мать свою съ такимъ же горемъ, какъ въ первые дни сей ужасной потери: ибо ничто не могло разсѣять ея печальныхъ мыслей. Вѣчная тьма и вѣчное, унылое единообразіе въ жизни не давали ей чувствовать никакой перемѣны въ свѣтѣ, и время казалось Эрминіи неподвижнымъ.

Дармансъ въ тотъ же день пришелъ къ ней. Осьмидесятилѣтняя старушка сидѣла на своихъ креслахъ, а внука (которой стало между тѣмъ гораздо легче) бренчала на старомъ, разстроенномъ клавесинѣ и пѣла; но вдругъ остановилась и закраснѣлась. . . . Она услышала, что растворили дверь, почувствовала духъ амбры, которую Дармансъ клалъ въ свою пудру; догадалась, что онъ пришелъ, и назвала его именемъ. . . Маленькой братъ ея удивился, и начавъ свою переписку, сказалъ о томъ Дармансу. Эрминія изъяснила имъ, что она узнала его по ароматамъ, и примолвила, что этотъ духъ для нее всѣхъ лучше. Молодой человѣкъ въ тотъ же вечеръ прислалъ ей коробочку съ амброю. Она спрятала и сказала: боюсь къ ней привыкнуть; тогда не буду узнавать Дарманса; не буду чувствовать, когда онъ приближится ко мнѣ или удалится. — Часто Эрминія безъ Дарманса открывала коробочку, нюхала и говорила: *ахъ! мнѣ кажется, что онъ здѣсь!* Между тѣмъ изъ глазъ ея катились слезы; но *плакать* было для нее *любить*: она столько плакала о матери! Уже давно въ ея сердцѣ и воображеніи любовь была нераздѣльна съ горестію. Тогда новое чувство оживило свѣтъ для Эрминіи; узнавъ

Дарманса, она стала различать дни; поутру ждала съ нетерпѣнїемъ вечера; а ночью, закрывая глаза, думала о завтрашнемъ днѣ.

Дармансъ съ своей стороны занимался только Эрминїею. Свѣдавъ отъ Леона всѣ обстоятельства ея жизни, онъ веселился мыслїю, что лесть и похвала были ей неизвѣстны, и что она сама не знала своихъ прелестей. Дармансъ услышалъ съ радостїю, что Эрминїя надѣялась снова получить зрѣнїе; съ восторгомъ представлялъ себѣ ту минуту, въ которую она увидитъ его; и съ другой стороны боялся сей минуты, думая: „тогда Эрминїя будетъ совершенна; тогда не останется никакого сходства между нами; я покажусь ей только нещастнымъ . . . а мнѣ уже мало сожалѣнїя!“ Въ присутствїи Эрминїи исчезали сїи безпокойныя мысли. Всѣ сердца любили его въ хижинѣ. Онъ давалъ деньги служанкѣ, шелкъ старушкѣ (которая вязала прекрасные кошельки), игрушки Леону и цвѣты Эрминїи. За то весь домъ былъ въ движенїи, когда приходилъ Дармансъ. Служанка бросалась отпирать двери; Леонъ бѣжалъ на встрѣчу, обнималъ его, садился къ нему на колѣни; старушка развеселялась, Эрминїя краснѣлась и взды-

хала. Всякое утро она получала отъ него букетъ фіялокъ, и носила его весь день. Ввечеру пили вмѣстѣ чай: Дарманcъ требовалъ назадъ своего букета; Эрминія снимала его съ груди; онъ обрывалъ цвѣты, клалъ ихъ въ воду и пилъ съ чаемъ.

Дарманcъ тихонько велѣлъ настроить Эрминіинъ клавесинъ. Леонъ просилъ ее играть. Нѣтъ, сказала она: я уже не люблю музыки. — Для чего же? спросилъ Леонъ: голосъ твой очень пріятенъ. — „Что пользы! отвѣчала Эрминія со вздохомъ: теперь я хотѣла бы имѣть *другой* талантъ; и естьли Богъ когда нибудь возвратитъ мнѣ зрѣніе, то прежде всего выучусь *писать*.“ — — Дарманcъ, узнавъ о семъ разговорѣ, спѣшилъ въ Парижъ къ добродѣтельному наставнику слѣпыхъ, и выпросилъ у него ту машину, посредствомъ которой можно писать *выпуклыми* буквами и читать *осязаніемъ*. Эрминія, слыша съ неописанною радостію о семъ изобрѣтеніи, сдѣлалась ученицею Дарманса: дивиться ли ея быстрымъ успѣхамъ? Она стала писать, изображать всѣ буквы, начертала имя Дарманса — и скоро могла съ нимъ изъясняться. Какое живѣйшее удовольствіе для обоихъ! Они наслаждались

совершеннымъ щастїемъ двухъ любовниковъ, которые наконецъ видятся послѣ долговременной разлуки. Имъ не нужно было лучше узнавать другъ друга: уже давно сердца ихъ заключили союзъ нѣжности. Но преграда исчезла между ими: они имѣли удовольствїе сообщать другъ другу всѣ мысли и чувства свои. Такъ прошло лѣто. Эрминїя съ нетерпѣнїемъ ожидала Октября. „Черезъ нѣсколько дней, думала она, я увижу Дарманса, или навсегда потеряю надежду видѣть его!“

Дармансъ взялъ на себя сыскать лекаря для сей важной операцїи, и въ назначенный день привезъ лучшаго Парижскаго Оккулиста, велѣвъ ему взять съ собою ученика своего, молодаго, прекраснаго человѣка; ибо онъ хотѣлъ испытать чувство Эрминїи. Любовь суевѣрна; чудеса не удивляютъ ее: она считаетъ все возможнымъ. Дармансъ надѣлъ такой же кафтанъ и сталъ подлѣ молодаго ученика. Операцїя имѣла щастливѣйшїй успѣхъ: Эрминїя получила зрѣнїе, и слѣдуя первому движенїю, бросилась обнимать свою бабушку, Леона — искала глазами своего друга, и увидѣла двухъ человѣкъ, равно миловидныхъ, въ одинакихъ кафтанахъ; глаза ихъ были

одного цвѣту, но взоры ихъ не одно изображали: Эрминія въ ту же минуту сняла съ груди своей букетъ фіялокъ и подала его — Дармансу, который съ радостію, въ восторгѣ схватилъ ея руку и поцѣловалъ съ сердечными, сладкими слезами.

Эрминія скоро выздоровѣла: щастіе есть самый надежный лекарь. Дармансъ хотѣлъ, чтобы она не смотрѣлась въ зеркало безъ него, и прежде совершеннаго выздоровленія. Въ домѣ было только одно маленькое зеркало, въ которое смотрѣлись и старушка и служанка и Леонъ. Эрминія не велѣла носить его къ себѣ. Дармансъ, еще болѣе прежняго влюбленный, болѣе прежняго и безпокоился. „И такъ она не сохранитъ уже любезнаго невѣдѣнія своихъ прелестей! думалъ онъ: узнаетъ себя и можетъ возгордиться красотою; по крайней мѣрѣ удивится ей; по крайней мѣрѣ увидитъ ея дѣйствіе во всѣхъ глазахъ; а я, видя ее предметомъ общаго удивленія, не могу слышать, что ей скажутъ, и что она будетъ отвѣчать; могу все вообразить, всего страшиться!“ . .

Огорченный сими мыслями, и боясь сдѣлать любовницу свою нещастною, Дармансъ открылъ ей сердце свое, и при-

знался, что будетъ ревнивъ. „Нѣтъ, нѣтъ! (писалъ онъ) я не достоинъ быть твоимъ супругомъ. Позволь мнѣ только, любезная Эрминія, называть тебя милою сестрою, и стараться о твоемъ благополучіи.“ . . . . Ахъ! долго ли успокоить, долго ли разувѣрить человѣка, когда истинно любишь его! Сердце скажетъ, что надобно говорить, и дастъ всякому слову особенную силу. Эрминія двумя строками успокоила Дарманса; клялась отказаться отъ всѣхъ удовольствій, которыхъ не могла дѣлить съ нѣжнымъ другомъ своимъ; нетерпѣливо хотѣла удалиться отъ свѣта, отъ людей, и просила его ѣхать съ нею навсегда въ Нормандію, гдѣ было у него помѣстье.

Черезъ два дни послѣ того Дармансъ пришелъ къ Эрминіи въ 7 часовъ утра: поставилъ на столъ большое закрытое зеркало; взялъ ее за руку и сорвалъ покрывало . . . Эрминія, взглянувъ, ахнула отъ удивленія! . . „Какъ я выросла!“ сказала она, и смотрѣлась съ видомъ удовольствія, которое терзало безпокойнаго любовника. „Какъ она радуется собою! думалъ онъ: какое пріятное вниманіе во всѣхъ чертахъ лица! Ахъ! суетность есть живѣйшая страсть женщины!“ . . .

Эрминія не спускала глазъ съ зеркала; но вдругъ заплакала, и взглянувъ на Леона, сказала: „теперь вижу, что я похожа на матушку!“ Эрминія ничего болѣе не замѣтила.... Леонъ изъясняетъ Дармансу сіе трогательное движеніе. Нѣжный любовникъ въ восторгѣ чувствительности упадаетъ на колѣни передъ нею: въ сію минуту она казалась ему Ангеломъ!

Дармансъ женился на Эрминіи, и поѣхалъ вмѣстѣ съ ея семействомъ въ Нормандію. Эрминія въ уединеніи наслаждается щастіемъ и добродѣтелями своими. Дармансъ, нѣжный супругъ и родитель, не жалуется на Природу, но всякой день изъ глубины сердца благодаритъ Небо!

II.

Историческое извѣстіе о Голландскомъ Профессорѣ Нейвландѣ, необыкновенномъ человѣкѣ.

Петръ Нейвландъ родился 5 Ноября 1764, въ Димермерѣ, маленькой деревенькѣ близь Амстердама. Отецъ его былъ искусный плотникъ, зналъ ариѳметику,

разумѣлъ Эвклида, собралъ нѣсколько хорошихъ книгъ, и читалъ ихъ въ свободное время. Скоро примѣтилъ онъ въ сынѣ своемъ необыкновенныя дарованія. Сей младенецъ не любилъ забавъ дѣтскихъ, и занимался только разсматриваніемъ эстамповъ, которые показывала ему мать. Ихъ было около пятидесяти: она изъясняла содержаніе, и всякой разъ читала вслухъ Голландскіе стихи, подъ ними напечатанные. Сколь удивилась она, когда трехлѣтній сынъ ея вдругъ безъ малѣйшей ошибки прочиталъ ей наизусть всѣ сіи надписи, то есть около трехъ сотъ стиховъ!

Пяти лѣтъ онъ уже зналъ Библію, а черезъ два года могъ разсказывать содержаніе всѣхъ книгъ отца его. Голландскія стихотворенія, путешествія, Исторія, великія происшествія, характеры славныхъ людей, свойства животныхъ и травъ, описываемыхъ путешественниками — все впечатлѣлось въ его памяти. Скоро Нейвландъ сдѣлался самъ Поэтомъ, и безъ всякаго труда, играя, сочинялъ стихи, достойные вниманія знатоковъ. Вотъ переводъ одной строфы изъ его Гимна Всевышнему, сочиненнаго имъ десяти лѣтъ: „О Божество неизъяснимое! „какою славою блистаешь Ты въ твореніи!

„какъ огромна Твоя вселенная! какъ „великолѣпны Твои солнцы! Съ восторгомъ взираю на сводъ небесный; но и сей „червь, который во прахѣ исчезаетъ подъ „моею ногою, не есть ли чудо Твоей „премудрости и благости?“ — и проч.

Сверхъ таланта пїитическаго Нейвландъ имѣлъ удивительную способность къ Математикѣ, и скоро превзошелъ въ ней отца своего. Осьми лѣтъ онъ понялъ совершенно славную теорему Пиѳагорову, и на девятомъ году съ величайшею скоростїю и вѣрностїю рѣшилъ самыя мудреныя задачи Профессора Энея, который желалъ увѣриться, правду ли говорили ему о семъ удивительномъ мальчикѣ. Нейвландъ, отвѣчая на трудные вопросы его, въ то же самое время смотрѣлъ на своихъ товарищей, игравшихъ въ саду. На большихъ стѣнныхъ часахъ стояла маленькая деревянная статуя. Можешь ли сказать мнѣ, спросилъ у него Эней, сколько въ этой фигурѣ кубическихъ дюймовъ? Могу, отвѣчалъ онъ, только съ условїемъ. — „Съ какимъ?“ — Чтобы вы дали мнѣ кусокъ того дерева, изъ котораго она сдѣлана. — „Для чего?“ — Я приведу его въ кубической дюймъ, сравняю тягость его съ тягостїю фигуры, и скажу вамъ тогда безъ ошибки.

Это безъ сомнѣнія покажется едва вѣроятнымъ; но свидѣтели живы: люди ученые и правдивые. Надобно вспомнить, что Генхенъ четырехъ лѣтъ зналъ Исторію и Географію, а Баратье на седьмомъ году Еврейской, Греческой, Латинской, Французской и Нѣмецкой языкъ. Удивительной Нейвландъ не зналъ еще тогда никакого языка, кромѣ своего природнаго; онъ не имѣлъ выгодъ того воспитанія, которымъ пользовались Гроціи, Этьени, Баратьеры; но скоро одинъ славный Литтераторъ взялся быть его учителемъ, и Нейвландъ сравнялся съ ними въ знаніи древнихъ языковъ.

Съ нѣкотораго времени всѣ говорили о сынѣ плотника; ученые люди безпрестанно любопытствовали видѣть его, давали отцу совѣты, а сыну книги. Г. Бошъ также пришелъ къ нему съ братомъ своимъ, и видя чудный разумъ мальчика, желалъ взять его къ себѣ въ домъ, чтобы дать ему всѣ возможные способы просвѣщенія. Отецъ согласился, и Нейвландъ одиннадцати лѣтъ переселился въ Амстердамъ.

Онъ хотѣлъ узнать всѣ науки, и во всѣхъ успѣлъ; Философія, Литература, Исторія, все сдѣлалось ему извѣстно. Геній его всего болѣе дѣйствовалъ

въ Математикѣ; онъ умѣлъ самъ собою относить ея правила и вычисленія къ Физикѣ, Механикѣ, Астрономіи. Учитель его, Фанъ Свинденъ, бывшій Директоръ Батавской Республики, говоритъ, что Нейвландъ скоро превзошелъ его во всемъ, что называется *математическимъ Геніемъ*; что онъ дивился великому дѣйствію сего необыкновеннаго ума, и радовался такимъ ученикомъ, который могъ быть его учителемъ.

Нейвландъ, имѣя щастливую память и рѣдкую проницательность, читалъ книги по-своему: безпрестанно переверты-валъ листы, смотрѣлъ вдругъ на двѣ страницы, и черезъ нѣсколько минутъ зналъ все не хуже того, кто читалъ съ великимъ вниманіемъ — что онъ доказалъ одному изъ лучшихъ Голландскихъ проповѣдниковъ, взявъ въ руки большую проповѣдь его на пять минутъ, и разсказавъ ему потомъ ея содержаніе съ величайшею подробностію.

Извѣстно, что Нейвландъ сочинялъ книги свои, и даже математическія, въ однѣхъ мысляхъ: не писалъ ни слова, и такимъ образомъ рѣшилъ самыя трудныя задачи. Геометрическія фигуры и Алгебраическіе знаки были у него всегда въ головѣ: онъ дѣлалъ исчисленія свои

на улицѣ, во многочисленныхъ собраніяхъ, среди Амстердамскаго шума. И съ такою же легкостію выучивался языкамъ: зналъ хорошо Греческой, Латинской, Французской, Италіянской, Англійской и Нѣмецкой. Всего же болѣе занимался теоріею языковъ, разбирая ихъ сходства, происхожденіе и розницу нарѣчій. Отъ того Гишпанскій, Португальскій и Шведскій языки не имѣли для него никакой трудности: онъ разумѣлъ всѣ книги, на нихъ писанныя. Нужно ли замѣтить выгоду сего знанія въ такомъ вѣкѣ, въ которомъ всякой Авторъ пишетъ на своемъ языкѣ? Безъ сомнѣнія никто изъ нашихъ современниковъ не читалъ столько, какъ Нейвландъ.

Онъ имѣлъ все нужное для великаго Поэта: пламенное воображеніе, совершенное знаніе Натуры, Исторіи, лучшихъ стихотворныхъ произведеній и наконецъ языка своего, который въ его сочиненіяхъ богатъ оттѣнками, силою и даже пріятностями. Онъ перевелъ на Голландской стихами все то, что Греческіе и Латинскіе Поэты говорятъ о *состояніи души послѣ смерти.* Извѣстно, какъ мудрено выражать на другомъ языкѣ пиитическія красоты Древнихъ: Нейвландъ на девятнадцатомъ году умѣлъ подражать

Пиндару, Гомеру, Анакреону, Теокриту и Виргилію.

Всѣ такія блестящія дарованія украшались въ немъ еще болѣе кротостію характера и благонравіемъ. Онъ любилъ Религію, сердцемъ и душею обожалъ Провидѣніе; въ щастіи былъ смиреннымъ, и скроминымъ въ славѣ.

Казалось, что всегдашнія похвалы въ самомъ дѣтствѣ могли бы уже испортить его. Всякой любопытной шелъ видѣть малолѣтнаго ученаго, который безъ сомнѣнія говоритъ только о своихъ знаніяхъ и стихахъ; но всякой съ удивленіемъ находилъ простаго, смирнаго мальчика, котораго невинный и кроткій видъ изображалъ скромность и чистосердечіе; мальчика, который, доказавъ чудесный разумъ свой, спѣшилъ къ товарищамъ играть и рѣзвиться какъ другіе.

Въ самыхъ зрѣлыхъ лѣтахъ онъ никогда не гордился умомъ, и хотя не могъ не чувствовать превосходства своего, но относилъ его къ благости Всевышняго, и хранилъ въ себѣ чувство смиренія. Передъ людьми, менѣе его учеными, онъ никогда не хотѣлъ блистать знаніями, а съ простыми говорилъ какъ ребенокъ. Казалось, что только одинъ человѣкъ не знаетъ цѣны Нейвланда — и сей чело-

вѣкъ былъ самъ Нейвландъ. Онъ поручалъ говорить за себя хорошимъ сочиненіямъ и дѣламъ своимъ.

Всѣ уважали и любили Нейвланда. Друзья находили его всегда постояннымъ, великодушнымъ, готовымъ къ услугамъ. Онъ съ охотою принималъ и съ величайшею осторожностію давалъ совѣты, когда ихъ требовали; всякой могъ надѣяться на его скромность.

Одинъ знаменитый человѣкъ въ Америкѣ звалъ его въ Республику Соединенныхъ Областей, чтобы способствовать тамъ успѣхамъ Наукъ и завести Академіи. Нейвландъ отвѣчалъ: „Я не могу „оставить Европы безъ увѣренія, что „буду очевидно и существенно полезенъ „въ Америкѣ; что не оскорблю тамъ „самолюбія людей, и никому ни въ чемъ „не помѣшаю.“

Благочестіе и любовь къ роду человѣческому были единственнымъ источникомъ его дѣятельности; онъ дѣлалъ добро не для славы, а по требованію сердца; не любилъ роскоши, и считалъ умѣренность должностію, ибо она давала ему способъ благодѣтельствовать. Онъ всегда хотѣлъ помогать другимъ; самымъ незнакомымъ сообщалъ плоды своихъ ученыхъ открытій, и забывалъ ихъ неблаго-

дарность, когда они употребляли во зло его добродушіе; помнилъ одно добро, которое ему люди дѣлали.

Нейвландъ нравился во всѣхъ обществахъ. Знатные уважали его, хотя онъ никогда не льстилъ имъ; ученые наслаждались его разговорами, и самые неученые любили быть съ нимъ. Онъ говорилъ складно, умно; разсказывалъ пріятно и кстати; никого не оскорблялъ колкими словами и насмѣшками, хотя умѣлъ шутить, и весьма забавно; охотно исполнялъ волю тѣхъ, которые въ обществѣ просили его написать стихи, задавая ему содержаніе, риѳмы и мѣру; сочинялъ прекрасныя піесы въ семъ родѣ, украшая ихъ легкостію, остроуміемъ и тонкими отношеніями къ извѣстнымъ происшествіямъ; но рѣдко списывалъ ихъ для себя, и забывалъ какъ бездѣлицы; однимъ словомъ, всячески старался заслуживать пріязнь людей, и совершенно успѣлъ въ своемъ намѣреніи, ибо всѣ искренно оплакивали смерть его. Такъ бываетъ всегда, когда великой человѣкъ умѣетъ иногда скрывать отмѣнный разумъ свой; когда Философъ съ мудростію соединяетъ любезность, а съ пріятнымъ остроуміемъ скромность и благонравіе — подобно Нейвланду.

Такой любезной человѣкъ достоинъ былъ имѣть любезную супругу: онъ имѣлъ нѣжную, чувствительную, умную и прелестную. Они другъ для друга были созданы; сердца, нравы, самыя лица ихъ представляли великое сходство. Щастливый Философъ думалъ только о щастіи супруги своей, жилъ съ нею какъ въ раю — и лишился милой подруги. Ея кончина надолго разстроила мирное спокойствіе его сердца. Анна Нейвландъ умерла двадцати-двухъ лѣтъ, оставивъ одну дочь, которая пережила ее только двумя днями.

Нейвландъ былъ пораженъ симъ ударомъ . . . Съ нею исчезло все его блаженство; но скоро вооружился твердостію, скрывалъ отъ друзей слезы свои, и только въ уединеніи проливалъ ихъ. Тамъ въ прекрасныхъ стихахъ онъ написалъ къ подругѣ своей: „Любовь, которая въ сер„дцѣ моемъ пылала къ тебѣ, о нѣжный „другъ! не угасла съ твоею жизнію; она „съ тихою кротостію обратится теперь „на людей и нашихъ ближнихъ. Тамъ, „гдѣ покоится милый прахъ твой, я „часто буду лить слезы подъ кровомъ „ночи; и естьли голова моя когда ни„будь украсится лаврами, то посвящу „ихъ твоей безцѣнной памяти. Кто

„черезъ нѣсколько быстрыхъ лѣтъ вспо-„мнитъ еще о Нейвландѣ, тотъ будетъ „знать, что онъ, любимый своею подру-„гою, обожалъ ее — лишился, и не за-„былъ никогда. Въ сей надеждѣ возвра-„щаюсь къ трудамъ моимъ. Скоро и я „буду свободенъ! минуются страданія, „и вѣчность приметъ горестнаго въ нѣдра „свои. Тамъ мы увидимся; тамъ, ука-„зывая меня своей дочери, ты скажешь: „*вотъ отецъ твой! полетимъ къ нему въ „объятія; мы будемъ жить съ нимъ!*"

Образъ супруги былъ у него всегда передъ глазами; всякой шагъ, всякое мѣсто напоминало ему милую, и возобновляло ежечасно горесть его. Онъ рѣшился на нѣсколько времени оставить Голландію, и поѣхалъ въ Готу, гдѣ жилъ другъ его, славный Астрономъ Цахъ. Скоро онъ нашелъ тамъ и многихъ друзей: всѣ узнали и полюбили его. Владѣтельная Принцесса изъявляла особенное къ нему уваженіе.

Нейвландъ занимался въ Готѣ одною Астрономіею, и всякой день трудился надъ опредѣленіемъ разстоянія и движенія небесныхъ тѣлъ. Обогащенный новыми знаніями, онъ возвратился въ отечество, исполнять должности, ввѣренныя ему согражданами. Нейвландъ учился

всему, чтобы въ разныхъ обстоятельствахъ и во всякомъ мѣстѣ быть полезнымъ Республикѣ. Онъ выбралъ сперва Литтературу, знанїе древностей, языки и Критику въ главный предметъ своихъ упражненїй; но когда Адмиралтейство сдѣлало его Членомъ Комиссїи, долженствующей издавать вѣрнѣйшїя морскїя карты и опредѣлять долготу мѣстъ, тогда Нейвландъ, думая, что *гражданину надобно всѣмъ жертвовать своимъ обязанностямъ*, простился навсегда съ Поэзїею, древностями и Критикою; умѣрилъ свою прилѣжность къ вышней Математикѣ, и занялся одною Астрономїею въ отношенїи къ мореплаванїю.

Въ тотъ же годъ Утрехтское начальство предложило ему мѣсто Профессора Философїи и Математики въ тамошнемъ Университетѣ: ибо два славнѣйшїе Математика въ Голландїи объявили Бургомистрамъ, что Нейвландъ всѣхъ достойнѣе такого важнаго мѣста. Къ нещастью въ самое то время начались раздоры въ Республикѣ, и всѣ опредѣленїя Утрехтскаго Магистрата были уничтожены. Хотя Нейвландъ никогда не мѣшался въ дѣла народныя, однакожь ему надлежало вмѣстѣ съ другими потерпѣть отъ общихъ безпорядковъ. Черезъ два

года наименовали его Лекторомъ Математики, Астрономїи и мореплаванїя въ Амстердамскомъ Атенеѣ.

Успѣхъ трудовъ, порученныхъ ему Адмиралтействомъ, дозволилъ ему наконецъ возвратиться къ математическимъ умозрѣнїямъ, которыми онъ могъ бы сдѣлать имя свое безсмертнымъ. Другъ его Дамень, не любившїй хвалить излишно, писалъ къ нему, что онъ уже въ нѣкоторыхъ частяхъ превзошелъ Эйлера. Но Нейвландъ хотѣлъ быть лучше полезнымъ гражданиномъ, нежели славнымъ ученымъ, и внутреннее одобренїе совѣсти предпочиталъ славѣ. „Я уже не могу „сдѣлаться Эйлеромъ, говорилъ онъ: такъ „и быть! могу по крайней мѣрѣ заслу„жить имя Дальримпля Белгїи.“

Новый Профессоръ старался всего болѣе о ясности, и представлялъ вещи такъ хорошо, что самые тупые ученики понимали его. Онъ въ то же время началъ заниматься Химїею, скоро узналъ совершенно ея теорїю, былъ принятъ въ Члены Химическаго Общества и писалъ журналъ его на Французскомъ языкѣ.

Уже шесть лѣтъ Нейвландъ съ успѣхомъ и славою отправлялъ должность Лектора, когда Лейденской Университетъ предложилъ ему мѣсто Профессора Физики.

Надлежало опять заняться новымъ предметомъ и пожертвовать вкусомъ своимъ общей пользѣ. Онъ разумѣлъ Физику, и могъ хорошо учить ей; но хотѣлъ сдѣлаться славнымъ въ сей наукѣ, зная, что отъ имени Профессоровъ зависитъ слава Университета, и что онъ теряетъ ее, когда его Профессоры считаются обыкновенными людми въ своемъ родѣ.

Нейвландъ съ неутомимою ревностїю читалъ все, что на какомъ нибудь языкѣ писано о Физикѣ и сообщалъ съ великою ясностїю ученикамъ своимъ, которые имѣли въ немъ не только рѣдкаго Профессора для науки, но и рѣдкаго наставника для образованїя ихъ сердца и нравовъ, сколько ученїемъ добродѣтели, столько и примѣромъ. Онъ любилъ ихъ какъ дѣтей своихъ, и говорилъ съ ними какъ съ ровными, однакожь былъ чрезмѣрно уважаемъ, а еще болѣе любимъ. Къ нещастїю преждевременная смерть лишила Голландїю сего знаменитаго гражданина. Нейвландъ умеръ 14 Ноября 1794, на тридцать первомъ году отъ рожденїя.

Сочиненїя его могутъ составить 7 или 8 томовъ; мы означимъ титулъ нѣкоторыхъ: *Поэма Орїонъ*, одно изъ лучшихъ произведенїй Голландской Поэзїи — *о различной важности человѣческихъ*

знаній — сравненіе Наукъ съ Литтературою — о средствахъ просвѣтить народъ — о любви къ отечеству, первой и святой должности — о благодѣяніяхъ мореплаванія для человѣческаго роду — мысли древнихъ о состояніи души послѣ смерти — объ истинномъ и ложномъ Геніѣ — о чувствительности — о системѣ Лавуазьеровой — и проч. Всѣ произведенія ума его достойны вниманія и хвалы; но онъ сдѣлалъ еще весьма важное открытіе, которое одно могло бы прославить ученаго; а именно, Нейвландъ нашелъ физическую причину уклоненія Эклиптики, неизвѣстную Невтону, Эйлеру, д'Аланберту и Клеро̀ту. Онъ производитъ сей феноменъ отъ привлекательной силы, и началъ доказывать по вѣрными исчисленіями; смерть не дала ему окончить ихъ. Математики, читая извѣстіе объ его открытіи въ журналѣ Г. Боде, должны удивляться глубокомыслію сего молодаго человѣка; и естьли кто нибудь довершитъ Нейвландово открытіе, то Философъ Голландскій займетъ свое мѣсто подлѣ тѣхъ, которые умѣли изъяснить образованіе міра, и потомство будетъ славить въ немъ не только великаго Математика, но и великаго Генія. (*Изъ Mag. Encyclop.*)

III.

Рыцарь нашего времени.

(Продолженіе Романа, котораго начало помѣщено было въ 13 Нумерѣ *Вѣстника.*)

Глава VI.

Успѣхи въ ученьи, въ образованіи ума и чувства.

И такъ летящее время обтерло своими крылами слезы горестныхъ, и всякой снова принялся за свое дѣло: отецъ за хозяйство, а сынъ за часовникъ. Сельской дьячекъ, славнѣйшій грамотей въ околодкѣ, былъ первымъ учителемъ Леона, и не могъ нахвалиться его понятіемъ. „Въ три дни" — разсказывалъ онъ за чудо другимъ грамотѣямъ — „въ три дни затвердитъ всѣ буквы, въ недѣлю всѣ склады; въ другую разбирать слова и титлы: это не видано, не слыхано! Въ ребенкѣ будетъ путь."

Въ самомъ дѣлѣ онъ имѣлъ необыкновенное понятіе, и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ могъ читать всѣ церковныя книги какъ *Отче нашъ*; такъ же скоро выучился и писать; такъ же скоро началъ разбирать и печать свѣтскую, къ удивленію

сосѣдственныхъ дворянъ, при которыхъ отецъ не рѣдко заставлялъ читать Леона, чтобы радоваться въ душѣ своей ихъ похвалами. Первая свѣтская книга, которую маленькой Герой нашъ, читая и читая, наизусть вытвердилъ, была Езоповы Басни; отъ чего во всю жизнь свою имѣлъ онъ рѣдкое уваженіе къ безсловеснымъ тварямъ, помня ихъ умныя разсужденія въ книгѣ Греческаго мудреца, и часто, видя глупости людей, жалѣлъ, что они не имѣютъ благоразумія скотовъ Езоповыхъ.

Скоро отдали Леону ключь отъ желтаго шкапа, въ которомъ хранилась библіотека покойной его матери, и гдѣ на двухъ полкахъ стояли романы, а на третьей нѣсколько духовныхъ книгъ: важная эпоха въ образованіи его ума и сердца! Даура, восточная повѣсть, Селимъ и Дамасина, Мирамондъ, Исторія Лорда N., все было прочтено въ одно лѣто, съ такимъ любопытствомъ, съ такимъ живымъ удовольствіемъ, которое могло бы испугать инаго воспитателя, но которымъ отецъ Леоновъ не могъ нарадоваться, полагая, что охота ко чтенію, какихъ бы то ни было книгъ, есть хорошій знакъ въ ребенкѣ. Только иногда по вечерамъ говаривалъ онъ сыну: „Леонъ! не

испорти глазъ. Завтра день будетъ; успѣешь начитаться.“ А самъ про себя думалъ: „весь въ мать! бывало, изъ рукъ не выпускала книги. Милой ребенокъ! будь во всемъ похожъ на нее; только будь долголѣтнѣе!“

Но чѣмъ же романы плѣняли его? Не уже ли картина любви имѣла столько прелестей для осьми-или девятилѣтняго мальчика, чтобы онъ могъ забывать веселыя игры своего возраста и цѣлой день просиживать на одномъ мѣстѣ, впиваясь, такъ сказать, всѣмъ дѣтскимъ вниманіемъ своимъ въ нескладицу Мирамонда или Даиры? Нѣтъ, Леонъ занимался болѣе происшествіями, связію вещей и случаевъ, нежели чувствами любви романической. Натура бросаетъ насъ въ міръ какъ въ темный, дремучій лѣсъ, безъ всякихъ идей и свѣдѣній, но съ большимъ запасомъ любопытства, которое весьма рано начинаетъ дѣйствовать во младенцѣ, тѣмъ ранѣе, чѣмъ природная *основа* души его нѣжнѣе и совершеннѣе. Вотъ то бѣлое облако на зарѣ жизни, за которымъ скоро является свѣтило знаній и опытовъ! Естьли положить на вѣсы, съ одной стороны тѣ мысли и свѣдѣнія, которыя въ душѣ младенца накопляются въ теченіе десяти недѣль, а съ другой

идеи и знанія, пріобрѣтаемыя зрѣлымъ умомъ въ теченіе десяти лѣтъ: то перевѣсъ окажется безъ всякаго сомнѣнія на сторонѣ первыхъ. Благодѣтельная Натура спѣшитъ надѣлить новорожденнаго всѣмъ необходимымъ для мірскаго странствія: разумъ его летитъ орломъ въ началѣ жизненнаго пространства; но тамъ, гдѣ предметомъ нашего любопытства становится уже не истинная нужда, но только суемудріе, тамъ полетъ обращается въ пѣшеходство, и шаги дѣлаются часъ отъ часу труднѣе.

Леону открылся новый свѣтъ въ романахъ; онъ увидѣлъ, какъ въ магическомъ фонарѣ, множество разнообразныхъ людей на сценѣ, множество чудныхъ дѣйствій, приключеній — игру судьбы, дотолѣ ему совсѣмъ неизвѣстную. . . (но тайное предчувствіе сердца говорило ему: *ахъ! и ты, и ты будешь нѣкогда ея жертвою! и тебя схватитъ, унесетъ сей вихорь . . . куда? . . . куда?*) . . . Передъ глазами его безпрестанно поднимался новой занавѣсъ: ландшафтъ за ландшафтомъ, группа за группою, являлись взору. — Душа Леонова плавала въ книжномъ свѣтѣ, какъ Христофоръ Коломбъ на Атлантическомъ морѣ, для открытія . . . сокрытаго.

Сїе чтенїе не только не повредило его юной нравственности, но было еще весьма полезно для образованїя въ немъ моральнаго чувства. Въ Даирѣ, Мирамондѣ, въ Селимѣ и Дамасинѣ (знаетъ ли ихъ читатель?) однимъ словомъ, во всѣхъ романахъ желтаго шкапа, Герои и Героини, не смотря на многочисленныя искушенїя рока, остаются добродѣтельными; всѣ злодѣи описываются самыми черными красками; первые наконецъ торжествуютъ, послѣднїе наконецъ какъ прахъ исчезаютъ. Въ нѣжной Леоновой душѣ непримѣтнымъ образомъ, но буквами незагладимыми, начерталось слѣдствїе: „и такъ любезность и добродѣ„тель одно! и такъ зло безобразно и гну„сно! и такъ добродѣтельный всегда по„бѣждаетъ, а злодѣй гибнетъ!“ Сколь же такое чувство спасительно въ жизни, какою твердою опорою служитъ оно для доброй нравственности, нѣтъ нужды доказывать. Ахъ! Леонъ въ совершенныхъ лѣтахъ часто увидитъ противное, но сердце его не разстанется съ своею утѣшительною моралью; вопреки самой очевидности онъ скажетъ: „нѣтъ, нѣтъ! торжество порока есть обманъ и призракъ!“

Нѣтъ, нѣтъ! не буду ослѣпленъ
Симъ блескомъ, сколь онъ ни прекрасенъ!

Драконъ на время усыпленъ,
Но самый сонъ его ужасенъ!
Злодѣй на Этнѣ строитъ домъ,
И пепелъ подъ его ногами;
(Тама лава устлана цвѣтами,
И въ тишинѣ таится громъ).
Пусть онъ не знаетъ угрызенья!
Онъ не достоинъ знать его.
Безчувственность есть адъ того,
Кто зло творитъ безъ сожалѣнья!

Съ какимъ живымъ удовольствїемъ маленькой нашъ Герой, въ шесть или семь часовъ лѣтняго утра, поцѣловавъ руку у своего отца, спѣшилъ съ книгою на высокой берегъ Волги, въ орѣховые кусточки, подъ сѣнь древняго дуба! Тамъ, въ бѣленькомъ своемъ камзольчикѣ бросаясь на зелень, среди полевыхъ цвѣтовъ самъ онъ казался прекраснѣйшимъ, одушевленнымъ цвѣтомъ. Русые волосы, мягкїе какъ шелкъ, развѣвались вѣтеркомъ по розамъ милаго личика. Шляпка служила ему столикомъ: на нее клалъ онъ книгу свою, одною рукою подпирая голову, а другою перевертывая листы, въ слѣдъ за большими, голубыми глазами, которые летѣли съ одной страницы на другую, и въ которыхъ, какъ въ ясномъ зеркалѣ, изображались всѣ страсти, худо или хорошо описываемыя въ романѣ:

удивленіе, радость, страхъ, сожалѣніе, горесть. Иногда, оставляя лиру, смотрѣлъ онъ на синее пространство Волги, на бѣлые парусы судовъ и лодокъ, на станицы рыболововъ, которые изъ-подъ облаковъ дерзко опускаются въ пѣну волнъ, и въ то же мгновеніе снова парятъ въ воздухѣ. — Сія картина такъ сильно впечатлѣлась въ его юной душѣ, что онъ черезъ двадцать лѣтъ послѣ того, въ кипѣніи страстей, въ пламенной дѣятельности сердца, не могъ безъ особливаго, радостнаго движенія видѣть большой рѣки, плывущихъ судовъ, летающихъ рыболововъ: Волга, родина и безпечная юность тотчасъ представлялись его воображенію, трогали душу, извлекали слезы. Кто не испыталъ нѣжной силы подобныхъ воспоминаній, тотъ не знаетъ весьма сладкаго чувства. Родина, Апрѣль жизни, первые цвѣты весны душевной! какъ вы милы всякому, кто рожденъ съ любезною склонностію къ меланхоліи!

Глава VII.

Провидѣніе.

Въ сіе же лѣто Леоново сердце вкусило живое чувство Мірправителя, при такомъ случаѣ, о которомъ онъ п...

во всю жизнь свою не могъ воспоминать равнодушно. Идея о Божествѣ была одною изъ первыхъ идей его. Нѣжная родительница наилучшимъ образомъ старалась утвердить ее въ душѣ Леона. Срывая для него весенній луговой цвѣтокъ или садовый лѣтній плодъ, она всегда говорила: „Богъ даетъ намъ цвѣты, Богъ даетъ намъ плоды!“ — *Богъ!* повторилъ однажды любопытный младенецъ: *кто Онъ, маменька?* — „Небесный Отецъ всѣхъ людей, Который ихъ питаетъ и дѣлаетъ имъ всякое добро; Который далъ мнѣ тебя, а тебѣ меня.“ — *Тебя, милая? Какой же Онъ доброй! Я стану всегда любить Его!* — „Люби, и молись Ему всякой день.“ — *Какъ же Ему молиться?* — „Говори: Боже! будь къ намъ милостивъ!“ — *Стану, стану, милая!* . . . Леонъ съ того времени всегда молился Богу. Ахъ! онъ молился Ему со слезами въ болѣзнь родительницы своей! Но судьбы Вышняго неисповѣдимы. — Такова была Религія нашего Героя до сего лѣта и до случая, который теперь описать желаю.

Въ одинъ жаркой день онъ, по своему обыкновенію, читалъ книгу подъ сѣнію древняго дуба; старикъ дядька сидѣлъ на травѣ въ десяти шагахъ отъ него. Вдругъ нашла туча, и солнце за-

крылось черными парами. Дядька звалъ домой Леона. „Погоди," отвѣчалъ онъ, не спуская глазъ съ книги. Блеснула молнїя, загремѣлъ громъ, пошелъ дожжикъ. Старикъ непремѣнно хотѣлъ итти домой. Леонъ завернулъ книгу въ платокъ, всталъ и посмотрѣлъ на бурное небо. Гроза усиливалась: онъ любовался блескомъ молнїи, и шелъ тихо, безъ всякаго страха. Вдругъ изъ густаго лѣсу выбѣжалъ медвѣдь, и прямо бросился на Леона. Дядька не могъ даже и закричать отъ ужаса. Двадцать шаговъ отдѣляютъ нашего маленькаго друга отъ неизбѣжной смерти: онъ задумался, и не видитъ опасности; еще секунда, двѣ — и нещастный будетъ жертвою яростнаго звѣря. Грянулъ страшный громъ . . . какого Леонъ никогда не слыхивалъ; казалось, что небо надъ нимъ обрушилось, и что молнїя обвилась вокругъ головы его. Онъ закрылъ глаза, упалъ на колѣни и только могъ сказать: „Господи!" черезъ полминуты взглянулъ — и видитъ передъ собою убитаго громомъ медвѣдя. Дядька насилу могъ образумиться и сказать ему, какимъ чудеснымъ образомъ Богъ спасъ его. Леонъ стоялъ все еще на колѣняхъ, дрожалъ отъ страха и дѣйствїя электрической силы; наконецъ устремилъ глаза

на небо, и не смотря на черныя густыя тучи, онъ видѣлъ, чувствовалъ тамъ присутствіе Бога-спасителя. Слезы его лились градомъ; онъ молился во глубинѣ души своей, съ пламенною ревностію, необыкновенною во младенцѣ; и молитва его была . . . благодарность! — Леонъ не будетъ уже никогда атеистомъ, естьли прочитаетъ и Спинозу и Гоббеса и *Систему Натуры*.

Читатель! вѣрь или не вѣрь: но этотъ случай не выдумка. Я превратилъ бы медвѣдя въ благороднѣйшаго льва или тигра, естьли бы они . . . были у насъ въ Россіи.

Глава VIII.

Братское общество провинціальныхъ дворянъ.

Знаю, что все идетъ къ лучшему; знаю выгоды нашего времени и радуюсь успѣхамъ просвѣщенія въ Россіи; однакожъ съ удовольствіемъ обращаю взоръ и на тѣ времена, когда наши дворяне, взявъ отставку, возвращались на свою родину съ тѣмъ, чтобы уже никогда не разставаться съ ея мирными Пенатами; рѣдко заглядывали въ городъ; доживали вѣкъ

свой на свободѣ и въ безпечности; правда, иногда скучали въ уединенiи, но за то умѣли и веселиться при случаѣ, когда съѣзжались вмѣстѣ. Ошибаюсь ли? но мнѣ кажется, что въ нихъ было много характернаго, особеннаго, оригинальнаго — чего теперь мы уже не найдемъ въ провинцiяхъ, и что по крайней мѣрѣ занимательно для воображенiя. — Просвѣщенiе сближаетъ свойства народовъ и людей, равняя ихъ какъ дерева въ саду регулярномъ.

Капитанъ Радушинъ, отецъ Леоновъ, любилъ угощать добрыхъ прiятелей, чѣмъ Богъ послалъ. Сынъ всякой разъ съ великимъ удовольствiемъ бѣжалъ сказать ему: „батюшка! ѣдутъ гости!“ а Капитанъ нашъ отвѣчалъ: „добро пожаловать!“ надѣвалъ круглой парикъ свой и шелъ къ нимъ на встрѣчу съ лицомъ веселымъ. Способъ наскучить людьми есть быть съ ними безпрестанно; способъ живо наслаждаться ихъ обществомъ есть видѣться съ ними изрѣдка. Провинцiялы наши не могли наговориться другъ съ другомъ; не знали, что за звѣрь Политика и Литература, а разсуждали, спорили и шумѣли. Деревенское хозяйство, охота, извѣстныя тяжбы въ Губернiи, анекдоты старины, служили богатою матерiею

для разсказовъ и примѣчаній. . . Ахъ! давно уже смерть и время бросили на васъ темный покровъ забвенія, витязи С* *скаго уѣзда, вѣрные друзья Капитана Радушина! Лебрюнъ и Лампи не сохранили для насъ вашего образа; но я не даромъ Авторъ Леоновой исторіи; зеркало памяти моей ясно. Какъ теперь смотрю на тебя, заслуженный Маіоръ Ѳадей Громиловъ, въ черномъ большомъ парикѣ, зимою и лѣтомъ въ малиновомъ бархатномъ камзолѣ, съ кортикомъ на бедрѣ и въ желтыхъ Татарскихъ сапогахъ; слышу, слышу, какъ ты, не привыкнувъ ходить на цыпкахъ въ комнатахъ знатныхъ господъ, стучишь ногами еще за двѣ горницы и подаешь о себѣ вѣсть издали громкимъ своимъ голосомъ, которому нѣкогда рота Ландмилиціи повиновалась, и который въ яркихъ звукахъ своихъ не рѣдко ужасалъ дурныхъ Воеводъ провинціи! Вижу и тебя, сѣдовласый Ротмистръ Буриловъ, простреленный насквозь Башкирскою стрѣлою на степяхъ Уфимскихъ; слабый ногами, но твердый душею; ходившій на клюкахъ, но сильно махавшій ими, когда надлежало тебѣ представить живо или ударъ твоего эскадрона или омерзѣніе свое къ безчестному дѣлу какого нибудь

недостойнаго дворянина въ вашемъ уѣздѣ! Гляжу и на важную осанку твою, бывшій Воеводскій товарищъ Прямодушинъ, и на орлиный носъ твой, за который не могъ водить тебя Секретарь провинціи, ибо совѣсть умнѣе крючкотворства; вижу, какъ ты, разсказывая о Биронѣ и Тайной Канцеляріи, опираешься на длинную трость съ серебрянымъ набалдашникомъ, которую подарилъ тебѣ Фельдмаршалъ Минихъ. . . . вижу всѣхъ васъ, достойные матадоры провинціи, которыхъ бесѣда имѣла вліяніе на характеръ моего Героя; и чтобы представить разительно все благородство сердецъ вашихъ, сообщаю здѣсь условія, заключенныя вами между собою въ домѣ отца Леонова, и написанныя рукою Прямодушина. . .

Договоръ братскаго общества.

„Мы нижеподписавшіеся клянемся „честію благородныхъ людей жить и умереть братьями, стоять другъ за друга горою во всякомъ случаѣ, не жалѣть „ни трудовъ, ни денегъ для услугъ взаимныхъ, поступать всегда единодушно, „наблюдать общую пользу дворянства, „вступаться за притѣсненныхъ и помнить Руską пословицу: *тотъ дворянинъ, кто за многихъ одинъ*; не бояться

„ни знатныхъ, ни сильныхъ, а только „Бога и Государя; смѣло говорить пра„вду Губернаторамъ и Воеводамъ; нико„гда не быть ихъ прихлебателями, и не „такать противъ совѣсти. А кто изъ насъ „не сдержитъ своей клятвы, тому будетъ „стыдно, и того выключить изъ братскаго „общества.“ — Слѣдуетъ восемь именъ.

Хотя тайная Хроника говоритъ мнѣ на ухо, что сей дружеской союзъ нашихъ дворянъ заключенъ былъ въ день Леонова рожденія, которое отецъ всегда праздновалъ съ великимъ усердіемъ и съ отмѣнною роскошью (такъ, что посылалъ въ городъ даже за свѣжими лимонами); хотя читатель догадается, что въ такой веселой день, особливо къ вечеру, хозяинъ и гости не могли быть въ обыкновенномъ расположеніи ума и сердца; хотя

Въ восторгахъ Бахуса намъ море по колѣно,
И съ рюмкою въ рукѣ мы всѣ богатыри;

однакожь Исторія, которая лжетъ только изъ году въ годъ (первое Апрѣля и еще 29 Февраля), увѣряетъ, что они, проснувшись на другой день, снова читали трактатъ свой, снова утвердили его и (что не всегда дѣлаютъ и великія Державы Европейскія) старались исполнить во всей точности. Одна смерть разрушила и Ъ братскую связь. . . . Здѣсь хочется мнѣ

заглянуть впередъ. Долго еще ждать времени; а можетъ быть тогда, въ богатствѣ случаевъ, и забуду сїю любезную черту. И такъ скажу. . . Когда Судьба, нѣсколько времени игравъ Леономъ въ большомъ свѣтѣ, бросила его опять на родину, онъ нашелъ Маїора Громилова сидящаго надъ больнымъ Прямодушинымъ, который лежалъ въ параличѣ и даже не владѣлъ руками — (всѣ прочїе друзья ихъ были уже на томъ свѣтѣ). Громиловъ кормилъ больнаго изъ рукъ своихъ, плакалъ горько и сказалъ Леону: *тошно, тошно быть сиротою на старости!* . . . Добрые люди! миръ вашему праху! Пусть другїе называютъ васъ дикарями: Леонъ въ дѣтствѣ слушалъ съ удовольствїемъ вашу бесѣду словохотную, отъ васъ заимствовалъ Руское дружелюбїе, отъ васъ набрался духу Рускаго и благородной дворянской гордости, которой онъ послѣ не находилъ даже и въ знатныхъ боярахъ: ибо спесь и высокомѣрїе не замѣняютъ ее; ибо гордость дворянская есть чувство своего достоинства, которое удаляетъ человѣка отъ подлости и дѣлъ презрительныхъ. — Добрые старики! миръ вашему праху! *П. Ф.*

(*Продолженїе впредь.*)

IV.

СМѢСЬ.

Давидъ Юмъ, славной Англійской Историкъ и Философъ, жилъ въ Эдинбургѣ. Однажды, переходя черезъ болотное мѣсто по узенькой доскѣ, Философъ нашъ обступился и упалъ въ тину. На крикъ его прибѣжала старая женщина; но какъ же испугался бѣдной Юмъ, когда она, посмотрѣвъ на него, хотѣла бѣжать прочь, говоря: *ахъ! это онъ! это безбожникъ Юмъ!* . . . . „Нѣтъ, нѣтъ!“ закричалъ Философъ, сидя по уши въ тинѣ: „я не безбожникъ! добрая старушка! не вѣрь злословію: я Христіянинъ, Христіянинъ!“ — Когда такъ, отвѣчала она, то прочитай наизусть *Вѣрую во Единаго!* — Юмъ началъ, и къ щастію не ошибся ни въ одномъ словѣ. Старушка успокоилась, и сказавъ: *теперь вижу, что меня обманули, и что ты доброй человѣкъ*, вытащила его изъ болота.

На одного Англичанина донесли, что онъ женатъ на двухъ женахъ: преступленіе, которое по Англійскимъ законамъ очень строго наказывается. Въ продолженіе суда явилась еще третья жена; а тамъ и четвертая. „Нещастный!“ ска-

залъ ему главный судья: „долго ли тебѣ жениться?“ — *Пока найду хорошую жену*, отвѣчалъ судимый.

Давно уже шутятъ надъ Докторами, которые, въ отмщеніе за то, не рѣдко шутятъ надъ больными. Медики и женщины имѣютъ одну участь: мы бранимъ ихъ, и не умѣемъ безъ нихъ жить. Заглянувъ по случаю въ избранныя стихотворенія Нидерландскихъ Поэтовъ, нашелъ я тамъ слѣдующій анекдотъ. Николай Грудіусъ, стихотворецъ, занемогъ опасною болѣзнію. Докторъ, другъ его, прибѣжалъ къ нему и началъ его бранить за то, что онъ не далъ ему знать о своей болѣзни. Грудіусъ задумался — спросилъ карандашъ — написалъ дрожащею рукою два стиха:

Я для того, мой другъ, тебя не призывалъ,
Что завѣщанія еще не подписалъ —

и въ ту же минуту умеръ.

Турецкой анекдотъ.

Эшекъ дайма эшекъ дуръ.
Оселъ всегда оселъ.

Одинъ портной имѣлъ привычку красть что нибудь отъ всякой матерія.

которую давали ему на кафтаны. Однажды приснилось ему, что онъ стоитъ на страшномъ судѣ, и что Ангелъ показываетъ ему ужасной величины знамя, сшитое изо всѣхъ украденныхъ имъ лоскутовъ. Этотъ сонъ чрезвычайно испугалъ его; и на другой день, разсказавъ его ученикамъ своимъ, онъ клялся быть съ того времени честнымъ портнымъ; „но естьли, примолвилъ, я забудусь и по старой привычкѣ опять что нибудь украду, то ради Аллы напомните мнѣ знамя!" Черезъ нѣсколько дней портной въ самомъ дѣлѣ забылъ сонъ, и отрѣзалъ для себя большой лоскутъ сукна. „А знамя, мастеръ Абдулъ?" сказали ему ученики. *Тише, тише!* отвѣчалъ онъ: *я вспомнилъ, что этова лоскута на немъ не было!*

Сочинители Парижской Декады, объявляя о переведенной съ Англійскаго языка *Флорѣ для нѣжнаго пола*, говорятъ: „Ботаника есть въ самомъ дѣлѣ пристойная для женщинъ наука, имѣя въ „себѣ нѣчто кроткое и сердцу милое; „она требуетъ тонкости наблюденій и „вѣрнаго, разборчиваго взора, которымъ „женщины справедливо славятся. Полезно, „и для самой нравственности благо-

„дѣтельно пріучить ихъ, въ самой цвѣту-
„щей юности, къ тихимъ упражненіямъ
„сей науки и къ пріятнымъ, уединен-
„нымъ прогулкамъ, которыя могли бы
„укрѣпить ихъ здоровье, оживить пре-
„лести, обогатить разумъ и питать
„душу нѣжными впечатлѣніями. Такое
„занятіе полезнѣе чтенія глупыхъ рома-
„новъ и вѣтреныхъ забавъ, которыя ниче-
„го пріятнаго не оставляютъ въ сердцѣ."

ПОЛИТИКА.

I.

Исторія Англійскаго Министерства съ 1788 году.

Господинъ Питтъ уже четыре года отправлялъ должность Министра съ равнымъ успѣхомъ внутри и внѣ государства, какъ вдругъ, въ концѣ 1788 году, горестный случай привелъ его въ опасное затрудненіе, бывшее предтечею многихъ другихъ, которыя надлежало ему побѣдить славно. Георгъ III занемогъ и сдѣлался неспособнымъ къ дѣламъ. Сіе обстоятельство возобновило споръ, который начался между Питтомъ и его противниками въ 1783 году и кончился въ Мартѣ 1784 паденіемъ Г. Фокса. Парламенты собрались сами собою 20 Ноября 1788 году, безъ Королевскаго повелѣнія; открыли свои засѣданія безъ Депутатовъ Короны, и были въ самомъ дѣлѣ истиннымъ Конвентомъ, подобнымъ тому, который собирался въ 1688 году во время побѣга Іакова II и пришествія Вильгельма III. Парламенты не думали заниматься обыкновенными дѣлами, но стали немедленно

разсуждать о слѣдующемъ: „можетъ ли въ настоящихъ обстоятельствахъ Принцъ Валлисскій быть законнымъ Регентомъ Великобританніи? и на какихъ условіяхъ? съ какими правами? Питтъ и другіе Члены правленія останутся ли Министрами? или друзья Фоксовы и Герцога Портланда займутъ ихъ мѣста?"

Вся нація, вся Европа устремила вниманіе на сію великую сцену политическаго волненія, котораго слѣдствія еще болѣе утвердили власть Питтову. Фоксъ объявилъ въ Сенатѣ Британскомъ, что въ случаѣ естественной неспособности Короля законный наслѣдникъ имѣетъ неоспоримое право быть Регентомъ. Питтъ не устрашился сказать, что такая мысль есть *государственная измѣна*; что наслѣдникъ трона въ сихъ чрезвычайныхъ обстоятельствахъ равенъ съ подданными и не имѣетъ никакого права на власть исполнительную; что власти законодательныя, Парламенты, должны именемъ народа взять спасительныя, лучшія мѣры. Съ обѣихъ сторонъ спорили съ великимъ жаромъ. Герцогъ Йоркской и Комберландской были начальниками партіи Принца Валлисскаго. Мнѣніе Господина Питта утверждалось всѣми Министрами, ихъ Парламентскимъ вліяніемъ, многими зна-

менитыми людми и наконецъ добродѣтельною Королевою. Питтъ восторжествовалъ, и Парламентъ, слѣдуя его мнѣнїю, опредѣлилъ, что Валлисскїй Принцъ не есть рожденный Правитель государства; что только законодательная власть можетъ сдѣлать его Регентомъ, и что Парламентъ въ такомъ случаѣ выберетъ совѣтниковъ, которые вмѣстѣ съ нимъ, и сообразно съ Конституцїею, будутъ хранителями правъ Королевскихъ.

Медленное и торжественное теченїе сего дѣла ознаменовало въ Парламентахъ начало 1789 году. Они наименовали Принца Регентомъ; но Питтъ ограничилъ для него власть Королевскую: не далъ ему права жаловать въ Перы, опредѣлять пенсїи, — выбирать главныхъ государственныхъ Чиновниковъ и располагать Королевскими помѣстьями. Королева должна была имѣть попеченїе о супругѣ своемъ и могла раздавать мѣста при Дворѣ, по сношенїю съ Совѣтомъ, для нее избраннымъ. Напрасно противники Министровъ доказывали, что такое рѣшенїе оскорбительно для особы Принца Валлисскаго, для народа, самаго Парламента. Между тѣмъ, какъ главные города Англїи изъявляли за то благодарность законодательнымъ властямъ, многїе Лорды

въ Верхнемъ Парламентѣ утверждали, что такое ограниченїе власти Регента есть *грабежъ*, *разбой*, *убїйство*, уничтоженїе правъ Короны.

Генїй Англїи не дозволилъ исполнить сего рѣшенїя, которымъ столь многїе были недовольны, и которое имѣло свои великїя опасности. Самъ Питтъ хотѣлъ удалить сїю эпоху; старался только выиграть время, съ пользою употребленное для возстановленїя Георгова здоровья. Наконецъ, 10 Марта, Король торжественно объявилъ Парламентамъ, что онъ можетъ снова вступить въ правленїе — и такимъ образомъ кончилось сїе опасное боренїе для Англїйскаго Министерства. Питтъ, одержавъ побѣду надъ своими многочисленными и знаменитыми противниками, надъ самимъ Наслѣдникомъ трона, являлся во всемъ блескѣ славы и Королевской милости. Парламентъ, созванный въ его Министерство, отъ 1784 до 1790 году ни въ чемъ ему не отказывалъ; всѣ тогдашнїя политическїя явленїя Англїи были слѣдствїемъ Питтовой системы.

Въ новомъ Парламентѣ, который открылся въ Ноябрѣ 1790 году, онъ имѣлъ еще болѣе влїянїя и сдѣлалъ въ немъ друга своего Ораторомъ. Сей другъ — нынѣшнїй Министръ, Г. Аддингтонъ —

въ отправленіи своей должности скоро заслужилъ всеобщую похвалу; слава его раждалась, но онъ всегда съ величайшею скромностію занималъ блестящее свое мѣсто.

Сторона Министровъ усилилась еще весьма важнымъ пріобрѣтеніемъ; а именно, славный Эдмондъ Боркъ, послѣ Фокса первый Герой ея противниковъ, и во время болѣзни Короля оказавшій непоколебимую твердость, въ 1791 году присталъ къ Министрамъ. Онъ въ Парламентѣ жарко спорилъ съ Фоксомъ о Французской Революціи, и торжественно объявилъ, что отказывается отъ прежнихъ друзей своихъ. Фоксъ съ трогательнымъ краснорѣчіемъ изъявлялъ сожалѣніе, и говорилъ со слезами, что ему горестно разорвать двадцатилѣтнюю дружбу; но Боркъ не смягчился, и съ жестокостію повторилъ, что навсегда оставляетъ такъ называемую *Оппозицію*. Министры не только пріобрѣли важнаго защитника, но и нашли хитрый способъ обезоружить Фокса, безпрестанно открывая въ рѣчахъ его мнимое Якобинство, такъ, что сей бывшій Министръ долженъ былъ наконецъ отказаться отъ великихъ своихъ намѣреній.

Лордъ Нортъ, виновникъ нещастной Американской войны, умеръ въ Августѣ

1792 году; то есть въ самое бурное время Французской Революціи. Въ послѣдніе годы жизни своей онъ уже мало занимался дѣлами; но смерть его достойна примѣчанія тѣмъ, что она соединила Нортову партію съ Фоксовою, которыя ссорились между собою во время Американской войны. Будучи совсѣмъ несогласнаго образа мыслей, онѣ условились единодушно дѣйствовать противъ Министровъ. Но когда въ 1793 году Революція открыла свои ужасы и кровь полилась рѣкою во Франціи, тогда друзья Нортовы оставили Фокса и пристали къ Министрамъ. *Оппозиція*, потерявъ важнѣйшихъ членовъ своихъ, состояла только изъ вѣрныхъ друзей Фоксовыхъ, имѣла въ Нижнемъ Парламентѣ не болѣе пятидесяти голосовъ, а въ Верхнемъ шесть или семь. Г. Питтъ въ десятый годъ своего Министерства увидѣлъ себя окруженнаго тѣми, которые нѣкогда были злѣйшими его врагами. Онъ старался еще болѣе привязать ихъ къ себѣ благодѣяніями. Лордъ Лоборо, ревностный другъ Нортовъ, былъ сдѣланъ Великимъ Канцлеромъ, когда Лордъ Торло отказался отъ сего мѣста, имѣя неудовольствіе на Питта. Герцогъ Портландъ съ самаго начала войны съ Франціею присталъ также къ Министрамъ, и за то не только самъ

получилъ мѣсто Государственнаго Секретаря внутреннихъ дѣлъ, но и всѣ друзья его вошли въ Министерство: Графъ Фицъ-Виллїамъ сдѣлался Президентомъ Совѣта, Графъ Спенсеръ Тайнымъ Канцлеромъ, а Виндамъ Секретаремъ военнымъ. Въ слѣдующїй годъ произошла нѣкоторая перемѣна въ Министерствѣ. Графъ Чатамъ, старшїй Питтовъ братъ, уступилъ мѣсто Лорда Адмиралтейства Спенсеру, который отдалъ ему въ замѣну тайную печать свою; а Графъ Фицъ-Виллїамъ былъ пожалованъ въ Ирландскїе Намѣстники, уступивъ Президентство Совѣта Графу Мансфильду. Не исполнивъ въ Дублинѣ предписанїй Королевскихъ, онъ лишился своего мѣста и сталъ противникомъ Министерства. Въ 1796 году Король распустилъ сей достопамятный Парламентъ, въ которомъ властвовалъ Питтъ, и ничтожность *Оллозицїи* была безпримѣрна.

Въ началѣ 1797 году друзья Фоксовы хотѣли воспользоваться замѣшательствомъ Банка, и подкрѣпляемые жалобами разныхъ городовъ, храбро наступили на Министровъ; но, не имѣвъ успѣха, вышли изъ Парламента: Герцогъ Бедфортъ, Фоксъ, Шериданъ, Грей, Тарлетонъ, Фицпатрикъ и еще 40 Членовъ, такъ,

что въ Оппозиціи осталось только 15 голосовъ. Тогда Ораторомъ ея сдѣлался Тирней, богатый владѣлецъ, другъ независимости и врагъ Питтовъ. Оскорбленный нѣкоторыми словами сего Министра, онъ въ 1798 году вызывалъ его на поединокъ, который однакожь не имѣлъ никакихъ слѣдствій. Между тѣмъ Фоксъ и друзья его оставались праздными зрителями; единственнымъ мѣстомъ собранія ихъ былъ Клубъ Независимыхъ. Герцогъ Портландъ велѣлъ вычернить имя свое и всѣхъ его родственниковъ въ спискѣ членовъ сего Клуба.

Питтъ, бывъ 17 лѣтъ первымъ Министромъ съ великою славою и не имѣя никакого извѣстнаго неудовольствія, вдругъ удалился отъ дѣлъ. Изъ десяти перемѣнъ Министерскихъ, бывшихъ въ царствованіе Георга III, ни которая такъ не удивляла, какъ сія, совершенно непонятная. Публика донынѣ не могла свѣдать, что заставило его выйти изъ Министровъ вмѣстѣ съ другими товарищами. Мѣсто ихъ заняли не враги (какъ прежде бывало), а друзья, одного образу мыслей съ ними; не система, а только люди перемѣнились. Питтъ увѣнчалъ славу свою тѣмъ, что, сложивъ съ себя званіе Министра, еще нѣсколько

недѣль отправлялъ его должность (за болѣзнію Короля), и сошелъ тихо съ великой, шумной сцены.

(*Изъ Фран. Вѣд.*)

II.

Таблица рѣшеній уголовныхъ судовъ во Франціи въ теченіе одного мѣсяца (*).

Всѣ Французскія уголовныя судилища въ теченіе мѣсяца рѣшили 800 дѣлъ, оправдали 403 человѣкъ, а осудили 732 за слѣдующія преступленія:

За злоумышленіе противъ Республики - - -	2 чел.
— дѣтоубійство - -	11
— убійство - - -	106
— отравленіе ядомъ - -	2
— убійство неумышленное - -	4
— бунтъ - - -	10
— зажигательство - -	11
— разбой - -	230
— домашнее воровство - -	15
— простое воровство и обманы -	99
— драку - - -	62

(*) Сія таблица есть барометръ преступленій въ нынѣшней Франціи.

За дѣланіе фальшивой монеты - 5 чел.
— распространеніе фальшивой монеты 21
— подложныя записи всякаго роду - 30
— лѣжное свидѣтельство - - 4
— утаенныя деньги - - 6
— взятки (*) - - - 1
— двуженство - - - 2
— насиліе - - - 4
— воровское банкрутство - - 1
— побѣгъ изъ-подъ стражи - - 9
— тайную лоттерею - - 1
— нарушеніе законовъ въ разсужденіи свободнаго богослуженія - 2
— нарушеніе другихъ законовъ - 5
— вывозъ запрещенныхъ товаровъ - 2
— ввозъ запрещенныхъ товаровъ - 9
— оставленіе младенца - - 1
— жизнь бродяги - - 31
— отбываніе отъ суда - - 1
— непристойные поступки въ разсужденіи начальства - - 4
— преступленіе законовъ въ разсужденіи лѣсовъ - - 21
— преступленіе законовъ въ разсужденіи охоты - - 2
— преступленіе сельскихъ уставовъ 16
— преступленіе законовъ благонравія 4

732

(*) Какъ мало!!

Изъ сихъ преступниковъ осуждено

на смерть	- -	103 чел.
— заключенiе	- -	219
— денежный штрафъ	- -	117
— ссылку	- - -	3
— цѣпи	- - -	290.

III.

Взятiе Серингапатама и смерть славнаго Типпо-Саиба, описанныя очевидцемъ, Англiйскимъ Маiоромъ Аллаиомъ (*).

Скоро по взятiи укрѣпленiй Серингапатама примѣтилъ я съ южнаго вала, что во дворцѣ собирались многiе люди, которые по одеждѣ и виду казались знатными; изъ чего можно было заключить, что, послѣ сраженiя на стѣнѣ, самъ Типпо-Саибъ заключился тамъ съ главными своими Офицерами.

Солдаты наши были въ крайней усталости, и требовали отдохновенiя прежде приступа къ укрѣпленному жилищу Султана, гдѣ мы ожидали сильнаго сопроти-

(*) Изъ Англ. Журнала. — Хотя Аллаиъ и не мастеръ писать, однакожь это извлеченiе изъ его извѣстiй о взятiи Серингапатама показалось мнѣ довольно любопытнымъ.

вленія отъ непріятеля. Однакожь я спѣшилъ сообщить свое примѣчаніе Генералу Берду, которой велѣлъ мнѣ съ двумя ротами итти ко дворцу и объявить Индѣйцамъ, что они для спасенія жизни своей должны немедленно сдаться. Привязавъ бѣлой платокъ къ спонтону, я пошелъ туда — увидѣлъ множество людей на бальконѣ и черезъ переводчика сказалъ имъ о требованіи Генерала. Ко мнѣ сошли съ террасы Килледаръ, знатной Чиновникъ, и другой придворной, которые были въ крайнемъ замѣшательствѣ, не могли ни на что рѣшиться, и по видимому надѣялись при наступленіи ночи спастись бѣгствомъ. Я доказывалъ имъ необходимость рѣшительнаго отвѣта, и вызвался самъ итти съ ними во дворецъ; они согласились. На террасѣ встрѣтилось намъ множество вооруженныхъ людей, которымъ я объявилъ, что бѣлое знамя есть знакъ мира въ рукѣ моей, естьли не будетъ сопротивленія; и чтобы ихъ еще болѣе успокоить, то отдалъ имъ мою шпагу. Килледаръ и другіе Индѣйцы увѣряли меня, что во дворцѣ одни дѣти Султановы, а его самого нѣтъ. Я подтвердилъ имъ, что всякая медленность можетъ имѣть гибельныя слѣдствія, и что наши солдаты нетерпѣливо желаютъ

взять приступомъ послѣднее ихъ убѣжище. Килледаръ скрылся, и во всемъ дворцѣ сдѣлалась превеликая тревога. Мы окружены были воинами Типпо-Саиба, которые смотрѣли на насъ не дружескими глазами. Товарищъ мой совѣтовалъ мнѣ взять назадъ шпагу; но я не хотѣлъ подать имъ ни малѣйшаго подозрѣнія. Между тѣмъ стоявшіе на террасѣ Индѣйцы просили меня держать знамя такъ, чтобы наши солдаты могли видѣть его и не приступали бы къ воротамъ. Я послалъ въ другой разъ сказать Принцамъ, чтобы они отвѣчали скорѣе, и что мнѣ нѣтъ времени ждать. Наконецъ они велѣли объявить, что меня позовутъ, какъ скоро будетъ готовъ коверъ въ ихъ комнатѣ. Черезъ минуту пришелъ за мною Килледаръ.

Я нашелъ двухъ Принцовъ, сидящихъ на коврѣ среди десяти или пятнадцати придворныхъ. Они просили меня сѣсть съ ними. Я зналъ одного изъ нихъ, Моица-Дина, которой вмѣстѣ съ другимъ братомъ былъ аманатомъ у Маркиза Корнваллиса. Нещастная перемѣна судьбы первыхъ Индѣйскихъ Принцовъ, ихъ горесть и ужасъ, напрасно ими скрываемый, тронули меня до глубины сердца. Я взялъ за руку Моица-Дина, которому Килле-

даръ и другїе оказывали отмѣнное уваженїе, и увѣрялъ его, что никто изъ нихъ не будетъ жаловаться на жестокосердїе Англичанъ, естьли онъ скажетъ, гдѣ отецъ его, котораго симъ однимъ способомъ можно было спасти отъ смерти. Моицъ-Динъ, поговоривъ съ своими друзьями, отвѣчалъ, что Султана нѣтъ во дворцѣ. Я просилъ его, чтобы онъ велѣлъ отворить ворота. Всѣ Индѣйцы пришли въ изумленїе отъ такого предложенїя, и Моицъ-Динъ никакъ не хотѣлъ сдѣлать того безъ дозволенїя Султана. Но я обѣщалъ имъ оставить во дворцѣ собственныхъ ихъ солдатъ, и только къ воротамъ приставить Англичанъ; увѣрялъ, что безъ моего позволенїя никто не войдетъ къ нимъ; что я немедленно возвращусь, и буду съ ними до прибытїя Генерала Берда. Наконецъ они согласились, и къ моему великому удовольствїю во всемъ положились на меня.

У воротъ встрѣтилъ я Генерала Берда, донесъ ему объ успѣхъ моего посольства, и возвратился во дворецъ, чтобы представить Генералу Типповыхъ дѣтей. Нещастные пошли со мною. Между тѣмъ начальникъ нашъ узналъ, что Типпо-Саибъ за нѣсколько дней передъ тѣмъ варварски умертвилъ всѣхъ Европейцовъ,

которые попались къ нему въ руки. Сїе извѣстїе, вмѣстѣ съ воспоминанїемъ его собственнаго долговременнаго плѣна въ стѣнахъ Серингапатама, крайне раздражило Г. Берда; но видъ бѣдныхъ Принцовъ тронулъ его; и Герой, которой въ часъ приступа не думалъ о жизни, доказалъ при семъ случаѣ нѣжную чувствительность своего сердца. Онъ принялъ ихъ со всѣми знаками уваженїя; повторилъ нѣсколько разъ, что они въ совершенной безопасности, и отправилъ ихъ въ главную квартиру. Наши полки, мимо которыхъ они шли, отдавали имъ честь.

Генералъ послалъ солдатъ во дворецъ, чтобы во внутреннихъ комнатахъ искать Типпо-Саиба. Стража Султанова была немедленно обезоружена. Мы приступали къ Килледару, чтобы онъ открылъ намъ, куда скрылся его Государь. Сей чиновникъ положилъ руки свои на ефесъ моей шпаги, и клялся, что Султана нѣтъ во дворцѣ; что онъ былъ раненъ во время приступа и лежитъ у сѣверныхъ воротъ крѣпости. Килледаръ вызвался вести насъ туда. Самъ Генералъ пошелъ за нимъ — и мы увидѣли тамъ болѣе ста труповъ, лежащихъ одинъ на другомъ. Ужасно было смотрѣть на нихъ, и темнота вечера мѣшала видѣть ихъ лицо. Но важныя

политическія обстоятельства требовали, чтобы мы увѣрились въ смерти Султановой, и Генералъ велѣлъ зажечь факелы. Долго искалъ Киллеларъ, и не находилъ. Наконецъ подъ носилками Типпо-Саиба увидѣли мы раненаго человѣка; узнали, что это Рая Канъ, первой любимецъ Султана, и спросили у него, гдѣ его Государь. Онъ указалъ намъ мѣсто, и Киллеларъ тотчасъ узналъ трупъ нещастнаго Типпо-Саиба. Мы положили его на носилки, и отнесли во дворецъ, гдѣ всѣ евнухи и придворные увѣряли единогласно, что это Султанъ.

Когда его подняли съ земли, онъ еще не закрывалъ глазъ и нѣсколько минутъ сохранялъ въ себѣ теплоту; но скоро пульсъ и сердце перестали биться. Онъ былъ раненъ въ високъ и еще въ трехъ мѣстахъ; пуля вошла въ голову повыше праваго уха, и остановилась въ щекѣ. На немъ были шаравары изъ бумажной цвѣтной матеріи и короткое бѣлое, полотняное полукафтанье, подпоясанное шелковымъ краснымъ кушакомъ; черезъ плечо, на тесмѣ, висѣлъ прекрасной кошелекъ. Тюрбанъ спалъ съ головы его во время сраженія. На рукѣ носилъ онъ *амуметъ* или талисманъ, безъ всякихъ другихъ украшеній.

Типпо-Саибъ былъ низкаго росту, широкъ плечами и толстъ въ туловищѣ, но въ рукахъ и ногахъ очень худъ. Большїе глаза его сїяли огнемъ; брови были тонкїе, дугою; носъ орлиной; цвѣтъ лица смуглой, а осанка величественная и видъ грозной.

IV.

Смѣсь.

Въ Гамбургскихъ Вѣдомостяхъ пишутъ слѣдующее: „Россїйская Американская Компанїя ревностно печется о распространенїи сей торговли (которая со временемъ будетъ для Россїи весьма полезна) и теперь занимается великимъ предпрїятїемъ, важнымъ не только для коммерцїи, но и для чести Рускаго народа. А именно, она снаряжаетъ два корабля, которые нагрузятся въ Петербургѣ съѣстными припасами, якорями, канатами, парусами и проч., и должны плыть къ сѣверозападнымъ берегамъ Америки (черезъ южной океанъ, мимо южнаго Американскаго мыса), чтобы снабдить сими потребностями Рускїя колонїи на Алеутскихъ островахъ, на-

грузиться тамъ мѣхами, обмѣнять ихъ въ Китаѣ на товары его, завести на Урупѣ, одномъ изъ Курильскихъ островов, колонїи для удобнѣйшей торговли съ Японом, итти оттуда къ мысу Доброй Надежды и возвратиться въ Европу. На сихъ корабляхъ будутъ только Рускїе. Императоръ, одобривъ планъ, приказалъ выбрать лучшихъ флотскихъ Офицеровъ и матрозовъ для успѣха сей экспедицїи, которая будетъ *первымъ путешествїемъ Рускихъ вокругъ свѣта.* Начальство поручается Господину Крузенштерну, весьма искусному Офицеру, которой долго былъ въ Остиндїи. Для заведенїя колонїи на Урупѣ общество наняло въ Петербургѣ одного Англичанина на три года, съ жалованьемъ по 15000 рублей въ годъ, сверхъ двадцати тысячь, которыя дадутся ему въ награжденїе за успѣхъ. Онъ будетъ строить тамъ корабли. Прежде всѣ нужные матерїалы возили туда сухимъ путемъ съ чрезмѣрными издержками. Чтобы не потерять времени, сїи два корабля будутъ куплены въ Гамбургѣ, и выдутъ изъ Петербурга въ Октябрѣ мѣсяцѣ. "

Славный Берлинскій Астрономъ Боде объявляетъ въ Газетахъ, что никто изъ Астрономовъ не предсказывалъ явленія Кометы въ опредѣленный день будущаго мѣсяца; и что они ни мало не думали стращать людей опасностями, будто бы соединенными съ симъ явленіемъ. Въ наше время всякой любопытной легко можетъ пріобрѣсти нужныя свѣдѣнія о зданіи міра, которыя не дозволяютъ вѣрить такимъ нелѣпымъ слухамъ, выдумкѣ невѣждъ и глупцевъ.

Г. Оливаріусъ, Кильскій Профессоръ, Издатель Журнала le Nord littéraire, желаетъ, чтобы слѣдующее его объявленіе было напечатано въ Вѣстникѣ:

Archives générales du Nord.

C'est sous ce titre que paraîtra, au 1er Janvier 1803, un journal rédigé par l'auteur du *Nord littéraire, physique, politique et moral* (le Professeur *Olivarius*), qui s'engage à publier un cahier toutes les six semaines, ou huit cahiers par an, moyennant le prix d'abonnement de 20 liv. pour le midi de l'Europe, et de 4 écus, argent courant de Hambourg, pour le nord.

Dans le dessein de remplir toute l'étendue du titre qu'il a adopté, le redacteur mettra à contribution non seulement toute l'Allemagne, le Dannemarc, la Suede et l'empire de Russie, mais encore la Hollande et la Grande-Bretagne.

Le plan des *Archives* &c. est le même que celui du *Nord littéraire* &c.; plan qui a obtenu le suffrage des littérateurs éclairés comme celui des simples amis des sciences et des arts. Le nouveau journal réunira, ainsi que le *Nord littéraire* &c. l'a toujours fait, au mérite de l'universalité des objets, celui d'une extrême exactitude dans les choses et de la plus scrupuleuse impartialité dans les jugemens. Un apperçu général de la situation politique des différens pays du nord terminera chaque numéro.

Cet ouvrage doit être considéré comme faisant suite au *Nord littéraire* &c., qu'on continuera régulièrement jusques à la dite époque du 1er Janvier prochain, où il sera remplacé par les *Archives générales du nord.*

On peut s'abonner chez *l'auteur à Kiel*, ainsi que chez les *principaux libraires* des grandes villes de l'Europe et de l'Amerique.

Г. Неккеръ издалъ новую книгу подъ титуломъ: *Послѣднія мысли о политическомъ и хозяйственномъ состояніи Франціи, предложенныя Французскому народу Гм. Неккеромъ.* — „Такъ, говоритъ

„Авторъ, сіи мысли суть *послѣднія*; „это слово отвѣтствуетъ моимъ лѣ- „тамъ и слабому здоровью. . . . Я дока- „зываю политическую неудобность сей „робкой смѣси Монархіи съ Республикою; „смѣси, въ которой нѣтъ ни велича- „ства первой, ни одушевленнаго движе- „нія второй. Я осмѣлился начертать „два плана: одинъ подъ именемъ наслѣд- „ственной умѣренной Монархіи, а вто- „рой подъ именемъ Республики, основан- „ной на законѣ возможнаго равенства. „Въ концѣ сообщаю нѣкоторыя мысли о „государственномъ хозяйствѣ, какъ для „нынѣшняго, такъ и для будущаго вре- „мени.“ — Эта книга вышла уже поз- дно: Конституція Франціи утверждена; и Парижскіе Журналисты, которые не могутъ терпѣть Неккера, будутъ только имѣть случай надъ нимъ по- смѣяться.

V.

Извѣстія и Замѣчанія.

Германія.

Ни въ какой землѣ нѣтъ теперь столь- ко движенія, какъ въ Германіи: марши войска, занятіе городовъ, перемѣна въ

политической судьбѣ ихъ, служатъ тамъ предметомъ общаго вниманія. Между тѣмъ, какъ Прусскія и Баварскія войска вступаютъ въ новыя владѣнія ихъ Государей, Австрійцы, какъ будто бы наскучивъ быть праздными зрителями сего явленія, также пришли въ движеніе и заняли Пассау, къ изумленію Французскаго и Прусскаго Министра въ Регенсбургѣ: ибо сей городъ, по заключенному условію въ Парижѣ, отданъ Курфирсту Баварскому.

Наконецъ общій *планъ вознагражденій*, который долженъ рѣшить и навсегда утвердить судьбу Нѣмецкой Имперіи, обнародованъ въ Парижѣ. Въ введеніи къ нему сказано, что „неисполненіе одного изъ важнѣйшихъ артикуловъ Люневильскаго мира оставляло „Германію и всю Европу въ безпокойной „неизвѣстности; что Его Величество, „Императоръ Россійскій, и Первый Консулъ согласились вступиться въ дѣла „Нѣмецкой Имперіи, сочинить общій „планъ и предложить его Чинамъ Имперскимъ, дабы произвести въ дѣйство то, чего Европа напрасно бы ожидала отъ рѣшенія Регенсбурскаго Сейма. Разсматривая сей планъ, всякой „увидитъ старанiе удалить отъ непо-

„средственнаго сообщенія двѣ Державы, „которыя чаще другихъ обагряли Европу „кровію, и которыя, заключивъ нынѣ „искренній союзъ дружества, желаютъ „предупредить всѣ случаи раздора. — „Сіе же правило заставило по возможно- „сти отдалить новыя пріобрѣтенія Ко- „роля Прусскаго отъ Франціи и Бата- „віи. Такимъ образомъ всѣ владѣнія Ав- „стріи соединяются; Домъ Баварскій сдѣ- „лался сильнѣе; а Пруссія, какъ и пре- „жде, составляетъ въ Германіи необходи- „мое основаніе равновѣсія. Второкласныя „вознагражденія опредѣлены также въ „сообразности съ общею пользою. Баден- „скій Домъ получаетъ болѣе другихъ, „для того, чтобы усилить округъ Шва- „біи, отдѣляющій сильныя Державы „Германіи отъ Франціи. Россія и Фран- „ція, принужденныя взять духовныя „владѣнія за основаніе удовлетвореній, „къ удовольствію своему могли сохра- „нить въ Имперіи одного духовнаго Кур- „фирста.“

Въ *Вѣстникѣ* уже было сказано, что получаетъ Король Прусскій и Курфирстъ Баварскій. Упомянемъ только о важнѣйшихъ удовлетвореніяхъ, чтобы не испугать Читателей нашихъ множествомъ

именъ, которыя безъ сомнѣнія не останутся въ ихъ памяти.

Бывшій Герцогъ Тосканскій получаетъ Зальцбургъ, Триденгъ, Брикенъ и часть Пассау; Герцогъ Моденскій Бризгау и Ортенау; бывшій Штатгальтеръ Фульду, Корвейское Епископство, Дортмундъ, Аббатство Веингартенское и нѣкоторыя другія; Маркграфъ Баденскій Епископство Констанцское, часть Шпеерскаго и Базельскаго, Манеймъ, Гейдельбергъ, часть Графства Лихтенбергскаго, Имперскіе города Оффенбургъ, Цель, Иберлингенъ, Биберахъ и проч. вмѣстѣ съ разными Аббатствами; Герцогъ Виртембергскій Эльвангенъ и города Имперскіе Веиль, Рейтлингенъ, Ротвеиль, Гаильбронъ, и проч; Ландграфъ Гессен-Дармштатскій Вестфалію, Линденфельсъ, Гернсгеймъ, часть Вормскаго Епископства и проч. За симъ слѣдуютъ вознагражденія менѣе важныя; никто не забытъ изъ самыхъ маленькихъ Князей Нѣмецкихъ, которые чего нибудь лишились отъ завоеваній Французскихъ; многіе должны помѣняться владѣніями для общей пользы и лучшей удобности; однимъ словомъ, сей планъ есть слѣдствіе безчисленныхъ соображеній, которыя требовали совершеннаго знанія Нѣмецкой

Имперіи, всѣхъ ея политическихъ отношеній и частныхъ выгодъ. Въ самомъ дѣлѣ однѣ сильныя и безпристрастныя Державы могли такимъ образомъ опредѣлить участи Князей Нѣмецкихъ, ко славѣ Россіи и Франціи, къ удовольствію Пруссіи и, можетъ быть, къ досадѣ Вѣнскаго Кабинета, которой въ семъ важномъ дѣлѣ не имѣлъ чести посредства, и который своими возраженіями безъ сомнѣнія не многому помѣшаетъ. — Духовнымъ Курфирстомъ долженъ остаться Маинцкій; столица его будетъ въ Регенсбургѣ; изъ прежнихъ владѣній своихъ онъ сохраняетъ Ашаффенбургъ, и съ новыхъ пріобрѣтеній, разныхъ Аббатствъ, получитъ доходу милліонъ флориновъ. Маргграфъ Баденскій, Герцогъ Виртембергскій и Ландграфъ Гессен-Кассельскій будутъ Курфирстами. Епископство Оснабрикское отдается Курфирсту Ганноверскому, т е. Королю Англійскому, за то, чтобы онъ отказался отъ своихъ правъ на Гильдесгеймъ, Корвей и Гекстеръ. Свободными Имперскими городами остаются Любекъ, Гамбургъ, Бременъ, Вецларъ, Франкфуртъ, Нюрембергъ, Аугсбургъ и Регенсбургъ; они увольняются отъ всякаго участія

въ войнахъ, которыя можетъ имѣть Нѣмецкая Имперія.

Парижъ отъ 20 Августа.

Въ самый день рожденія Наполеона, 15 Августа, праздновали въ Парижѣ утвержденіе его всегдашняго Консульства и новое образованіе Конституціи. Пушечный громъ, молебствіе въ соборѣ Богоматери, концерты, иллюминація, ознаменовали сей веселой день для Французовъ. Бонапарте въ теченіе его долженъ былъ выслушать болѣе двадцати поздравительныхъ рѣчей, отъ Депутатовъ Законодательнаго Корпуса, Трибуната, войска, главныхъ судилищъ и проч. Духовенство изъявило также свое усердіе, и многіе Епископы обнародовали *пасторскія увѣщанія*, въ которыхъ они толкуютъ народу благодѣянія великаго ихъ Консула. — Надобно также замѣтить, что ввечеру на соборной церкви сіяла буква V, въ знакъ того, что Бонапарте родился подъ созвѣздіемъ *дѣвы*, Vierge; но эта честь была несправедливо оказана сему созвѣздію: на другой день Астрономы Парижскіе объявили, что Бонапарте родился подъ знакомъ Льва. Стихотворцы написали множество остроумныхъ стиховъ на сію ошибку.

Въ *Монитёрѣ* напечатано вѣрное исчисленіе всѣхъ суммъ, которыя Алжирскій Дей въ 6 мѣсяцовъ собралъ съ разныхъ Европейскихъ Державъ: онѣ составляютъ около двухъ милліоновъ піастровъ. Видно, что Бонапарте твердо рѣшился унять сихъ разбойниковъ, ежегодно налагающихъ цѣпи на тысячи Европейцовъ и торгующихъ ими какъ.... Неграми! Европѣ стыдно откупаться деньгами отъ горсти Африканскихъ варваровъ, такъ, какъ нѣкогда Цари откупались отъ *Горнаго Старика* (le Vieux de la Montagne), столь извѣстнаго въ Исторіи среднихъ вѣковъ. Пишутъ, что изъ Тулона пошла эскадра къ берегамъ Африканскимъ. Султанъ, нынѣ ревностно желающій дружбы Французовъ, конечно не постоитъ за Алжирцовъ, не смотря на ихъ Магометанство. Ему теперь не до нихъ, а до себя. Слухи о мнимомъ раздѣлѣ Турецїи безъ сомнѣнія отдались и въ Константинополѣ и могли потревожить Диванъ, хотя ихъ вѣроятность исчезла послѣ отзыва Лорда Гакесбури и статьи напечатанной недавно въ *Монитёрѣ*, гдѣ сказано, что великія Державы не думаютъ нынѣ о завоеваніяхъ; что Франція для пользы своей должна блюсти цѣлость Оттоман-

скихъ владѣній; и что всѣ извѣстія о неустройствахъ въ Турецїи только отчасти справедливы. Какъ великодушны и незлопамятны Христїянскїя Державы! . . Французскїе Журналы снова называютъ Пасвана Оглу мятежникомъ; но между тѣмъ сей гордый Паша все еще спокойно царствуетъ въ Видинѣ, окруживъ себя блестящею гвардїею, и по видимому не боится Капитан-Паши, который столь медленно собирается вторично отвѣдать противъ него щастїя.

Бонапарте судитъ теперь малые Кантоны Швейцарїи съ большими; первые умоляютъ его, чтобы онъ позволилъ имъ составить особенную Республику, и доказываютъ несходство ихъ нравовъ съ обычаями другихъ Кантоновъ, говоря, что *въ случаѣ неудачнаго супружества разводъ остается единственнымъ спасенїемъ!* Ландманъ Рединръ есть душа и глава ихъ. Жаль, что такїе жестокїе властолюбцы имѣютъ влїянїе на судьбу сихъ добрыхъ, но простыхъ людей, которые столько вѣковъ жили щастливо въ союзѣ съ большими Кантонами, а теперь, слѣдуя внушенїю одного злобнаго эгоиста, требуютъ раздѣленїя!

Скоро Бонапарте переѣдетъ изъ скромнаго Мальмезона въ огромный Сен-Клу,

который можно назвать его *завоеваніемъ*. Извѣстно, какъ года за три передъ симъ онъ выгналъ оттуда Французскихъ законодателей революціонной школы, которые въ ярости своей кричали: à bas le Dictateur! hors de loi! Но завоеватель Египта, сказавъ: *и такъ они заставляютъ меня слѣдовать моей фортунѣ!* отважно ступилъ черезъ Рубиконъ. — Пишутъ, что и Версальскій дворецъ будетъ отдѣланъ для Консула. Братъ его Лудвигъ купилъ одинъ изъ великолѣпнѣйшихъ домовъ въ Парижѣ; другой братъ, Луціанъ, также. Министръ Шапталь далъ 200000 франковъ за извѣстный замокъ Шантлу Герцога Шуазёля. Республиканцы умѣютъ богатѣть! Массена какъ Лукуллъ живетъ въ пышномъ Рюэлѣ. Мюра и другіе Генералы сыплютъ деньгами. Надобно ли спрашивать, куда пошли контрибуціи, взятыя съ Италіи и Германіи?

Отечеству служу, карманы набивая;
Лишь только въ старину хвалились нищетой!

Парижъ отъ 23 Августа.

„Вчерашній день Бонапарте въ первый разъ предсѣдательствовалъ въ Сенатѣ. Онъ въ 11 часовъ выѣхалъ изъ Тюльери съ двумя Консулами. Передъ ними

ѣхали Министры, Государственные Совѣтники и Секретарь въ пяти каретахъ четвернями; а Бонапартіева карета была въ восемь лошадей. Адъютанты, Генералы и начальникъ дворца ѣхали впереди верхомъ; а за всякою каретою гусары. Войско стояло по улицамъ въ два ряда. Депутаты Сената вышли встрѣтить Консула у крыльца." *Изъ Франц. Журн.* — По сему можно судить о Консульской пышности!

Туссеня Лувертюра везутъ изъ Бреста въ Парижъ — для того, говорятъ насмѣшники, что Бонапарте намѣренъ пожаловать его въ придворные Арапы!

Славный Фоксъ въ Парижѣ. Онъ былъ въ спектаклѣ и сидѣлъ въ ложѣ противъ самаго Бонапарте. Они взглядывали другъ на друга!.. Вѣроятно, что Гражданинъ Фоксъ по Англійской своей гордости не захочетъ быть представленъ Гражданину Консулу.

Госпожа Бурдикъ, прежняя Маркиза д' Отремонъ, умерла скоропостижно. Она лучше всѣхъ другихъ женщинъ писала стихи во Франціи. Къ ней-то написалъ Вольтеръ: Chantez, aimez: Phaon fera fidele.

Лондонскія извѣстія не любопытны. — Въ трактатѣ Франціи съ Оттоманскою Портою, напечатанномъ въ Вѣдомостяхъ,

сказано, что всѣ прежнїе трактаты между ими возобновляются; что обѣ Державы возьмутъ мѣры для освобожденія морей отъ разбойниковъ, и что Французы должны имѣть свободное кораблеплаваніе на Черномъ морѣ. — Въ Дожи Лигурійской Республики избранъ Сенаторъ Дураццо. — Генералъ Ланъ, Французскїй Посланникъ въ Лиссабонѣ, разсердился на тамошнее Министерство и немедленно уѣхалъ. Причиною его неудовольствїя было, говорятъ, то, что Лиссабонская таможня дозволила себѣ осмотрѣть вещи, присланныя на имя сего Генерала. Онъ скучалъ своимъ мѣстомъ, которое могло ему казаться ссылкою, и воспользовался первымъ случаемъ неудовольствїя, чтобы оставить Португаллїю, къ изумленїю Принца Регента, а можетъ быть и самого Бонапарте. — Страшныя болѣзни все еще продолжаются въ Сен-Доминго, и двѣ трети Французской армїи сдѣлались ея жертвою. Туссень Лувертюръ отвезенъ въ Безансонскую крѣпость, съ однимъ слугою его, Негромъ. — Всѣ Англїйскїя газеты подвержены теперь строгой цензурѣ во Францїи. Лондонскїе Журналисты, послѣ грозной статьи *Монитёра*, такъ разбранили Консула, что онъ вышелъ изъ терпѣнїя.

ОШИБКИ ВЪ ПЕЧАТИ.

стран.	*строк.*	*напеч.*	*читай.*
97	8	изъснялъ	изъяснялъ
111	13	околодкѣ	околоткѣ
116	5	тамма лава	тамъ лава
143	24	объ успѣхъ	объ успѣхѣ

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ОКТЯБРЬ 1802.

№ 19.

ЛИТТЕРАТУРА и СМѢСЬ.

I.

Превращенія, или исторія мошки. Нравоучительная сказка.

Переводъ изъ Декады.

Я сидѣлъ ввечеру за столикомъ и хотѣлъ сочинять; но — что не рѣдко случается съ Авторами — у меня не было мыслей; напрасно ломалъ голову, нюхалъ табакъ, вертѣлся на креслахъ; разсердился на самого себя и пошелъ спать, въ надеждѣ, что сонъ освѣжитъ мое воображеніе.

Чего ждалъ, то и случилось; едва закрылъ глаза, и воображеніе представило мнѣ самый чудный сонъ. Прошу не требовать изъясненія: сны всегда темны и безпорядочны; въ нихъ вольнодумецъ не рѣдко бываетъ набожнымъ,

и шотъ, кто ничему не вѣритъ, съ закрытыми глазами вѣритъ самымъ нелѣпостямъ.

Мнѣ привидѣлось, что я все еще сижу за своимъ столикомъ, ищу мыслей, и не нахожу ихъ — какъ вдругъ говорятъ мнѣ тихо и нѣжно: „возьми перо, „и пиши, что скажу тебѣ.“ . . . Я осмотрѣлся вокругъ себя, и не видя никого, вообразилъ, что сей невидимка есть или мой Геній или самъ Аполлонъ; схватилъ перо и написалъ подъ диктатурою слѣдующее:

„Я былъ сынъ богатаго сельскаго дворянина, и страстной охотникъ до собакъ; отъ утра до вечера травилъ зайцовъ и скакалъ безъ памяти по оврагамъ. Однажды лошадь моя споткнулась: я ударился головою объ пень, и въ туже секунду . . . умеръ! . . Продолжай; исторія моя только начинается.

„Вообрази мое удивленіе, когда я, снова открывъ глаза, увидѣлъ себя зайцемъ! Первыя минуты сего новаго бытія веселили меня. „Лучше быть живымъ зайцемъ, нежели мертвымъ человѣкомъ,“ думалъ я, и прыгалъ отъ радости; но скоро ужасъ заступилъ ея мѣсто въ моемъ сердцѣ, когда въ лѣсу залаяли собаки . . . бѣгу: онѣ за мною . . . ухожу,

отдыхаю; но черезъ нѣсколько часовъ опять та же исторія, и жизнь сдѣлалась мнѣ несносна. Я узналъ, что ничего нѣтъ хуже, какъ безпрестанно жить въ страхѣ, и завидовалъ собакамъ, которыя меня стращали; однажды, выведши изъ терпѣнія, бросился прямо въ глаза моимъ непріятелямъ, далъ себя растерзать на мѣлкія части, и такимъ образомъ оставилъ въ лѣтописяхъ примѣръ зайца-не труса.

„Судьба хотѣла доказать мнѣ, что и тѣ, которыхъ многіе боятся, не всегда щастливы: она переселила мою душу въ прекрасную Датскую собаку и отдала меня въ услуги сельскому трактирщику, который нѣкогда самъ былъ слугою отца моего, и который обошелся со мною очень ласково; но желая (по словамъ его) сдѣлать меня еще прекраснѣе, отрѣзалъ мнѣ уши и хвостъ. Эта мука была ничто въ сравненіи съ тѣмъ, что я терпѣлъ ежедневно отъ семилѣтняго сына его. Сей злой мальчикъ любилъ меня — тиранить съ утра до вечера, бить, обливать горячею водою, и жалкимъ моимъ визгомъ забавлять своихъ нѣжныхъ родителей. Однажды, видя, что слѣпая покорность не есть способъ усовѣстить безсовѣстныхъ, я взду-

малъ *перемѣнить тонъ*, и до крови укусилъ маленькаго негодяя . . . Страшной шумъ въ домѣ! Хватаютъ саблю, рогатину . . . Бѣгу со двора; за мною гонятся верхомъ; бѣгу какъ сумасшедшій, не смотря на жаръ; теряю силы и встрѣчаюсь на дорогѣ съ охотниками, которые, видя красные глаза мои и пѣну у рта, сочли меня бѣшеною собакою и застрѣлили.

„Въ ту же минуту я очутился въ гнѣздѣ, подъ крылошкомъ у прекрасной коноплянки, вмѣстѣ съ двумя другими голенькими птенцами, и радовался мыслію, что наконецъ оставилъ землю, стихію жестокихъ людей, и буду жить съ любезною матерью въ странахъ воздушныхъ. Обманчивая надежда! и Философы не даромъ бранятъ ее: она не только людей, но и коноплянокъ обманываетъ. Рука дерзкаго школьника задушила въ гнѣздѣ мать мою, а насъ сиротъ заключила въ узы рабства. Мы какъ нѣжныя дѣти оплакали ея кончину и рѣшились, будучи въ душѣ Республиканцами, умереть съ голоду въ неволѣ; братья мои въ самомъ дѣлѣ умерли; но я, признаюсь, не имѣлъ твердости друга Плиніева, и на другой день началъ клевать по немножку, орошая пищу свою горькими

слезами. Недѣли черезъ двѣ мать тирана моего отнесла меня въ подарокъ двадцати-лѣтней госпожѣ своей, которая была прекрасна какъ Ангелъ, любила Стерна и во всемъ околоткѣ славилась чувствительностїю.

„Въ семъ новомъ состоянїи неволя имѣла для меня нѣкоторую прелесть. Уже я не боялся жестокости шалуна, котораго ласки были такъ же опасны, какъ досада, и сравнивалъ себя съ Римлянами, щастливыми Траяновою милостїю послѣ гнуснаго Домицїана. Я жилъ въ большой клѣткѣ, близь свѣтлаго окна, и наслаждался прїятною картиною полей. Часто нѣжная рука ласкала меня; часто любезная госпожа милымъ голосомъ читала оды *къ Жалости* и проливала слезы; я слушалъ, и трепетанїемъ своихъ крылошекъ изъявлялъ умиленїе.

„Но вдругъ на бѣду прїѣзжаетъ къ намъ въ гости знатная дама изъ столицы; на бѣду я полюбился ей; на бѣду она захотѣла видѣть меня вблизи, вынула изъ клѣтки, взяла на руку, цѣловала въ головку, въ носикъ, и называла разными милыми именами. Желая изъявить мою чувствительность къ такимъ ласкамъ, я запѣлъ . . . Гостья, услы-

шавъ голосъ мой, пришла въ восторгъ, и сказала хозяйкѣ, что я пою прекрасно, а буду пѣть еще лучше, естьли она прикажетъ выколоть мнѣ глаза и всякой день играть подъ моею клѣткою на серинетѣ. Любезная госпожа моя послушалась, взяла булавку и собственною рукою совершила операцїю. Я ослѣпъ, и не могъ даже плакать; но, подобно слѣпцу Гомеру и Мильтону, хотѣлъ уже запѣть съ грусти въ ту самую минуту, какъ большая кошка взяла штурмомъ мою клѣтку и проглотила меня.

„Я опять съ радостїю увидѣлъ себя на волѣ, летающаго по саду въ образѣ жука; но господинъ сада, примѣтивъ меня въ травѣ, схватилъ рукою и закричалъ маленькому сыну своему, который ѣздилъ верхомъ на палочкѣ: „сюда! вотъ тебѣ птица!“ Мальчикъ принялъ меня съ восклицанїемъ адской радости, и въ ту же минуту, слѣдуя мудрымъ наставленїямъ своей мамки, посадилъ живаго на колъ; то есть, прокололъ насквозь иголкою и, привязавъ къ ниткѣ, пустилъ на землю. Для забавы его мнѣ надлежало летать во время смертельныхъ мукъ; и когда я отъ слабости не могъ уже дѣйствовать крыльями, ему

велѣли раздавить меня, какъ ни на что негоднаго.

„Изъ жука я превратился въ червяка, и жилъ спокойно въ навозной кучѣ, утѣшаясь мыслію, что время гоненій моихъ прошло, и что гораздо лучше быть лежнемъ, нежели бѣгать по лугамъ и летать по воздуху, стращать или веселить людей: два дѣйствія, равно опасныя! Я былъ увѣренъ, что вся скромная жизнь моя протечетъ въ тишинѣ и въ философическомъ спокойствіи; но. . . . вдругъ сдѣлалась страшная тревога во всей моей навозной кучѣ. Я съ любопытствомъ поднялъ вверхъ голову, чтобы узнать причину, и человѣкъ, который искалъ въ землѣ червей для невинной забавы уженья, взялъ меня и бросилъ въ черепокъ вмѣстѣ съ другими нещастными товарищами. На другой день онъ пошелъ съ нами на берегъ рѣки, и запѣвъ веселую пѣсню, всунулъ одного изъ моихъ короткихъ пріятелей на острое желѣзо, такъ, что оно вошло въ хвостъ, а вышло въ голову. Бѣднякъ вертѣлся на окровавленной удѣ и страдалъ такъ ужасно, какъ одинъ червякъ страдать можетъ, имѣя равную жизнь и чувствительность во всемъ тѣлѣ. Въ семъ состояніи впустили его въ воду,

чтобы служить приманкою для рыбъ. Я смотрѣлъ, ужасался, и думалъ, какъ велика розница между забавою удить рыбу и несносною мукою бѣдныхъ животныхъ, служащихъ привадою! но скоро такая же мука вывела меня изъ глубокой задумчивости, и черезъ минуту я вмѣстѣ съ удою попался въ брюхо карпа.

„У тебя не достанетъ бумаги для описанія всѣхъ моихъ бѣдствій и варварства людей, въ то время, какъ я былъ пулардою, ракомъ и просенкомъ. Меня колесовали, жгли, сѣкли до смерти, чтобы сдѣлать вкуснымъ для нѣкоторыхъ обжоръ. Нѣтъ, нѣтъ! мнѣ ужасно воспоминать такія подробности!“

Сонъ мой все еще продолжался. Вдругъ что-то укусило меня въ руку: я взглянулъ, увидѣлъ мошку и раздавилъ ее. Она исчезла, и передъ столомъ моимъ явилась женщина рѣдкой, неописанной красоты.

„Жестокой!“ сказала она: „что ты сдѣлалъ? Ты опять превратилъ меня, и въ этомъ новомъ образѣ подвергаешь еще ужаснѣйшимъ бѣдствіямъ. Уже не могу отъ людей скрываться; не могу спастись отъ гоненій. Взоры желанія не оставятъ меня въ покоѣ; стыдъ, угрызеніе совѣсти будутъ моимъ жребіемъ —

и (что еще страннѣе) собственное сердце мое войдетъ въ заговоръ противъ меня съ вѣчными врагами невинности!

„Напечатай мою исторію. Естьли она образумитъ нѣкоторыхъ людей, которые отъ безразсудности мучатъ слабыхъ тварей; естьли она вселитъ въ нихъ жалость, то страданія мои были не безполезны. Желаю еще, чтобы нѣжныя красавицы сдѣлались осторожнѣе, а мущины совѣстнѣе, и перестали играть ролю страстныхъ любовниковъ, не имѣя истинной любви въ сердцѣ — перестали губить нѣжную красоту, легковѣрную отъ невинности!“

Я слушалъ прелестную со вниманіемъ, и сердце мое сильно билось; хотѣлъ отвѣчать — и проснулся.

Съ Французскаго.

II.

Волшебной фонарь или картина Парижа.

Во всѣхъ газетахъ писали о страшномъ волненіи, которое произвела въ Парижѣ... не новая Бонапартіева Конституція, а Пикарова Комедія les Provinciaux à Paris.

Авторъ представляетъ столицу Францїи со всѣхъ дурныхъ сторонъ; естьли ему вѣрить, то она справедливо можетъ назваться столицею пороковъ. Журналисты немилосердо бранили сочинителя, а зрители свистали, однакожь тѣснились въ партерѣ и въ ложахъ. Вотъ извлеченїе изъ первой сцены втораго акта, которое представляетъ нѣкоторыя черты дурной картины Парижа. Жеромъ показываетъ въ волшебномъ фонарѣ своемъ (lanterne magique) разныя сцены одному богатому жителю провинцїи, Гулару, и дочери его, Фаншетѣ, не давно прїѣхавшимъ въ столицу. Театръ представляетъ темную комнату съ занавѣсомъ, на которомъ изображаются предметы, описываемые Жеромомъ.

Жеромъ. Хотя мы не имѣемъ власти *Хромаго бѣса* (Diable boiteux), который снималъ кровли съ домовъ, однакожь можемъ нѣкоторымъ образомъ подражать ему. (*На занавѣсѣ видѣнъ большой домъ въ пять этажей.*) Смотрите: въ этомъ домѣ болѣе жителей, нежели въ иной деревнѣ. Тамъ, въ антрсолѣ, даютъ деньги на ручные заклады; въ первомъ этажѣ играютъ въ карты; во второмъ живетъ на одной сторонѣ Прокуроръ, а на другой Адвокатъ; въ третьемъ ворожея и Жур-

налистъ, въ четвертомъ портретной живописецъ и актеръ, въ пятомъ Савояры, разнощики и слуги. Передняя стѣна въ минуту исчезнетъ, и вы тотчасъ увидите, что дѣлается въ каждомъ этажѣ.

Гуларъ. Боже мой! этотъ домъ есть совершенной Ноевъ ковчегъ! — (*На полотнѣ изображается комната лихоимца.*)

Жеромъ. Здѣсь, государи мои, занимаются деньги. Смотрите — чего тутъ нѣтъ! какая смѣсь! Бриллїянты и рубашки, картины и старые кафтаны, дорогїя кружева и худой тафтяной передникъ, часы и запонки! Смотрите, какъ гордо прикащики слушаютъ бѣдныхъ людей, которые хотятъ занять ливровъ 12 и по-нѣскольку часовъ ждутъ смиренно своей очереди! Смотрите, какъ учтиво господинъ дому, лихоимецъ въ рыжемъ парикѣ, подаетъ кресла модной щеголихѣ, которая на 25 тысячь закладываетъ бриллїянтовъ! Тутъ видите вы нѣжнаго Адониса, желающаго знать, сколько дадутъ ему на портретъ его любовницы, оправленный золотомъ; тамъ бывшїй Эмигрантъ со вздохомъ разстается съ крестомъ Св. Лудовика, чтобы нынѣшнїй день не умереть съ голоду. Видите ли безпрестанное бѣганье между антрсолемъ и первымъ этажемъ, гдѣ играютъ

въ карты? Такимъ образомъ сближаются люди, имѣющіе нужду другъ въ другѣ! Разсыльщики живутъ не далеко отъ Прокуроровъ, Аптекари отъ Докторовъ, торгующіе винами отъ красильщиковъ, а лихоимцы отъ игроковъ . . . Одинъ, проигравъ деньги, бѣжитъ заложить свою табакерку, чтобы отыграться; другой, взявъ *ларолы*, спѣшитъ выкупить свой перстень, и смотритъ гордо какъ побѣдитель. . . . Теперь ввожу васъ въ залу игры. На одной сторонѣ банкъ, на другой квинтичь и *рулета* — изобрѣтенія адскаго духа! Кто съ полнымъ кошелькомъ отходитъ отъ одного стола, тотъ на другомъ оставляетъ всѣ свои луидоры. На домѣ нѣтъ вывѣски; но онъ, къ нещастью, извѣстнѣе приходской церкви. Замѣтьте сихъ господъ, хорошо одѣтыхъ, которымъ даютъ въ день 36 ливровъ за то, чтобы они въ картежныхъ домахъ разъ сорокъ въ часъ повторяли слова: faites votre jeu, le jeu est fait (*ставьте — не льзя ставить* (*)). Взгляните со вниманіемъ на игроковъ; смотрите, какъ проворно этотъ зритель хватаетъ луидоръ, оставленный на столѣ задумчивымъ игро-

(*) Это говоритъ банкиръ *рулеты*, или кто заступаетъ его мѣсто.

комъ; какъ равнодушно и гордо этотъ богачь проигрываетъ пукъ своихъ ассигнацій и груды золота, и съ какимъ отчаяніемъ Коммиссаръ таможни ставитъ на карту послѣдній талеръ свой!

Гуларъ. Подлѣ банкира сидитъ крестьянинъ, безпрестанно вынимающій деньги изъ кожанаго кошелька.

Жеромъ. Онъ пріѣхалъ въ городъ отдать деньги за наемъ земли своей, но вмѣсто того ихъ проигрываетъ; а дочь его между тѣмъ читаетъ романы; а мать умильно смотритъ на работника, и проч. Такъ городъ дѣйствуетъ на деревни, и нравы его мало по малу заражаютъ сельскихъ жителей. — Теперь перейдемъ во второй этажъ, въ комнаты Прокурора и Адвоката. Въ старину писцы важнаго Прокурора бывали обыкновенно молодые люди богатыхъ фамилій; теперь они всѣ инвалиды. Между ими видите только одного молодаго человѣка, отданнаго родителями къ нему въ науку: чтожь онъ дѣлаетъ? сочиняетъ *водевили* для *булеваровъ*, и пишетъ ошибкою послѣдній каланбуръ свой на гербовой бумагѣ. Но что дѣлаетъ и самъ Прокуроръ? играетъ въ карты у сосѣда своего, Адвоката, съ Нотаріусомъ и Докторомъ:

одинъ забылъ дѣла, а другой больныхъ своихъ...

Гуларъ. Можетъ быть они скорѣе отъ того выздоровѣютъ. — (*На занавѣсѣ представляется съ одной стороны Актеръ, а съ другой Журналистъ.*)

Фаншета. Ахъ! какъ ужасно кривляется этотъ человѣкъ!

Жеромъ. Онъ готовится играть ролю нѣжнаго отца въ новой Драмѣ, гдѣ въ самыхъ жаркихъ сценахъ ему должно молчать и *краснорѣчивою* пантомимою трогать зрителей до слезъ. Авторъ того хочетъ; а вы согласитесь, что это не легко. — Человѣкъ, которой въ другой горницѣ пишетъ такъ скоро, есть Журналистъ. Онъ хвалитъ всѣ новые романы одною фразою, говоря, что *Авторъ соединяетъ тонкость мыслей съ пріятностію выраженія*; и даже въ самыхъ безобразныхъ произведеніяхъ Госпожи Радклифъ сей добродушной слуга книгопродавцевъ находитъ *нѣжныя оттѣнки чувствительности.* Всякой Парижской Литтераторъ есть для него великой человѣхъ; а ихъ 6663 по самому вѣрному исчисленію Полиціи.

Гуларъ. Боже мой! это цѣлая армія!

Жеромъ. Одинъ сочинилъ 10 романовъ, другой шараду, третій оперу или календарь. Поэты эпическіе, лирическіе,

водевиллисты, мадригалисты, эпиграммитисты, сочинители девизовъ и надписей для шинковъ — всѣ называются Литтераторами. Одни вмѣшиваютъ стихи въ прозу, другіе прозу въ стихи; у всякаго есть свой Лицей, свой Музеумъ, гдѣ онъ играетъ великую ролю. — (*На занавѣсѣ является Пале-Рояль, называемое нынѣ Пале-дю-Трибюна.*)

Гуларъ. Ахъ! какъ я радъ, что вижу это зданіе! Объ немъ уже давно намъ прожужжали уши.

Жеромъ. Взгляните на аркады, кофейные домы, аукціонныя залы, большія вывѣски съ золотыми буквами, голубыя, красныя, желтыя, бѣлыя объявленія, которыми залѣплены стѣны; взгляните на портреты, висящія надъ лавками: тутъ изображены бабушки въ *робъ-рондахъ*, дочери ихъ въ *полонезахъ*, внуки въ *туникахъ*, а дѣти ихъ въ Мамелюкской одеждѣ; тутъ видите парикъ трехбукольной 1786 году подлѣ страшнаго пучка 1789 году, Титовой головы седьмаго Республиканскаго лѣта, *фаворитовъ* и *летан-леровъ* девятаго лѣта. — Замѣтьте этова Италіянца съ огненными глазами, Англичанина съ наблюдательнымъ взоромъ, Турка въ шараварахъ, Шотландца въ юпкѣ, толстаго поставщика, блѣднаго

заимодавца Республики, глубокомысленныхъ Политиковъ, которые грѣются на солнцѣ, и глупыхъ людей, которые ихъ слушаютъ со вниманіемъ — не справедливо ли назвали Парижъ столицею міра, а Пале-Рояль столицею Парижа?

Фаншета. Здѣсь люди тѣснятся какъ у насъ въ церковныхъ дверяхъ, когда отойдетъ вечерня.

Жеромъ. Взгляните на высокаго человѣка въ поношеномъ кафтанѣ: это обѣдала. Прежде у нихъ былъ общій мундиръ: черной кафтанъ и бѣлые шелковые чулки. Они болѣе всего отличались искусствомъ прыгать съ камня на камень, не марая ногъ въ грязи; за столомъ обыкновенно раздаютъ кушанье; ѣдятъ съ удивительною скоростію и платятъ за обѣдъ комплиментами. Говорятъ даже, что нѣкоторые изъ нихъ нашли средство большую часть дня проводить за столомъ: въ часъ являются въ предмѣстіи Сен-Марсо, въ два часа идутъ въ Маре, въ три бѣгутъ въ улицу Сен-Дени, а тамъ въ Сент-Оноре, и наконецъ въ 6 часовъ заключаютъ дневный подвигъ свой въ Шоссе д'Антень (*).

(*) Въ Сен-Марсо живутъ по большой части ремесленники и всегда обѣдаютъ въ часъ; Маре славится набожностію своихъ жителей.

Голаръ. Вотъ дѣйствіе Парижскаго воздуха! У насъ въ провинціи не умѣютъ такъ ѣсть.

Жеромъ. Взгляните на этова лавошника, который мѣряетъ фальшивымъ аршиномъ, но стыдится не заплатить денегъ въ срокъ по векселю. Для чего во всякомъ состояніи добродѣтельные люди служатъ изключеніемъ! Каждое ремесло имѣетъ правила для обмановъ и чести. Игрокъ платитъ долги, но воруетъ въ картахъ; слуга крадетъ изъ тѣхъ денегъ, которыя вы даете ему на покупку, но не тронетъ кошелька, лежащаго у васъ на столѣ; самый разбойникъ грабитъ иногда по выбору! — Видите ли этова молодаго провинціяла, котораго лицо изображаетъ легковѣріе и спокойствіе безпечной невинности? онъ дожидается пушечнаго выстрѣла, чтобы повѣрить часы свои (*); а вокругъ его собираются между тѣмъ плуты, въ надеждѣ какъ нибудь обмануть неосторожнаго. Теперь часъ биржи. Всѣ улицы вокругъ

которые садятся за столъ въ 2 часа, чтобы не опоздать къ вечернѣ; въ Сен-Дени живутъ лавошники, въ Сент-Оноре богатые купцы, а въ Шоссе д' Антень банкиры и нынѣшніе милліонщики.

(*) Тамъ въ полдень всегда стрѣляетъ пушка.

Пале - дю - Трибюна заставлены каретами, фіакрами, кабріолетами. Съ шести часовъ утра маклеры и цѣновщики скакали по всему Парижу; записныя книжки ихъ наполнены векселями на Гамбургъ, Лондонъ, Кадиксъ, а карманы пробами сахара, кофе, пшена, шоколада, и проч.

Голаръ. Ихъ можно назвать подвижными лавками.

Жеромъ. Смотрите, какъ они ходятъ взадъ и впередъ; останавливаютъ и разспрашиваютъ другъ друга съ безпокойнымъ видомъ. А тамъ видите ажіотёровъ, тайныхъ маклеровъ, не имѣющихъ патента на свое ремесло. Они бѣгаютъ пѣшкомъ едва ли не скорѣе товарищей своихъ, которые ѣздятъ въ каретахъ; продаютъ, покупаютъ и снова продаютъ домы, земли, контракты; даютъ деньги за бумагу и бумагу за деньги. — Бьетъ шесть часовъ: они всѣ спѣшатъ къ ресторатёрамъ, не жалѣютъ ни луидоровъ, ни желудковъ своихъ, и выбирая любыя изъ семидесяти-осьми блюдъ, не думаютъ, что можетъ быть въ двухъ саженяхъ отъ нихъ умираетъ человѣкъ съ голоду!

Фаншета. Какое удивительное мѣсто! какъ мнѣ хочется побывать въ немъ!

Жеромъ. Честныя женщины въ ясной полдень едва смѣютъ тамъ показаться, и то на минуту — и то съ кѣмъ нибудь.

Фаншета. Что вы говорите! я вижу множество женщинъ, прекрасно одѣтыхъ, которыя тамъ гуляютъ.

Жеромъ. Я не могу и не хочу сказать вамъ всего. . . .

III.

О Воображеніи.

Воображеніе — *рука ума*, по словамъ Свифта, которою мысленно касаемся до самыхъ отдаленныхъ предметовъ, и которой волшебное осязаніе украшаетъ всякую вещь — есть прелесть, сила и мука жизни; причина и средство удовольствій, горестей, добродѣтелей и пороковъ, великихъ дѣлъ и преступленій. Оно имѣетъ вліяніе на все, чему удивляемся, что ненавидимъ, любимъ и презираемъ.

Одно холодное равнодушіе и безсмысліе, одна старость или угрюмая мудрость, одни глупцы и больные свободны отъ его плѣнительныхъ очарованій и нещастій. Оно даетъ намъ иногда прозорливость, но всего чаще обманываетъ

насъ излишнею надеждою. Воображенїе есть облако, въ которомъ таится дождь плодотворный, гроза ужасная, молнїя ослѣпляющая, громъ смертоносный. Оно творитъ будущее, воскрешаетъ минувшее, соединяетъ отдаленныя эпохи; цвѣтитъ, портитъ, разрушаетъ; образуется, усиливается, слабѣетъ; имѣетъ свои дни и часы, подобно лихорадкѣ; свои бури и мѣли, подобно Океану; свою силу и болѣзнь, подобно всему человѣческому. Оно уязвляетъ себя, исцѣляется, мучится, наслаждается, волнуется, утихаетъ; изумляетъ насъ своею слабостїю и силою, блескомъ Генїя и мракомъ глупости, величїемъ и ничтожностїю. Царствуя въ мїрѣ умственномъ, оно не рѣдко бываетъ рабомъ дурачествъ, которыя господствуютъ въ мїрѣ существенномъ, и, по словамъ Вольтера, кажется бѣглецомъ изъ дома сумасшедшихъ.

Пиѳагоръ увѣрялъ, что онъ видитъ во снѣ души, не только мертвыхъ, но и живыхъ, отличая всегда душу *вдовую* отъ души связанной тѣлесными узами.

Кеплеръ вообразилъ, что небесныя движенїя размѣрены такъ же, какъ струны, которыхъ звуки составляютъ октаву.

Тихо-Браге, который справедливо шутилъ надъ забавнымъ мнѣнїемъ уче-

наго Кеплера, съ ужасомъ шелъ домой, когда ему встрѣчался на дорогѣ заяцъ.

Великій Гугенсъ думалъ, что вся Астрономія заключается въ числѣ *шести*, которое онъ называлъ *совершеннымъ*, ибо оно равно съ суммою частей своихъ: 1, 2 и 3.

Другіе — и притомъ славные люди — говорятъ, что Адамъ былъ изгнанъ изъ Эдема единственно за то, что онъ излишно плѣнялся умозрѣніемъ Метафизики. Декартъ приписывалъ свѣтъ дѣйствію шариковъ, разсѣянныхъ во вселенной и гнетущихъ наши глаза, когда солнце толкаетъ ихъ, такъ на примѣръ, говоритъ онъ, какъ одинъ конецъ палки гнететъ меня, естьли толкну ее къ себѣ съ другова конца. Парацельсъ увѣрялъ, что онъ нашелъ Философскій камень. Зенонъ не вѣрилъ движенію. Эмпедоклъ божился, что онъ былъ дѣвицею, мальчикомъ, деревомъ, пѣтухомъ и китомъ. Авторъ Провинціяльныхъ Писемъ и трактата о равновѣсіи жидкостей, Паскаль, тридцати-осьми лѣтъ видѣлъ безпрестанно ужасную бездну, и закрывалъ ее отъ глазъ своихъ стуломъ. Жанъ-Жакъ Руссо страшился всякой ласки, находя въ ней злой умыселъ, и предпочиталъ ей всякую ядовитую брань

непріятелей, думая, что они по крайней мѣрѣ не хотятъ обольстить его!

Лейбницъ, читая медицинскую книгу, воображалъ, что онъ имѣетъ болѣзнь, въ ней описанную. Любезный Бернаръ всякое утро терзалъ себя мыслію о томъ, что наканунѣ веселило его. Въ разговорѣ, который далъ ему способъ блистать умомъ своимъ и забавлялъ его друзей, онъ, подумавъ, находилъ множество причинъ безпокоиться. Улыбка одобренія, нѣжная хвала и знаки лестнаго дружества портились, такъ сказать, въ его воображеніи и казались ему ядовитою насмѣшкою и знакомъ ненависти.

Науки физическія, сильныя идеи Генія, глубокая Философія, Литтература, нѣжныя и кроткія чувства, главная прелесть жизни! вы даете огонь воображенію, которое, часто пылая, дѣлается или плѣнительнымъ чарованіемъ или Фуріею; находитъ жезлъ Цирцеинъ или змѣй Мегериныхъ. Оно рѣдко творитъ щастливыми тѣхъ, кого прославляетъ; имѣетъ слабости непонятныя, и гонитъ человѣка въ могилу такою мыслію, которая разсмѣшила бы самаго ребенка. Его мнимыя бѣдствія неотвратимы, мнимыя язвы неисцѣлимы, какъ скоро ему преда-

дымся. Болѣзнь воображенія есть самая ужасная.

(*Переводъ изъ Journal de Paris.*)

IV.

Нынѣшніе Арабскіе сказочники, Поэты и мудрецы.

Изъ новаго Египетскаго путешествія гражданина Денона.

Генералъ Дезе и я (говоритъ Г. Денонъ), умирая отъ скуки въ Жиржѣ, нашли забаву въ Арабскихъ сказкахъ. Арабы разсказываютъ медленно, и переводчики наши успѣвали повторять за ними каждую фразу. Они все такъ же любятъ повѣсти, какъ и въ старину, то есть во время Султана Скшеразада и *Тысячи одной ночи*. Мы нѣкоторымъ образомъ играли ролю Султановъ. Память Генерала Дезе была такъ удивительна, что онъ могъ пересказывать слышанное отъ слова до слова. Въ надеждѣ на его обѣщаніе повторить мнѣ любую сказку съ начала до конца, я ничего не записалъ; однакожь вообще замѣтилъ, что Арабскія исторіи не богаты истинными и трогательными подробностями (достоинство, которое

особенно принадлежитъ сѣвернымъ повѣствователямъ); онѣ наполнены чрезвычайными происшествіями и сильными изображеніями страстей. Похищенія, замки, темницы, ядъ, кинжалы, ночныя сцены, ошибки, измѣны и все, что запутываетъ исторію и дѣлаетъ развязку трудною, употребляется сими разсказщиками съ великою смѣлостію; и, не смотря на то, исторія кончится всегда хорошо, ясно, удовлетворительно: вотъ достоинство изобрѣтателя; но разсказщикъ можетъ хвалиться складомъ и выраженіемъ, которые имѣютъ великую цѣну для слушателей. Бываетъ, что одну повѣсть разсказываютъ сряду трое или четверо съ равнымъ успѣхомъ: одинъ выражаетъ хорошо трогательныя мѣста и любовныя чувства; другой описываетъ лучше сраженія и всякіе ужасы; а третій умѣетъ смѣшить — однимъ словомъ, это ихъ спектакль; они безъ скуки слушаютъ повторенія, такъ какъ мы въ первой разъ идемъ въ театръ для пѣсы, а въ другой для игры актеровъ, и проч. Послѣ исторій обыкновенно начинаются разсужденія и споры, полезные для талантовъ, которые не рѣдко бываютъ въ такой чести и славѣ, что составляютъ фортуну семейства и даже цѣлой орды.

Арабы имѣютъ и Поэтовъ, которыхъ они зовутъ на свои пиршества, и которые сочиняютъ стихи на всякій случай, безъ приготовленія. Народъ плѣняется ими; но я въ переводѣ ихъ стиховъ не нашелъ ничего, кромѣ вздорныхъ аллегорій и пустой игры словъ. Сіи Поэты всегда отличаютъ себя странностями, чтобы ихъ болѣе уважали; но намъ казались они сумасшедшими, отвратительными и жалкими. Арабскіе разсказщики, по моему мнѣнію, гораздо лучше ихъ стихотворцевъ.

Генералъ Дезе разспрашивалъ одного Арабскаго Ученаго о громѣ. Онъ отвѣчалъ ему съ видомъ увѣренія: „Мы знаемъ, „что это Ангелъ; но такой маленькой, „что его не льзя примѣтить въ воздухѣ, „хотя имѣетъ великую силу и таскаетъ „на плечахъ облака отъ средиземнаго „моря до Абиссиніи. Когда злоба людей „доходитъ до крайности, онъ гремитъ „своимъ голосомъ, ужасая злодѣевъ, и „въ доказательство, что можетъ наказывать, растворяетъ небесную дверь, изъ „которой сіяетъ молнія. Но милосердіе „Божіе такъ безпредѣльно, что въ Вышнемъ Египтѣ гнѣвъ Его никогда не „имѣлъ дальнѣйшихъ слѣдствій.“ — Не льзя безъ нѣкотораго изумленія слышать

такую нелѣпую сказку отъ важнаго старика съ длинною сѣдою бородою. Дезе хотѣлъ ему иначе изъяснить сей феноменъ; но Арабскому мудрецу показалось его изъясненіе совсѣмъ невѣроятнымъ!

V.

Берегъ.

Послѣ бури и волненья,
Всѣхъ опасностей пути,
Мореходцамъ нѣтъ сомнѣнья
Въ пристань мирную войти.

Пусть она и неизвѣстна!
Пусть ее на картѣ нѣтъ!
Мысль, надежда имъ прелестна
Тамъ избавиться отъ бѣдъ.

Естьли жь взоромъ открываютъ
На брегу друзей, родныхъ,
О блаженство! восклицаютъ,
И летятъ въ объятья ихъ.

Жизнь! ты море и волненье!
Смерть! ты пристань и покой!
Будетъ тамъ соединенье
Разлученныхъ здѣсь волной.

Вижу, вижу... вы маните
Насъ къ мистическимъ брегамъ!..
Тѣни милыя! храните
Мѣсто подлѣ васъ друзьямъ!

VI.

Старой левъ и звѣри.

Басня.

Всѣ звѣри на поклонъ пришли ко льву въ пещеру;
Левъ былъ и старъ и дряхлъ; онъ шуму не любилъ,
Услужливыхъ гостей къ себѣ онъ не просилъ;
Не ко всему имѣлъ онъ вѣру;
Онъ былъ уменъ — и для него
Покой милѣе былъ всего.
Однакожъ принялъ левъ своихъ гостей учтиво.
Всѣ въ голосъ начали кричать,
Бранить другихъ, себя жь какъ можно величать;
Такое общество и межь людьми не диво.
Волкъ началъ говорить, что всѣхъ смѣлѣе онъ;
Лисица, что она хитрѣе;
Медвѣдь, что всѣхъ звѣрей конечно онъ сильнѣе.
„Какіе дураки! ворчалъ тихонько слонъ:
Хотятъ блеснуть въ глаза и удивить собою;
А кто изъ нихъ въ умѣ равняется со мною?“

И началъ слонъ болтать о подвигахъ своихъ.
„Что нужды мнѣ до нихъ?
Сказалъ левъ наконецъ, все потерявъ терпѣнье:
Ступайте по домамъ!
Вы очень всѣ умны — я знаю цѣну вамъ —
Но для меня ума дороже снисхожденье.
Овечка милая останется со мной;
Она не хвалится своею остротой,
И вашихъ качествъ не имѣетъ;
Но мнѣ съ ней хорошо: она любить умѣетъ."

Читатель согласится самъ,
Что въ старости не умъ — а сердце нужно намъ.

В. Пушкинъ.

VII.

Ловля жемчужныхъ раковинъ на островѣ Цейланѣ.

Сїя ловля въ степи Кондачейской представляетъ весьма любопытное явленїе. Вообразите себѣ нѣсколько тысячь людей изъ разныхъ земель и различныхъ видомъ, цвѣтомъ лица, языкомъ и поступками. У всякаго на берегу своя полатка, или шалашъ, и лавка съ раскладенными товарами. Къ сему надобно прибавить

безпрестанное движенїе лодокъ, плывущихъ отъ берега или къ берегу. Такое зрѣлище есть совершенно новое для Европейца, особливо когда ввечеру всѣ лодки возвращаются. Всякой хозяинъ бѣжитъ безъ памяти на встрѣчу, ожидая сокровищъ; неудача прошедшаго дня не мѣшаетъ надѣяться на будущїй: ибо важные Брамы увѣряютъ ихъ, что твердая надежда есть вѣрная порука щастья.

Малескїе воины и начальникъ ихъ соблюдаютъ порядокъ. Тутъ собирается множество ювелировъ, маклеровъ, всякаго роду купцовъ, трактирщиковъ; но большая часть занимается жемчугомъ. Одни разбираютъ его по величинѣ, употребляя на то широкїя мѣдныя лопатки, въ которыхъ сдѣланы разной мѣры отверстїя; другїе продаютъ его на вѣсъ; иные провертываютъ въ жемчужинахъ дыры и снизываютъ ожерелья, которыя тутъ весьма дешевы.

Дурной запахъ отъ гнїющихъ раковинъ такъ заражаетъ воздухъ и производитъ такое множество насѣкомыхъ, что людямъ непривычнымъ несносно быть тамъ. Дороговизна во всемъ бываетъ страшная; надобно покупать даже и хорошую воду, ибо тамошняя весьма нездорова. Чрезвычайный жаръ днемъ, холодъ ночи,

сильныя росы и запахъ гнилости раждаютъ въ сихъ мѣстахъ опасныя болѣзни.

Многіе люди разоряются во время ловли, покупая дорогою цѣною раковины и часто не находя въ нихъ ничего. За то многіе и богатѣютъ. При мнѣ одинъ простой работникъ купилъ за мѣдной *факамъ* (копѣекъ семь) три раковины, и нашелъ въ одной изъ нихъ превеликую жемчужину.

Лодки не всѣ принадлежатъ Цейлану; многія приходятъ съ Коромандельскаго и Малабарскаго берега. Въ 10 часовъ вечера стрѣляютъ изъ пушки, и всѣ плывутъ въ море. На разсвѣтѣ водолазы опускаются и работаютъ до самаго вечера. Приближаясь къ берегу, подымаютъ на каждой лодкѣ флагъ для извѣщенія хозяина, и стараются все выгрузить за-свѣтло. Прилѣжные водолазы собираютъ въ день тысячь тридцать раковинъ.

На лодкѣ бываетъ 20 человѣкъ и пять камней для десяти водолазовъ. Сіи камни всегда гранитные, округленные снизу и сверху, вѣсомъ фунтовъ въ 30. Когда найдется ихъ болѣе пяти на лодкѣ, то людей строго наказываютъ.

Въ Европѣ напрасно думаютъ, что водолазы натираютъ себя масломъ, зажимаютъ ротъ, носъ и уши; они не зна-

ютъ ни пузырей, ни гибкихъ трубокъ, посредствомъ которыхъ можно дышать въ водѣ. Сіи Индѣйцы съ ребячества привыкаютъ къ морю и глубинѣ. Водолазной камень и сѣть привязаны къ лодкѣ двумя веревками: человѣкъ становится на нихъ ногами, берется правою рукою за веревки, а лѣвою затыкаетъ себѣ носъ и бросается въ воду. Ставъ на дно, обвязываетъ сѣть вокругъ шеи, и спѣшитъ наполнять ее раковинами, пока можетъ быть въ морѣ, то есть минуты двѣ; наконецъ дергаетъ за веревку, и его вытаскиваютъ. Тутъ онъ выпускаетъ изъ себя воду, которая вошла ему въ носъ и въ ротъ, и ложится отдыхать; а другой на мѣсто его опускается. Изъ иныхъ льется даже кровь горломъ; но это не мѣшаетъ имъ снова работать. Каждой собираетъ раковинъ пятьдесятъ въ минуту, и опускается разъ шестьдесятъ, естьли что нибудь чрезвычайное не помѣшаетъ тому. Хозяинъ обыкновенно даетъ работникамъ четвертую часть раковинъ; иногда же платитъ и деньгами.

Славнѣйшіе водолазы бываютъ Малабарскіе; они такъ искусны, что опускаются безъ камней и за большую плату остаются въ водѣ минутъ семь. Все-

го страшнѣе для нихъ морскія собаки или акуллы. Правленіе нанимаетъ колдуновъ, чтобы они заговаривали сихъ хищныхъ животныхъ. Колдуны произносятъ на берегу какія-то варварскія слова, и не велятъ работникамъ ничего ѣсть во время ловли, дозволяя имъ однакожь пить вино и водку. При мнѣ морская собака оторвала ногу у водолаза, и главнаго чародѣя потребовали къ отвѣту: онъ сказалъ, что одна старая волшебница, по зависти и злобѣ, уничтожила силу его заклинаній. Какъ скоро покажется морская собака, то водолазы подаютъ знакъ, и лодки удаляются. Хозяинъ продаетъ иногда раковины еще не открывъ ихъ; онѣ раскладываются на берегу или зарываются въ землю, чтобы устрица въ нихъ умерла.

Люди, которымъ должно разнимать раковины, всегда находятъ способъ воровать, какъ за ними ни смотрятъ. Работники соглашаются между собою, чтобы одинъ изъ нихъ нарочно показывалъ, будто хочетъ украсть: а между тѣмъ другіе въ самомъ дѣлѣ крадутъ. Кто находитъ большую жемчужину, тотъ подаетъ знакъ товарищу, который явно прячетъ тогда маленькую жемчужину; надзиратель и работники бросаются на

него; а истинный воръ, пользуясь замѣшательствомъ, скрываетъ свою добычу, и послѣ дѣлится съ другими. Иногда работники еще и въ лодкѣ крадутъ лучшій жемчугъ изъ раковинъ; онъ бываетъ видѣнъ, пока устрица жива, и съ обѣихъ сторонъ окружаетъ ротъ ея. Индѣйцы страннымъ образомъ изъясняютъ его происхожденіе, говоря, что онъ раждается изъ капли росы и луча солнечнаго. Одинъ Брама сказывалъ мнѣ, что жемчугъ образуется въ Маѣ мѣсяцѣ, подъ созвѣздіемъ *Соате*, когда устрицы выходятъ на поверхность моря. Мы сами еще не знаемъ вѣрно, какъ онъ дѣлается; но мнѣніе Реомюра есть самое вѣроятнѣйшее: онъ думаетъ, что жемчугъ составляется подобно другимъ камнямъ во внутренности животныхъ изъ ихъ соковъ, которые, сливаясь съ чуждыми тѣлами, на примѣръ съ пескомъ, твердѣютъ слой за слоемъ. Иногда бываетъ въ одной устрицѣ 200 жемчужинъ. Самыя дорогія изъ нихъ въ Цейланѣ должны быть золотаго цвѣта и блестящія. Я видѣлъ одну величиною съ пистолетную пулю.

Около 15 Апрѣля всегда начинаются сильные вѣтры, и ловлю должно кончить. Почти всѣ водолазы Католики, и по Воскресеньямъ не работаютъ, а ходятъ въ

селенїе Ариноо къ обѣднѣ. Морскїя собаки также не рѣдко мѣшаютъ работникамъ, и въ два мѣсяца ловли едва ли работаютъ водолазы дней 35 или 40.

По замѣчанїямъ и собраннымъ мною свѣдѣнїямъ думаю, что жемчугъ созрѣваетъ лѣтъ въ семь. Жаль, что водолазы никогда не бросаютъ назадъ въ воду маленькихъ и пустыхъ раковинъ. Можно предвидѣть, что это небреженїе рано или поздно совсѣмъ истребитъ Цейланскую жемчужную ловлю, такъ, какъ она истребилась на берегахъ Персїи, южной Америки и Швецїи.

Кондачейская Провинцїя есть обширная, песчаная степь, по которой изрѣдка разсѣяны хижины. Въ сей части острова много тигровъ, кабановъ, Цейланскихъ армадилловъ и змѣй. — Натуралистъ, который захотѣлъ бы провести нѣсколько мѣсяцевъ въ Манарѣ, маленькомъ островкѣ близь Яфны, нашелъ бы тамъ весьма любопытные предметы, никѣмъ еще не описанные.

VIII.

Описаніе примѣчанія достойной картины Французскаго живописца Жироде.

Дѣйствіе сей картины, написанной для Перваго Консула, удивительно. Художникъ доказалъ своимъ Эндиміономъ, что онъ можетъ плѣнять простотою, когда хочетъ; а теперь доказываетъ, что умѣетъ изобрѣсти многосложную Поэму, и, слѣдуя правиламъ Искусства, соединить всѣ части въ одно цѣлое.

Содержаніе картины есть слѣдующее: Руководствуемыя Побѣдою, тѣни Французскихъ Героевъ, умершихъ за отечество, приходятъ въ воздушномъ жилищѣ къ тѣнямъ Оссіана и Героевъ его, которые торжествуютъ съ ними праздникъ дружества.

Надобно вспомнить, что, по древнему преданію Шотландскихъ Бардовъ, души или тѣни умершихъ воиновъ съ торжествомъ и при звукѣ арфъ соединяются съ тѣнями своихъ предковъ въ облачныхъ обителяхъ славы. Тамъ онѣ управляютъ стихіями и наслаждаются снова всѣми земными удовольствіями. Каледоніане (Шотландцы) воображали, что души имѣютъ еще нѣкоторое тѣлесное бытіе, могутъ являться въ образѣ людей, гово-

рить, и, по словамъ Оссіана, исчезать въ туманѣ холмовъ, въ лучахъ мѣсяца, и проч. Воины всего болѣе спрашились молчанія Бардовъ о дѣлахъ ихъ, думая, что тѣнь Героя, невоспѣтаго ими, должна скитаться вмѣстѣ съ тѣнями *робкихъ*, жить надъ болотами и сливаться съ ядовитыми парами ихъ. — Сими чертами сѣверной Миѳологіи Гражданинъ Жироде воспользовался въ Поэмѣ своей такимъ образомъ:

Древній Бардъ Морвенскій, Фингалъ, лишенный *свѣта очей*, выступаетъ съ своими Героями; за нимъ бѣгутъ вѣрные псы его; онъ опирается на копье свое и наклоняется обнять Генерала Дезе. Клеберъ подаетъ Фингалу руку въ знакъ союза, а другою несетъ, вмѣстѣ съ Генераломъ Дезе, трофеи Мамелюкскаго оружія. За ними является Кафарелли съ Турецкими разорванными знаменами. Марсо съ удивленіемъ взираетъ на Оссіана: Генералы Дампьеръ, Дюгомье, Гошъ, Шампіоне и Жуберъ выражаютъ такое же чувство; надъ ними развѣваются знамена Австрійскія. Побѣда ведетъ Французскіе легіоны, осѣненные трофеями; въ одной рукѣ держитъ она связку пальмъ и лавровъ, а другою съ улыбкою подаетъ Героямъ Каледоніанскимъ оливу; звѣзда

сїяетъ у нее надъ головою, и яркимъ лучемъ свѣта изображаетъ блестящїй путь ея. Латуръ д' Оверный, первой гранадеръ Республики, видѣнъ во второмъ ряду съ своими товарищами; шапки ихъ увиты оливами; они идутъ съ барабаннымъ боемъ. Въ третьемъ ряду стоятъ Генералы Кильменъ, Марбо и Дюфо. Далѣе, въ вышней странѣ воздуха, сквозь тонкїе пары едва примѣтны гусары, изъ которыхъ иные забавляются ловлею звѣрей, и проч.

На другой сторонѣ картины стоитъ Оскаръ, сынъ Оссїановъ, подлѣ Фингала, своего дѣда; за нимъ Кокуллинъ, Царь Донскарской, другъ Фингаловъ; копье его переломлено. Другїе воины показываютъ Французамъ трофеи побѣдъ своихъ: знамя, латы и орла Легїоновъ Римскихъ. Надъ головою Царя Морвенскаго, котораго шлемъ осѣненъ крыломъ орлинымъ и ярко освѣщенъ воздушнымъ метеоромъ, видны ряды предковъ его; они спускаются изъ вышнихъ странъ атмосферы. Комгалъ, отецъ Героя, держитъ копье; сѣдые волосы вокругъ лица его развѣваются; воинъ трубитъ въ рогъ; другой поетъ военную пѣснь; прочїе несутся, облокотясь на свое оружїе. Тренморъ, дѣдъ Царя Морвенскаго, опирается на скипетръ; на головѣ его корона;

вокругъ багровый метеоръ. Всѣ они съ удивленіемъ смотрятъ на Французскихъ Героевъ. Молодыя Шотландки играютъ на разныхъ орудіяхъ; другія плетутъ вѣнки. Вдали, при свѣтѣ воздушнаго явленія, видны старый Бардъ и дочь его; они играютъ въ честь Французскимъ воинамъ, которые рукоплесканіемъ изъявляютъ свое удовольствіе. Молодыя женщины, въ легкой туманной одеждѣ, подаютъ гостямъ вѣнки; другія усыпаютъ ихъ путь цвѣтами; нѣкоторыя предлагаютъ имъ питье въ раковинахъ. Два воина, изъ которыхъ одинъ имѣетъ на лицѣ знаки глубокихъ ранъ, пьютъ здоровье Оссіана, и махая шляпами, украшенными оливою, славятъ миръ.

Эвираллина, супруга Оссіанова, и Мальвина, супруга Оскарова, стоятъ подлѣ Царей; руки ихъ прикасаются къ золотымъ арфамъ. Одна выражаетъ кроткое удивленіе, другая нѣжную стыдливость. Два свѣтлые метеора блистаютъ надъ ихъ головами, и лучи ихъ сливаются въ яркомъ свѣтѣ. За ними видны воины Лохлинскіе, которые напрасно хотятъ прервать торжество мира; одинъ ударяетъ ефесомъ въ щитъ Морвенскаго воина, — другой, воспаленный злобою и завистію, движетъ мечь въ рукѣ своей

и грозно смотритъ на Французскихъ Героевъ; но никто изъ нихъ не удостоиваетъ его вниманія.

Далѣе видѣнъ Царь Лохлина, свирѣпый Старно, врагъ Фингаловъ, покрытый желѣзною бронею; у него кинжалъ за поясомъ, на которомъ виситъ черепъ, служащій ему сосудомъ для питья. Онъ схватилъ за волосы и хочетъ ударить мечемъ Аганденну, дочь свою, любовницу Фингалову, которая вмѣстѣ съ женами Морвенскими спѣшила встрѣтить Французовъ; но молодой Республиканецъ бросается къ ней на помощь — одною рукою удерживаетъ мечь Старновъ, а другою разитъ сего варвара, который, падая, въ ярости грызетъ оружіе, измѣнившее злобѣ его.

Орелъ летитъ сквозь облако, въ которомъ движутся всѣ сіи тѣни. Видя бдительную птицу, которая есть символъ Республиканскаго Генія, и которая окружена блестящимъ сіяніемъ, онъ выпускаетъ изъ когтей голубя и съ ужасомъ летитъ прочь. Божественный пѣтелъ, вооруженный громовою стрѣлою и стоящій на связкѣ пальмъ, оливъ и лавровъ, которую несетъ Побѣда, распускаетъ крылья свои какъ спасительный щитъ, укрывая подъ ними невиннаго,

робкаго голубя. Звѣзда сїяетъ въ низу картины, означая вышнюю страну атмосферы, въ которой представляется сїе зрѣлище, и которая освѣщена одними метеорами. Всѣ фигуры картины *мечтательны*, кромѣ символическихъ птицъ и Побѣды, изображенныхъ художникомъ въ дѣйствительномъ бытїи.

Мы не отваживаемся судить о такой картинѣ, а можемъ только говорить объ ея дѣйствїи на зрителя. Двѣ вещи поражаютъ его: великая сложность и чрезмѣрное сїянїе, слѣдствїе воздушныхъ метеоровъ, которыми освѣщена вся картина, и которые надъ воинами Морвенскими блѣдны, а надъ Побѣдою, предшественницею Французскихъ Героевъ, ярки и лучезарны. Что касается до сложности, то она требуетъ особеннаго вниманїя; но разсмотрѣвъ части, зритель постигаетъ ихъ связь, остроумныя мысли художника и гармонїю Поэмы, плѣнительную для глазъ и разума.

Группа Французскихъ Героевъ исполнена души и жизни. Многїя головы суть дѣйствительные портреты, такъ, что ихъ всякой узнаетъ. Художникъ изобразилъ лицо Генерала Клебера печальнымъ и горестнымъ; кажется, что онъ, бывъ жертвою подлаго убїйцы, завидуетъ слав-

ной смерти Генераловъ Дезе и Марсо, которые стоятъ рядомъ съ нимъ.

Старецъ Оссіанъ, который встрѣчаетъ нашихъ Героевъ, изображенъ прекрасно. Отецъ его Фингалъ съ крыломъ орлинымъ и яркими лучами вокругъ шлема представляетъ въ себѣ нѣчто дикое и необыкновенное, сообразное съ тѣмъ характеромъ, который даетъ ему Оссіанъ въ Поэмахъ своихъ. Комгалъ, отецъ его, является въ отдаленіи и въ парахъ; еще далѣе и темнѣе показывается старый Тремморъ, предокъ Морвенскихъ Героевъ; подобно великому привидѣнію, онъ теряется въ облакахъ.

Сіи двѣ воинскія группы различны между собою; но въ рѣзкой, совершенной и щастливой противоположности съ ними является любезная группа Морвенскихъ женщинъ, которыя встрѣчаютъ нашихъ Героевъ съ золотыми арфами и цвѣтами. Ихъ лица не Французскія милыя и не Греческія прекрасныя, хотя они и ближе къ симъ послѣднимъ; такія черты можно найти только въ Англійскихъ или Шотландскихъ красавицахъ. Видно, что художникъ, взявъ ихъ за образецъ, дошелъ въ мысляхъ своихъ до совершенства красоты, свойственной ихъ климату во времена героическія. Какъ бы

то ни было, но сію любезную часть картины своей онъ такъ одушевилъ выраженіемъ, красками и формами, что зритель всегда съ новымъ восторгомъ устремляетъ на нее глаза свои.

Можетъ быть въ нѣкоторыхъ частяхъ сложность и разнообразіе дѣйствій производятъ замѣшательство... Видно, что живописецъ работалъ въ пылу воображенія, желая съ одной стороны представить весь піитическій міръ Оссіановъ, а съ другой всю славу Республики. Естьли онъ ошибся, то мы скажемъ: „щастливы и рѣдки художники, которые могутъ такимъ образомъ ошибаться!"

Изъ Декады.

IX.

О ревности.

Не многія страсти такъ ослѣпляютъ человѣка и вовлекаютъ его въ такія заблужденія, какъ ревность. Она малѣйшее подозрѣніе обращаетъ въ увѣренность; видитъ вездѣ фантомы и любитъ умножать собственныя безпокойства; граничитъ съ завистію, и происходитъ болѣе отъ гордости, нежели отъ нѣжнаго чувства.

Щастливые прелестники знаютъ, что есть только одинъ способъ утвердить сердце въ вѣрности; а именно: честные поступки, благоразумныя убѣжденія, великодушная довѣренность — ихъ только они боятся, и считаютъ правиломъ, что трудность свиданія дѣлаетъ побѣду легкою; что строгость надзирателя раждаетъ снисхожденіе въ красавицѣ, а подозрительность ухитряетъ ее въ обманахъ. *Недовѣрчивость*, сказалъ одинъ Авторъ, *кличетъ измѣну*; и въ тѣхъ земляхъ, гдѣ запираютъ женщинъ, первый знакъ благосклонности есть безмолвное дозволеніе быть дерзкимъ при первомъ случаѣ.

Можно присматривать за женщиною; но сохрани Богъ, естьли она это узнаетъ! Безполезность ревности должна насъ предохранять отъ нее. Безъ Евнуховъ и Сераля (также не всегда надежныхъ) принужденіе ни къ чему не служитъ, особливо, естьли связь уже *готова въ сердцахъ*; оно мѣшаетъ глупцу, но умному знатоку даетъ способъ блеснуть талантомъ. Большая часть нѣжныхъ переговоровъ совершается на письмѣ въ кабинетахъ, и когда публика узнаетъ *предварительныя условія*, тогда уже самый *трактатъ* подписанъ. И сколько другихъ

адскихъ хитростей, о которыхъ самой тонкой человѣкъ не имѣетъ идеи, и которымъ онъ часто помогаетъ, желая разрушить ихъ!

Естьли трудно помѣшать связи, то не легче и скрыть ее. Осторожность не долговременна, и мало по малу обращается въ нескромность; благоразумие засыпаетъ въ успѣхѣ. Сколько разъ все проходило даромъ! для чего и еще не пройти? Съ одной стороны осторожности уменьшаются, а съ другой подозрѣнїе увеличивается: смотрятъ, слушаютъ, примѣчаютъ — и минута все откроетъ; тогда нещастїемъ цѣлой жизни надобно заплатить за нѣкоторыя удовольствїя, купленныя и безъ того очень дорого, то есть цѣною принужденїя, страха, угрызенїй совѣсти. Положимъ, что женщина и сохранитъ любовь, почтенїе супруга; но будетъ ли она щастлива, зная, что недостойна ихъ? Чѣмъ нѣжнѣе сердце, тѣмъ безцѣннѣе для него собственное уваженїе. Сверхъ того живыя удовольствїя отвращаютъ насъ отъ всѣхъ обыкновенныхъ прїятностей. Привычка къ шайностямъ, къ непостоянству, къ первымъ восторгамъ любви, опасна; средства ея долговременны — и когда мы ихъ

лишаемся, тогда всѣ другія чувства кажутся слабы; сердце томится въ волненіи и сохнетъ въ равнодушіи; всякую минуту нѣтъ для насъ чего-то необходимаго — и воспоминаніе дѣлается мукою.

Молодая красавица, прельщаемая сими удовольствіями, должна подумать: „Красота не долговременна. Я могу блистать „ею нѣсколько лѣтъ и плѣнять сердца, „удовлетворяя моему вкусу и тщеславію; „но вѣроятно, что самыя побѣды сдѣлаютъ мнѣ горе, и минута заблужденія „можетъ навсегда погубить меня. Не „лучше ли удалиться отъ опасности и „посвятить молодость на основаніе твердаго щастія, которое не зависитъ отъ „лѣтъ, не знаетъ раскаянія и ведетъ за „собою почтеніе людей, вмѣстѣ съ собственнымъ уваженіемъ?“

Ревность мужа есть обида для жены, для него скромное признаніе, а для любовника самая лестная похвала; ибо мужъ другими словами говоритъ ему: „Я имѣю „противъ тебя выгоду старшинства, „власти, обязанности и безопасной удобности, но боюсь, чтобы тебя не предпочли.“ Правда, что любовникъ имѣетъ также свои выгоды: новость, запрещеніе и препятствіе.

Ревность мущинамъ свойственнѣе, нежели женщинамъ — особливо нехорошимъ — особливо старикамъ; а всего свойственнѣе тѣмъ, которые сами бывали ея предметомъ. Она гораздо обыкновеннѣе въ нижнихъ классахъ общества, нежели въ первомъ; въ нихъ думаютъ, что женщина можетъ быть только любовницею; но свѣтской человѣкъ вѣритъ и другимъ прїятнымъ связямъ (хотя вѣритъ не слѣпо) и не столько зависитъ отъ предразсудка, который невиннаго подвергаетъ стыду виноватаго. Въ свѣтѣ мы не рѣдко видимъ связи, которыя только похожи на любовь. Привязываются къ женщинѣ отъ лѣности, скуки, тщеславїя, удобности; для того, чтобы прїятно кончить день, быть короткимъ въ ея обществѣ, имѣть меньше обязанностей въ разсужденїи другихъ женщинъ и знать объ нихъ множество анекдотовъ. Такая связь есть дружеская, *оборонительный* и *наступательный союзъ*, а не любовь. Иногда другъ говоритъ языкомъ Селадона, но только изъ учтивости; иногда объявляетъ даже и требованїя, но также изъ учтивости!

Можно иногда подивиться равнодушїю мужа къ вѣтреностямъ жены; но пре-

зрѣнїе къ человѣку, скука надзиранїя, миролюбїе и желанїе быть свободнымъ дѣлаютъ многихъ Философами.

(*Съ Французъ.*)

X.

О Самоубїйствѣ.

Въ Парижѣ недавно вышла книга подъ титуломъ: *Разговоры о самоубїйствѣ.* „Г. Гильйонъ, Авторъ сего полезнаго сочиненїя (говоритъ Гж. Жанлисъ въ своемъ Журналѣ) взялъ за эпиграфъ три строки изъ приказа, отданнаго Первымъ Консуломъ 22 Флореаля: *Предаваться горести безъ сопротивленїя, убивать себя, чтобы избѣжать ее, есть оставлять поле сраженїя безъ лавра побѣды.* Какую силу должны имѣть сїи прекрасныя слова, когда Бонапарте говоритъ ихъ! Какой Философъ дерзнетъ назвать самоубїйство героическимъ дѣйствїемъ, естьли Первый Консулъ признаетъ его малодушїемъ? Писатели - Филантропы исполняютъ священную должность, возставая противъ Софистовъ, развратителей народа; но одни Герои могутъ ознаменовать стыдомъ нѣкоторыя дѣла, служащїя иногда предме-

томъ удивленія. Ихъ мнѣніе должно быть оракуломъ. Единственная дань признательности, достойная благотворителей человѣчества, состоитъ въ томъ, чтобы способствовать имъ въ добрѣ и слѣдовать за ними на славныхъ путяхъ добродѣтели.

„Въ книгѣ Г. Гильйона много прекрасныхъ чувствъ и разсужденій. Жаль только, что Авторъ мало пользовался Исторіею; онъ могъ бы доказать ею 1) что тѣ не многіе изъ великихъ мужей древности, которые убивали себя, слѣдовали единственно движенію совершеннаго отчаянія или порочнаго самолюбія; что мудрые современники осуждали ихъ, и что сіи самоубійства имѣли гибельныя слѣдствія для отечества; 2) что самоубійцы и въ древнія и въ новыя времена были почти всѣ или злодѣи, или развратные люди, безъ правилъ, или юноши, ослѣпленные страстію; 3) что книги, въ которыхъ оправдывается самоубійство, умножили число сихъ преступниковъ. Нещастный, ненавидя жизнь, легко рѣшится умертвить себя, когда Писатели, имъ уважаемые, хвалятъ такое дѣло. Я разскажу здѣсь примѣчанія достойный анекдотъ, который доказываетъ сіе бѣдственное вліяніе.

„Бодчель, остроумный Англійскій Писатель, былъ родственникъ славнаго Аддиссона. Онъ вмѣстѣ съ нимъ писалъ *Зрителя* и другіе Журналы. Всѣ піесы, означенныя въ *Зрителѣ* буквою X, его сочиненія. Аддиссонъ старался обогатить Бодчеля; но онъ моталъ, разорился послѣ Аддиссоновой смерти, и бросился наконецъ въ Темзу, оставивъ въ комнатѣ своей слѣдующую записку: What Cato did and Addiſſon approv'd, cannot be wrong; то есть: *что сдѣлалъ Катонъ и Аддиссонъ оправдывалъ, то не можетъ быть дурно.* Извѣстно, что Аддиссонъ сочинилъ трагедію, *смерть Катонову.* Авторъ столь нравоучительный не оправдалъ бы самоубійства въ Христіянинѣ, но дозволилъ себѣ хвалить его въ Катонѣ, и прекрасный монологъ: It muſt be ſo... Plato, thou reaſonſt well, избавилъ нещастнаго Бодчеля отъ угрызенія совѣсти, которое могло бы спасти его отъ самоубійства. Хорошіе Авторы! думайте о слѣдствіяхъ того, что вы пишете!“ . . .

XI.

Удивительное дѣйствіе воображенія.

Одинъ славный Физикъ, издавъ прекрасную книгу о дѣйствіяхъ воображенія, желалъ еще присоединить опытъ къ умозрѣнію, и Министръ дозволилъ ему сдѣлать его надъ преступникомъ, осужденнымъ на смерть. Нашъ Физикъ пришелъ къ сему нещастному (который былъ знатнаго роду) и сказалъ ему: „Государь мой! друзья вашей фамиліи выпросили у Министра, чтобы васъ не казнить на эшафотѣ, а пустить вамъ кровь изъ четырехъ жилъ. Такимъ образомъ вы не почувствуете ужасовъ смерти.“ Преступникъ былъ тѣмъ доволенъ. Ему завязали глаза, положили его на столъ и тихонько укололи въ четырехъ мѣстахъ, поставивъ на столѣ четыре маленькіе фонтана, наполненные теплою водою, которая текла на него. Осужденный, думая, что это кровь, началъ ослабѣвать мало по малу. Слѣдующій разговоръ двухъ Медиковъ, нарочно туда приведенныхъ, еще болѣе утвердилъ его въ сей мысли....„ Какая чистая кровь! Жаль! онъ могъ бы жить долго“.... *Тише!* сказалъ другой, и подошедши къ нему, спросилъ, такъ, чтобы преступникъ могъ слышать его: сколько крови въ человѣкѣ? —

„24 Фунта; теперь уже вытекло болѣе десяти; онъ скоро умретъ.“... Послѣ чего Медики отошли далѣе. Молчаніе, которое царствовало въ комнатѣ, и журчаніе воды такъ сильно подѣйствовали на мозгъ сего нещастнаго, впрочемъ весьма твердаго сложеніемъ, что онъ угасалъ постепенно и наконецъ умеръ, не потерявъ ни капли крови. —

(*Изъ Фр. Журн.*)

XII.

Замѣчаніе о громѣ.

Ученый Италіянецъ, Г. Балиторо, пишетъ къ издателямъ Декады слѣдующее: „Я замѣтилъ, что громъ никогда не падаетъ на сѣверную часть домовъ, башенъ, „колоколенъ и проч. Долговременныя наблюденія меня въ томъ удостовѣрили. „Тридцать лѣтъ сряду я проводилъ весну „и осень въ моемъ замкѣ, старинномъ, „высокомъ зданіи; — всегда, когда начиналась гроза, уходилъ въ сѣверный флигель его, и тѣмъ избавлялся отъ опасности: ибо молнія почти всякой годъ „зажигала полуденную или восточную „сторону сего замка.“ — Наблюденія Французскихъ ученыхъ согласны съ симъ замѣчаніемъ, любопытнымъ и полезнымъ.

ПОЛИТИКА.

I.

Политическіе отрывки гражданина Эшассеріо (одного изъ лучшихъ политическихъ Авторовъ Франціи).

Народъ, живущій среди морей, безпрестанно стремится овладѣть ими. Флоты составляютъ его силу; и границею его торговли скоро будетъ граница міра. Главное искусство такого народа есть искусство богатѣть. Морскія силы, правила государственнаго хозяйства, законодательство, честолюбіе, все, все устремлено къ одной цѣли — къ превосходству торговли. Ссорить Державы твердой земли, чтобы господствовать на моряхъ; вездѣ заводить колоніи; сдѣлать другіе народы данниками своей промышленности, золотомъ покупать союзы и нанимать арміи для поддержанія колосса силы своей: вотъ его политика! Ему должно возвышаться всѣми средствами богатства и власти до послѣдней степени величія, когда число его людей будетъ уже недостаточно для занятія и правленія всѣхъ отдаленныхъ странъ, имъ завоеванныхъ;

или когда внутреннее развращенїе нравовъ истребитъ силу государственную, и сдѣлаетъ его жертвою непрїятелей. Такова была участь Карѳагена, и таковъ будетъ жребїй всякой морской Державы, которая присвоиваетъ себѣ господство надъ Океаномъ.

Честолюбїе народовъ твердой земли бываетъ инаго роду; на развитїе и перїоды ихъ силы дѣйствуютъ другїя причины. Островитяне, повелѣвающїе морями, не знаютъ границъ, кромѣ береговъ; народъ твердой земли останавливаютъ всѣ народы, его окружающїе.

Только-одинъ разъ судьба явила на землѣ примѣръ народа (*), который, не смотря на всѣ препятствїя Натуры и на сопротивленїе цѣлаго свѣта, стремился овладѣть вселенною.

Нѣкоторые народы имѣютъ великїя средства умножить силу свою, но не имѣютъ искусства ими пользоваться, и навсегда остаются въ ничтожествѣ. Другїе съ малыми средствами, но силою своего Генїя и случаевъ быстро возвышаются.

Государство, заключенное самою Натурою въ тѣсныхъ предѣлахъ и долженствовавшее, для утвержденїя бытїя сво-

(*) Римскаго.

его, побѣдить многочисленныхъ жестокихъ непрїятелей, всегда стремится испровертать все то, что можетъ противиться его щастїю. Сосѣдственные народы, слабые и несогласные, будутъ ему повиноваться. Оно сдѣлается властолюбивымъ по системѣ; и чего не прїобрѣтетъ оружїемъ, то покоритъ хитростїю и союзами; почувствуетъ нужду въ содержанїи многочисленнаго войска, въ мудромъ государственномъ хозяйствѣ и въ строгихъ правилахъ. Естьли начальники его великїе люди, — то оно безпрестанно должно возвеличиваться до самаго того времени, какъ забвенїе правилъ, утвердившихъ его силу, ошибки въ политикѣ, слабость правленїя или опасности чрезмѣрнаго величїя разстроятъ его гармонїю, испровертнутъ колоссъ и все обратятъ въ ничтожество.

Первый шагъ многолюднаго государства, которое просвѣщается, есть узнать силы свои; вторый прїобрѣсти уваженїе союзами и великими планами; третїй означить свое могущество завоеванїями и колонїями; а четвертый наконецъ есть увѣриться въ сей вѣчной истинѣ, что для всякой Державы назначена граница, за которую она не можетъ перейти безъ великихъ бѣдствїй.

И въ древности и въ наши времена видимъ государства, служащія примѣромъ всѣхъ возможныхъ постепенностей щастія.

Державы, имѣющія великое вліяніе, не всегда бываютъ излишно властолюбивы. Даже и въ то время, когда онѣ возвышаются симъ вліяніемъ, слѣдствіемъ ихъ природныхъ выгодъ, — и въ то время, говорю, судьба возвращаетъ имъ только ихъ истинныя права, утраченныя ошибками или слабостію Политики. Въ такомъ состояніи находится нынѣ Франція. Подобно рѣкѣ, которая отъ быстраго стремленія вылилась на время изъ береговъ своихъ, она въ буряхъ Революціи и въ жару побѣдъ выступила изъ предѣловъ; но снова вошла въ нихъ, и должна тамъ остаться для своего щастія и спокойствія Европы. Чего ей теперь желать? войны ли, новыхъ ли завоеваній? Войну начинаютъ единственно для того, чтобы усилиться или обогатиться. Уже 30 милліоновъ людей повинуются законамъ Республики: чего болѣе?.. Богатства ли желать ей, когда она владѣетъ самыми богатѣйшими и плодоноснѣйшими странами въ Европѣ? Народы, живущіе въ изобиліи благъ земныхъ, не опасны для свободы другихъ. Они щастливы, и желаютъ только наслаждаться плодами своей

торговли, промышленности, свободы, гражданственности, искусствъ и наукъ. Вотъ ихъ истинное величїе и цѣль! Тогда единственно могутъ они выступить изъ своихъ предѣловъ, когда безумное властолюбїе ослѣпитъ ихъ правителей, и когда забудутъ исторїю Французской Революцїи.

Въ Европѣ нынѣ три степени государствъ: одни по своей натурѣ стремятся къ возвышенїю, другїя довольны тѣмъ, что имѣютъ, и думаютъ единственно о своей защитѣ; а нѣкоторыя упадаютъ. Надобно прибавить къ нимъ еще тѣ государства, которыя остаются равнодушными зрителями приключенїй и почти всегда должны платить за революцїи.

Я говорилъ о большихъ Державахъ: будемъ говорить о малыхъ. — Область, которая въ самомъ началѣ своемъ являетъ признаки сильнаго характера и съ успѣхомъ отражаетъ бѣдствїя, гораздо опаснѣе старой, флегматической Державы, находящейся уже въ послѣдней эпохѣ бытїя своего. Не льзя предвидѣть, до чего можетъ достигнуть первая съ помощїю своего Генїя, мудрыхъ Правителей и щастливыхъ обстоятельствъ.

Теперь нѣтъ въ Европѣ ни одной малой области, которая имѣла бы при-

знаки будущаго величія. Революція потрясла землю, и такъ устрашила слабыя Державы, что все ихъ властолюбіе исчезло. Сильныя государства въ разсужденіи ихъ суть боги Олимпа, которые сражаются надъ головами смертныхъ.

Государство, имѣвшее нѣкогда блескъ и славу, но давно уже стоящее неподвижно на одной степени, часто показываетъ, что оно лишилось начала дѣятельности и жизни, и преступило границу силы своей. Сія Держава должна скоро погибнуть, естьли чрезвычайный случай или какой нибудь великой человѣкъ не воскреситъ истиннаго духа ея.

Великія государства держатся только трудностію завоевать ихъ, а малыя легкостію быть завоеванными. Ревность и совмѣстничество первыхъ хранитъ ихъ; когда же большія согласны, тогда начинаетъ дѣйствовать ихъ честолюбіе, и малыя дѣлаются его жертвою.

Безсильныя области могутъ утѣшаться тѣмъ, что онѣ не имѣютъ честолюбія силы, всегда сопряженнаго съ безпокойствомъ и самою опасностію; могутъ утѣшаться мыслію, что онѣ были нѣкогда частію великихъ государствъ, и что необходимыя перемѣны въ вещахъ

человѣческихъ возвратятъ ихъ со временемъ на прежнее мѣсто.

Нѣкоторыя государства держатся самымъ тѣмъ, что разрушаетъ многія: древностію учрежденій и нравовъ своихъ. Иногда предразсудки управляютъ разумомъ народовъ. Освященное временемъ противится разрушительному духу человѣка.

Есть немалыя области, которыхъ вліяніе на судьбу народовъ совсѣмъ нестрашно въ Политикѣ; а именно, *союзныя* (*). Почти всѣ онѣ родились отъ угнетенія, и духъ ихъ стремится единственно къ защитѣ и сохраненію бытія своего, которое можетъ быть долговременно, естьли судьба не вовлекаетъ ихъ въ революціи или не сближаетъ съ сильными государствами. Союзныя области имѣютъ три славныя эпохи: первую, когда онѣ свергаютъ иго тиранства; вторую, когда даютъ себѣ конституцію; а третью, когда граждане ихъ вооружаются за свободу отечества и нисходятъ во гробъ безсмертія. Ихъ революціи суть прекраснѣйшее зрѣлище для чувствительнаго Философа; а постыдная ихъ эпоха есть та, когда ино-

(*) На примѣръ, Швейцарія, Соединенныя Американскія Области, и пр.

странная Держава черезъ деньги присвоиваетъ себѣ власть надъ ними, закупая главныхъ чиновниковъ. Союзныя области могутъ удалить сїю опасность одною строгою нравственностїю. Между ими есть Республика, которая нынѣ обращаетъ на себя взоры всѣхъ друзей человѣчества, и должна дѣйствїемъ Природы и своихъ политическихъ учрежденїй быть нѣкогда главою другой части мїра.

Я не могу оставить сего предмета, не сообщивъ еще нѣкоторыхъ идей. — Характеръ и степень просвѣщенїя различаютъ народы. Философы замѣтили три вещи, которыя дѣйствуютъ на ихъ политическое бытїе: климатъ, правленїе, народное воспитанїе. Я прибавляю къ нимъ еще другую причину, имѣющую великое влїянїе на ихъ судьбу; а именно, дѣйствїе войны, революцїй и завоеванїй. Нѣтъ государства, которое въ продолженїе бытїя своего не измѣнялось бы отъ сихъ трехъ необходимостей судьбы человѣческой. Естьли они не порабощаютъ земли, то утверждаютъ силу ея. Государство, которое долгое время имѣло междоусобную войну, дѣлается внѣ страшнымъ; оно есть Геркулесъ, привычный къ побѣдамъ.

Государство, которое само собою произвело свою революцїю, совершаетъ ее всегда съ великимъ блескомъ и щастливымъ успѣхомъ; но естьли революцїя сдѣлана чужою Державою, то оно можетъ быть только на минуту свободно, и дѣлается жертвою безначалїя, самовластїя или другихъ государствъ: ибо великая *сила революцїонная* находится не въ немъ, а внѣ его.

Нѣкоторыя Державы вовлекаются въ революцїи отъ того, что онѣ хотятъ остановить ихъ: другїя бываютъ сильно потрясены ими.

Завоеванїя Аттилы, Тамерлана, Ченгисхана, Магомета и грозныхъ военачальниковъ пятаго вѣка, ввергнули мїръ въ варварство, суевѣрїе и рабство. Исторїя проклинаетъ сихъ разрушителей.

Генїй нѣкоторыхъ завоевателей извлекъ многїе народы изъ рабства, образовалъ и просвѣтилъ ихъ. Древность оплакивала смерть Александрову и сожалѣла, что полководцы, бывшїе наслѣдниками его великаго государства, не наслѣдовали его Генїя, имѣя не силу, а только безпокойство и слабость честолюбїя. Иначе страны, имъ покоренныя, отъ дѣйствїя революцїй, протекающихъ землю, не впали бы такъ скоро въ варварство.

Завоеванія сѣвера на югѣ истребили Искусства и Науки; завоеванія юга на сѣверѣ просвѣтили землю.

Жалуются на завоевателей; но мы никогда не видали бы завоеваній, естьли бы не было испорченныхъ или несогласныхъ народовъ. — Я хотѣлъ бы здѣсь упомянуть о другомъ человѣкѣ, въ которомъ Природа воскресила, кажется, Героя Македонскаго, и который черезъ завоеванія и великія перемѣны политическія имѣлъ на свой вѣкъ и на часть земли такое же сильное вліяніе. . . . но онъ стоитъ теперь передъ судилищемъ потомства.

Двѣ вещи властвуютъ надъ народами и судьбою человѣческою; онѣ, подобно доброму и злому Началу, дѣлятъ землю между собою: просвѣщеніе и невѣжество. Невѣжество ввергаетъ народы въ рабство; просвѣщеніе возноситъ ихъ ко славѣ и щастію. Господство варварскихъ народовъ есть знакъ истребленія всѣхъ свободныхъ идей. Паденіе народа, просвѣщеннаго всѣми знаніями гражданственности, есть бѣдствіе для человѣческаго роду. Оно два раза случилось въ мірѣ. Греки и Римляне, просвѣтители его, оставили за паденіемъ своимъ двадцать вѣковъ суевѣрія и рабства. Бытіе сихъ двухъ народовъ

въ темной ночи варварства кажется лучемъ, сїяющимъ надъ могилами. Одно сильное напряженїе человѣческаго духа и щастливѣйшее соединенїе случаевъ, которое бываетъ только однажды въ мїрѣ, могло вывести народы изъ сего печальнаго состоянїя.

Великїя происшествїя и открытїя перемѣняли отъ времени до времени образъ мїра. Сїи перемѣны не отъ людей зависѣли. Я говорю здѣсь единственно о тѣхъ причинахъ, которыя находятся во власти и въ естествѣ человѣка, дѣйствуютъ во всѣхъ вѣкахъ на судьбу народовъ и могутъ быть полезны для законодателей. Между сими причинами есть моральныя и физическїя, которыя имѣютъ скорое или медленное влїянїе на государства, возвышаютъ или низвергаютъ ихъ. Нѣкоторыя изъ нихъ суть дѣло рока; большая часть зависитъ отъ человѣческаго искусства и благоразумїя.

Иногда государства гибнутъ или упадаютъ на многїе вѣки отъ ошибки въ Политикѣ, отъ истребленїя великихъ учрежденїй или забвенїя древнихъ правилъ. Другїя возраждаются отъ Генїя великаго человѣка или отъ одного установленїя. Нѣкоторыя гибнутъ отъ злоупотребленїя силы своей; иныя отъ из-

лишняго распространенія, или отъ того, что не умѣютъ пользоваться своимъ могуществомъ.

Править государствомъ труднѣе, нежели основать его. Для послѣдняго нужно только мужество, для перваго сила Генія и великодушіе добродѣтели.

Въ жизни государствъ, подобно какъ въ человѣческой жизни, бываютъ трудныя положенія. Горе тѣмъ, которыя необходимо должны быть завоевателями или порабощенными, взять чью нибудь сторону, когда двѣ сильныя Державы воюютъ, или которыя входятъ во сферу великаго государства, начинающаго свою революцію! Одна необыкновенная мудрость Политики можетъ тогда спасти ихъ бытіе или независимость.

Всего труднѣе для государства, дошедшаго до нѣкоторой степени щастія и силы, остаться на ней; причина, которая возвела его на сію степень, не рѣдко влечетъ его далѣе. Вся Политика сей Державы должна устремлена быть на отраженіе случаевъ, побуждающихъ ее выйти изъ границъ своихъ. Истинное могущество находится въ умѣренной силѣ; за нею только опасности и бѣды. Есть слава, есть величіе, покупаемое

цѣною щастія; мечты властолюбія кроютъ подъ собою бездну.

Всего ближе къ паденію то государство, которое истощаетъ всѣ способы свои для блеска и хочетъ поддержать власть свою насиліемъ.

Держава, вышедшая однажды изъ обыкновенной сферы своей и достигшая до особеннаго величія, удерживается на сей степени единственно тѣми средствами, черезъ которыя она взошла на оную: сильнымъ народнымъ духомъ, твердостію характера, патріотизмомъ гражданъ. Отнимите сіи великія средства, и Держава ниспадаетъ въ прежнюю сферу или гибнетъ.

Нѣкоторыя государства возвышаются безъ системы и правилъ, не мудростію людей, а дѣйствіемъ случая. Никакое препятствіе, никакое явленіе не предусмотрѣно; никакое дѣло не обдумано; все теряется въ легкомысліи и непостоянствѣ; видно одно слѣпое, ненадежное щастіе.

Никакой народъ не имѣлъ такихъ мудрыхъ правилъ въ войнѣ и мирѣ, внѣ и внутри, какъ Римляне; ихъ прозорливость никогда не усыпала, и самыя нечаянныя обстоятельства, самыя необыкновенныя опасности не изумляли ее.

Искусство, одно искусство обращало всѣ революціи въ пользу Рима и вознесло сей удивительной народъ выше всѣхъ другихъ тогдашняго міра; паденіе Римской Имперіи было эпохою забвенія сихъ правилъ.

Примѣчайте народъ: естьли древнія правила, основавшія его благоденствіе, наблюдаются, то государство во всей силѣ своей; естьли же ихъ оставляютъ, то оно клонится къ паденію.

Правила имѣютъ величайшую власть надъ мнѣніями и дѣлами, и сіяютъ во всемъ блескѣ, когда ихъ забвеніе произвело бѣдствія, и когда возобновленіе сихъ правилъ требовало великихъ жертвъ. — Нѣкоторые люди въ чрезвычайныя времена имѣютъ еще болѣе вліянія, нежели правила: люди, которые оказали отечеству великія услуги, одарены высокою добродѣтелію, были гонимы и начальствовали мнѣніемъ; и тѣ люди — хотѣлъ бы я прибавить — которые въ страшныя времена были ужасомъ народа. . . . но тогда надлежало бы признать вліяніе злодѣйства. . . .

Чѣмъ болѣе слабѣютъ правила въ государствѣ, тѣмъ умнѣе должны быть его властители. — Мы видимъ народы въ древности, которые управлялись старинными заблужденіями и великими пред-

разсудками. Просвѣщенные народы имѣютъ довѣренность къ однимъ правиламъ и великимъ дѣйствїямъ ума, симъ двумъ источникамъ свободы и гражданскаго просвѣщенїя.

Люди сооружали храмы идоламъ, моральнымъ чувствамъ, предметамъ страха и любви своей. На землѣ не было бы столько угнетенїя, революцїй и бѣдствїй, когда бы гражданскїя общества изъявляли священное уваженїе къ правиламъ и чистымъ понятїямъ ума. Властители! законодатели! тамъ, гдѣ собирается совѣтъ вашъ, долженъ стоять ихъ достопочтимый образъ, естьли вы любите свободу и народное щастїе.

Сильнѣйшїе на землѣ народы, дерзающїе поднимать голову въ политическихъ буряхъ, суть тѣ, которыхъ гражданская свобода зависитъ не отъ трактата, союза или чуждаго влїянїя, но отъ силы ихъ учрежденїй. Они всегда отражаютъ завоевателей, пока хранятъ чистоту нравовъ, или пока время внутренняго разрушенїя еще не наступило. Учрежденїя суть, такъ сказать, гранитныя скалы, на которыхъ утверждается состоянїе гражданственности.

Къ симъ мыслямъ о разныхъ вещахъ, которыя имѣютъ влїянїе на судьбу на-

родовъ, я прибавлю еще одну идею. Три вѣка терзала Европу зависть великихъ Державъ. Союзы и заговоры возбудили много бурь, произвели много бѣдствія; но сіи нещастія были кратковременны. Завистливыя Державы обагряли землю кровію, и питали раздоръ въ свѣтѣ. Присоединяя народы къ своему честолюбію, онѣ двадцать разъ вовлекали ихъ въ войну; двадцать разъ играли судьбою государствъ. Сіе нещастное состояніе могло быть слѣдствіемъ единственно того, что Европа не имѣетъ *правъ государственныхъ*, которыя должны ограничивать дѣйствія просвѣщенныхъ гражданскихъ обществъ, находящихся въ связи между собою. Недостатокъ въ вѣрныхъ законахъ народнаго права раждаетъ несогласныя мнѣнія, которыя раждаютъ политическія несогласія; а сіи производятъ войну, гибель конституцій и государствъ.

Древніе народы, которыхъ бытіе основывалось на войнѣ, слѣдовали законамъ самой жестокой Политики, спорили между собою о владычествѣ надъ извѣстными тогда частями міра и не переставали губить другъ друга. Нещастнымъ правиломъ ихъ было: *горе побѣжденнымъ*! Храмъ Янусовъ не затворялся до истребленія врага. Не должно тому

дивиться: они не имѣли средствъ убѣжденія и благодѣтельныхъ связей общаго блага.

Гораздо чуднѣе покажется, что народы, которыхъ бытіе основано на искусствахъ и мирной промышленности; которые почти всѣ имѣютъ одни нравы, одну Религію, одну пользу безопасности, щастія и независимости — что сіи народы, говорю, воюютъ какъ варвары, и будучи гражданами просвѣщенной Европы, находятся между собою въ состояніи дикой Натуры.

Мысль ужасная для человѣчества... Нѣтъ государства, страны, колоніи; нѣтъ важнаго на земномъ шарѣ пункта, который не былъ бы предметомъ войны и страшнаго кровопролитія — ибо народы не имѣютъ общихъ законовъ войны и мира; до того времени не будетъ между ими согласія, пока ихъ властители не подпишутъ сего великаго устава — и естьли нынѣшняя эпоха не освятитъ его, то нѣтъ и надежды видѣть спокойствіе міра.

Къ щастію есть сила, которая умѣряетъ сіе ужасное состояніе, возстановляетъ гармонію, хранитъ народы, сближаетъ и не даетъ имъ истреблять другъ друга; она есть дѣйствіе торговли,

искусствЪ и наукЪ. Властители народовЪ! будьте ихЪ покровителями! онѢ суть твердѢйшая связь обществЪ.

Всѣ упомянутыя мною причины имѣютЪ разное влїянїе на разные народы. ИхЪ дѣйствїе теряется, такЪ сказать, по мѣрѣ удаленїя. Внѣ сего круга видимЪ народы, между которыми Политика или Натура не дозволяетЪ быть связямЪ. Менѣе просвѣщенїя, менѣе независимости; менѣе возможности усилиться и менѣе причинЪ разрушенїя; менѣе честолюбїя, но болѣе спокойствїя и надежности: вотЪ стихїи политическаго бытїя сихЪ народовЪ! Революцїи бываютЪ у нихЪ рѣдко; то, что вЪ другомЪ мѣстѣ потрясаетЪ основанїе государствЪ, едва трогаетЪ тамЪ ихЪ поверхность. Есть теперь и были вЪ древности такїе на землѣ народы. ИхЪ состоянїе можно перемѣнить завоеванїемЪ, но и тогда ихЪ нравы не перемѣняются.

ВЪ другомЪ положенїи находятся тѣ народы, которые сближены другЪ сЪ другомЪ плодоносными землями, свойствомЪ климата или иными случаями. Генїй, просвѣщенїе, сильныя политическїя страсти, перемѣны, все сообщается, все распространяетЪ свое влїянїе. ТутЪ ФилософЪ можетЪ вЪ великой картинѣ наблюдать

судьбу человѣческую, и видѣть какъ благотворныя дѣйствія общественнаго состоянія, такъ и нещастныя слѣдствія политической жизни; видѣть въ государствахъ напечатлѣнія законодательства, силу разныхъ учрежденій, глубокіе и кровавые слѣды честолюбія, власть предразсудковъ, ужасную игру народной ненависти и сраженіе несогласныхъ пользъ. Здѣсь-то дѣйствуютъ разныя причины успѣха, силы и паденія государствъ; здѣсь несутся волны революцій и совершаются великія измѣненія политическія; здѣсь соединяются для различнаго дѣйствія великія вліянія и законы, которымъ Творецъ физическаго міра подвергнулъ, кажется, міръ политическій. — Въ такомъ состояніи находится Европа, которая сдѣлалась главнымъ средоточіемъ народовъ, и въ которой рѣшится судьба земнаго шара. Сколь нужно, чтобы сія часть міра просвѣтилась всѣми благодѣтельными познаніями гражданскаго искусства!

II.

О посредствѣ Россіи и Франціи въ дѣлахъ Германіи.

(Изъ Французскаго Журнала.)

Съ самаго того времени, какъ трактатъ Люневильскій сдѣлался извѣстенъ, можно было предвидѣть, что седьмая статья его будетъ матеріею долговременныхъ переговоровъ. Германія, оставленная на ея собственный произволъ, могла ли когда нибудь утвердить новый раздѣлъ свой? и какимъ образомъ? сего не знали самые ученые Политики. Медленность Имперскаго Сейма въ теченіе осьмнадцати мѣсяцевъ никого не удивляла и была ничто иное, какъ новое повтореніе его всегдашней медленности. Несогласіе разныхъ выгодъ требовало посредниковъ. Франція и прежде съ мудростію и славою брала участіе въ дѣлахъ Нѣмецкой земли: Вестфальскій трактатъ остался великимъ того монументомъ; а новѣйшій безъ сомнѣнія не уступитъ ему ни въ мудрости, ни въ славѣ.

Въ Минстерѣ и Оснабрикѣ Франція рѣшила судьбу Германіи вмѣстѣ съ Державою, которая послѣ того лишилась великаго вліянія, даннаго ей оружіемъ

Густава Адольфа. Нынѣ Францїя рѣшитъ судьбу Нѣмецкихъ Князей съ Державою, которая тогда была едва извѣстна, но давно уже занимаетъ первую степень въ Европѣ. Такъ Имперїи возвышаются и падаютъ: Францїя всегда остается. Исторїя наполнена славными для нее воспоминанїями, и со временъ Бреннуса до Бонапарте народъ Французскїй является во всѣхъ великихъ эпохахъ съ такимъ блескомъ и могуществомъ, надъ которымъ и самое время не имѣетъ, кажется, власти.

Россїя, за четыре года передъ симъ отправлявшая армїи въ Германїю, по желанїю Австрїи, чтобы сражаться съ Францїею, нынѣ вмѣстѣ съ Республикою представляетъ мудрый планъ, который уменьшаетъ силу Австрїи въ Нѣмецкой землѣ, занимаетъ глубокомыслїе наблюдателя и есть великое наставленїе для всѣхъ Кабинетовъ.

Россїя вела войну славно и съ рѣдкимъ безкорыстїемъ; а теперь съ такимъ же славнымъ безкорыстїемъ совершаетъ миръ, и доказываетъ, что она хочетъ единственно порядка, спокойствїя, общаго блага. Сїя великая Держава является нынѣ предметомъ всемїрнаго почтенїя, всемїрной довѣренности.

Россія, будучи въ союзѣ съ Франціею, можетъ хранить миръ Европы. Сіи два государства, соединенныя дружествомъ, предпишутъ законъ политическому міру. Французы рады способствовать уваженію Россіи; ихъ доля такъ славна, что они могутъ никому не завидовать. Защитница Италіи, посредница въ Германіи, и вездѣ страшная, Франція возвысила друзей своихъ, унизила непріятелей и сказала въ общемъ хаосѣ дѣлъ: *да будетъ свѣтъ!* Нынѣшнее ея Правительство исполнило желанія Генриха IV и планы Кардинала Ришельё. Сіи два великіе мужа, столь различные умомъ, особливо душею, оба знали то, что принадлежитъ Франціи. Ихъ тѣни могутъ быть довольны!

III.

Извѣстія и замѣчанія.

Россія.

8 Сентября 1802 году будетъ отнынѣ памятно въ Россіи: въ сей день подписанъ ЕГО ИМПЕРАТОРСКИМЪ ВЕЛИЧЕСТВОМЪ манифестъ о новомъ образованіи Министерства и Указъ о пра-

вахъ и должностяхъ Сената. Сердца Патріотовъ берутъ живѣйшее участіе въ такихъ важныхъ и для государственнаго блага рѣшительныхъ учрежденіяхъ: кто же изъ Русскихъ въ царствованіе АЛЕКСАНДРА можетъ быть не Патріотомъ? Кто, радуясь настоящему, не устремляетъ радостнаго взора и на будущее, въ которомъ должны созрѣть благодѣянія нашего любимаго Монарха? Кто не увѣренъ въ патріотической ревности сихъ достойныхъ мужей, возвеличенныхъ именемъ *Министровъ Россіи*, Державы, которая никогда не была столь близка къ изключительному первенству въ цѣломъ свѣтѣ, какъ нынѣ? Славный путь дѣятельности открывается для всякаго изъ нихъ! . . . Способствовать утвержденію мудрой политической системы въ Европѣ, торжеству святаго правосудія внутри Имперіи, благоустройству во всѣхъ частяхъ ея, мирнымъ искусствамъ гражданственности и народному просвѣщенію, котораго одно имя столь любезно душѣ благородной, и безъ котораго нѣтъ ни славы, ни величія, ни морали въ государствахъ . . . какія обязанности! Не одна Франція должна вѣчно хвалиться Сюлліями и Кольбертами; не одна Данія должна просла-

влять своихъ Бернсдорфовъ — Министровъ, которые считали свои кабинеты за преддверіе храма славы, и, подписывая бумаги, думали, что они подписываютъ собственный приговоръ въ судилищѣ Исторіи: ибо мудрые, ревностные Министры раздѣляютъ безсмертіе съ великими Государями. Здѣсь любовь и почтеніе согражданъ, а тамъ славное имя. Уже прошло то время въ Россіи, когда одна милость Государева, одна мирная совѣсть могли быть наградою добродѣтельнаго Министра въ теченіе его жизни: умы созрѣли въ щастливый вѣкъ ЕКАТЕРИНЫ, и Россіяне чувствуютъ достоинство знаменитыхъ Патріотовъ, цѣну ихъ усердія къ отечеству и къ Монарху, цѣну чистой добродѣтели; теперь лестно и славно заслужить вмѣстѣ съ милостію Государя и любовь просвѣщенныхъ Россіянъ. — — Читая Указъ о правахъ и должностяхъ Сената, Россіянинъ благоговѣетъ въ душѣ своей предъ симъ Верховнымъ Мѣстомъ Имперіи, которое никакому правительству въ мірѣ не можетъ завидовать въ величіи, будучи храмомъ вышняго правосудія и блюстителемъ законовъ, столь священныхъ нынѣ въ Россіи. Сей Указъ напоминаетъ намъ славное начало Сената, когда первый Импе-

раторъ Россіи, побѣдивъ Швецію и приготовляясь къ новой, не менѣе опасной войнѣ, основалъ его какъ спасительный колоссъ власти въ столицѣ государства, и съ торжественными обрядами Самъ повелъ Сенаторовъ къ олтарю Всевышняго, клясться предъ лицемъ Россіи, что они будутъ вѣрными Государю и государству, правдѣ и совѣсти до послѣдняго *изданія силы, памятуя будущій престолъ и на немъ Сѣдящаго въ день страшнаго испытанія*: клятва великая и святая, которою Сенаторъ навсегда обрекается быть живымъ органомъ государственной добродѣтели, и дѣлается въ глазахъ каждаго Россіянина истинно знаменитымъ сыномъ отечества: ибо великія обязанности дѣлаютъ человѣка знаменитымъ, предполагая въ немъ особенную силу или добродѣтель для ихъ исполненія. Щастливое царствованіе АЛЕКСАНДРА оживляетъ все великое, все славное прошедшихъ временъ Россіи, украшаясь еще *новымъ* величіемъ и новою славою.

Регенсбургъ отъ 10 Сентября.

Планъ удовлетворенія, предложенный Россійскимъ Императоромъ и Францією, утвержденъ большинствомъ голосовъ

въ Регенсбургской *Имперской Депутаціи*, которая желаетъ только права, въ случаѣ частныхъ возраженій, сдѣлать въ немъ нѣкоторыя легкія перемѣны. Хотя Монитёръ забавнымъ образомъ увѣряетъ, что Вѣнскій Кабинетъ на все согласенъ; но Австрійскія ноты, обнародованныя въ Регенсбургѣ, доказываютъ противное. Въ нихъ сказано, что Австрійскій Министръ въ Парижѣ не имѣлъ никакой идеи о сочиненіи сего плана; что Талеранъ всегда говорилъ о *независимости* Имперскаго Сейма и полной свободѣ его; что пятая статья Люневильскаго трактата обѣщаетъ бывшему Тосканскому Герцогу совершенное удовлетвореніе; что онъ имѣлъ четыре милліона флориновъ доходу, а вмѣсто того хотятъ теперь удовольствовать его однимъ милліономъ, и проч. Не смотря на то, Римскій Императоръ, какъ глава Имперіи, долженъ теперь согласиться на рѣшеніе Депутаціи; но ратификація его еще не объявлена. Между тѣмъ Французскія войска на Реинѣ приведены въ движеніе, и Бонапарте (какъ пишутъ) требуетъ, чтобы Австрійцы вышли изъ Пассау. Нынѣшнія обстоятельства весьма неблагопріятны для гордости Вѣнскаго Кабинета.

Парижъ отъ 10 Сентября.

Консулъ опять присутствовалъ въ Сенатѣ, гдѣ Министръ Талеранъ доносилъ ему о заключенїи извѣстнаго уже трактата съ Турецїею и мира съ Алжирскимъ Деемъ, который удовлетворилъ всѣмъ требованїямъ страшнаго Бонапарте, и за то получилъ дозволенїе снова грабить Европейцевъ, кромѣ Французовъ и гражданъ Италїянской Республики. Талеранъ, предлагая трактатъ, заключенный съ Портою, сказалъ: „Отличительнымъ „характеромъ послѣдняго десятилѣтїя „было явное противорѣчїе между чув„ствами, выгодами и дѣлами народовъ. „Какая-то неизъяснимая судьба вовлека„ла государства и въ войну и въ союзы; „одни соединялись, не переставая нена„видѣть другъ друга; иные воевали, бу„дучи друзьями въ сердцѣ; ибо въ раз„рушенїи общихъ Европейскихъ связей, „задолго приготовленномъ, зданїе на„роднаго права исчезло, и Политика за„была свои преданїя, системы, мѣстныя „правила. Министерства, устрашенныя „опасностями, утратили чувство ихъ „драгоцѣннѣйшей пользы, боялись даже „самыхъ *благодѣтельныхъ привычекъ* сво„ихъ и слѣдовали гибельнымъ вну„шенїямъ. Въ такомъ состоянїи на-

„ходилась особенно Блистательная Пор-„та, когда она, къ изумленію Евро-„пы, объявила себя врагомъ Франціи.“ Послѣ чего искусный Министръ Талеранъ доказываетъ, что Бонапарте въ самомъ дѣлѣ ни чѣмъ не оскорбилъ Султана; что онъ, занявъ Египетъ, хотѣлъ услужить Портѣ, просвѣтить, обогатить сію землю и сдѣлать ее средоточіемъ торговли. Такимъ образомъ Французы могли бы вступить въ Константинополь, увѣряя Султана, что они единственно изъ дружбы къ нему берутъ на себя трудъ привести его имперію въ порядокъ! На что, кажется, говорить то, чего самъ не думаешь, и чему никто не вѣритъ? — Талеранъ читалъ въ Сенатѣ письмо Консула Бонапарте къ Алжирскому Дею, въ которомъ онъ называетъ его *высокимъ* и *великолѣпнымъ*, моля Бога, чтобы Онъ сохранилъ благоденствіе и славу сего Африканца Теперь Французскіе Журналисты не осмѣлятся уже назвать Дея атаманомъ разбойниковъ! Мы замѣтили еще одно выраженіе въ семъ письмѣ. *Богъ положилъ въ совѣтѣ Своемъ*, говоритъ Бонапарте, *чтобы всѣ враги мои были наказаны!* Испуганный Дей, освободивъ плѣнныхъ Французовъ,

даетъ слово Консулу быть его всегдашнимъ другомъ.

Бонапарте обнародовалъ слѣдующее опредѣленіе Сената: „Консулы созываютъ „Сенатъ, назначая дни и часы засѣда„нія. Ораторы Правленія, предлагая за„коны, обращаютъ рѣчь къ Сенату, а „Сенаторы къ Консуламъ. Естьли Пер„вый Консулъ не можетъ быть въ Сена„тѣ, то онъ вмѣсто себя письменно на„значаетъ въ предсѣдатели одного изъ „своихъ товарищей, и сію бумагу чита„ютъ при открытіи засѣданія. Когда „надобно выбирать Членовъ Сената, „Законодательнаго Корпуса и проч., то„гда одинъ изъ Сенаторовъ, по выбору „Перваго Консула, можетъ заступить „его мѣсто подъ именемъ Вице-Прези„дента. Кресла его должны стоять ни„же Консульскихъ, между столами двухъ „Секретарей.“ — Извѣстно, что Бонапарте далъ Сенату право распускать или уничтожать Законодательный Корпусъ и Трибунатъ: нынѣ обнародованы формы сего уничтоженія. Надобно, чтобы Консулы предложили его; тогда Сенатъ избираетъ особенную коммиссію для изслѣдованія, выслушиваетъ ея донесеніе и по тайномъ собраніи голосовъ опредѣляетъ, что „Трибунатъ

„или Законодательный Корпусъ уни-„чтоженъ.“ Члены ихъ должны итти, куда хотятъ; а на мѣсто ихъ Сенатъ выбираетъ новыхъ. И такъ важна ли теперь законодательная власть во Франціи?

Мы, къ щастью, ошиблись, думая, что Фоксъ не захочетъ быть предстаавленъ Консулу. Онъ имѣлъ эту честь 2 Сентября. Вотъ что говорятъ о томъ Парижскіе Журналисты: „Аудіенція сего „дня была самая блестящая. Такое со-„браніе Пословъ мирной Европы есть ве-„ликое, торжественное и даже трога-„тельное зрѣлище, особливо, когда мы-„сли обратятся назадъ; когда вспомнишь „Францію, еще недавно одну среди Евро-„пы, вооруженной противъ ея свободы и „самаго бытія! . . . Тогда признатель-„ность заступаетъ мѣсто удивленія, и „сердце живо чувствуетъ всѣ благодѣ-„янія мира. — Послѣднее собраніе было „еще любопытнѣе присутствіемъ чело-„вѣка, который съ такимъ краснорѣчі-„емъ доказывалъ необходимость сего мира, „*завоеваннаго* нами съ такою славою. „Сія минута безъ сомнѣнія можетъ на-„зваться *пріятнѣйшею* минутою Фоксо-„вой жизни, и отличная благосклон-„ность, изъявленная ему Первымъ Кон-„суломъ, *наградила* его *самымъ лестнымъ*

„*образомъ* за то мужество, съ которымъ „онъ въ Парламентѣ отражалъ усилія „безразсудныхъ, имѣвшихъ жестокость „требовать войны.“ Бонапарте два раза „подходилъ къ нему, и послѣ многихъ „лестныхъ для Оратора словъ, сказалъ: „*Въ свѣтѣ только два народа: одинъ живетъ на востокѣ, а другой на западѣ. „Англичане, Французы, Нѣмцы, Италіянцы, и проч., имѣя одно гражданское „уложеніе, одни нравы и почти одну Реліго, могутъ назваться дѣтми одного „семейства; и люди, желающіе возобновить „войну, хотятъ войны междоусобной. Вы, „государь мой, утверждали эту мысль въ „вашихъ рѣчахъ, съ такою силою, которая „дѣлаетъ равную честь вашему уму и сердцу.* „Фоксъ въ тотъ же день обѣдалъ у Перваго Консула, который въ присутствіи „многочисленнаго собранія весьма долго „говорилъ съ нимъ.“ — Не удивительно, что Бонапарте отличилъ такимъ пріемомъ славнаго Англійскаго Оратора; но сказать, что эта минута наградила Фокса за его правила и твердость, есть верхъ смѣлой нескромности Французскихъ Журналистовъ, сихъ Каммеръ-Юнкеровъ Тюлерійскаго Двора. Фоксъ и всякой Патріотъ служитъ своему отечеству и награждается чувствомъ исполненной дол-

жности, любовїю согражданъ, славою, а не привѣтливымъ словомъ Французскаго Консула.

Генералъ Ланъ, бывшїй Французскимъ Посломъ въ Лиссабонѣ, арестованъ въ Орлеанѣ: доказательство, сколь Бонапарте не доволенъ его поступкомъ! Онъ вздумалъ торговать, выписывалъ товары изъ Францїи, не хотѣлъ платить пошлинъ, разсердился за справедливое требованїе Лиссабонской таможни и немедленно выѣхалъ изъ Португаллїи. Такое грубое корыстолюбїе удивительно въ храбромъ Генералѣ. — Въ одномъ Парижскомъ Журналѣ сказано, что Лафаетъ умеръ въ деревнѣ. — Жена Туссеня Лувертюра отвезена въ Байону вмѣстѣ съ дѣтми своими, и будетъ жить тамъ за карауломъ.

Лордъ Витфортъ, Посолъ Англїи, отправляется наконецъ въ Парижъ. Французскїй Генералъ Андреосси также ѣдетъ въ Лондонъ; но Англїйскїе Министры все еще не хотятъ исполнить требованїй Консула, чтобы унять Журналистовъ, ссылаясь на законы своего государства и предоставляя Французскому Министру жаловаться на нихъ въ судѣ.

Еще новая конституція, новая независимая Республика въ Европѣ - Валлисская — которая будетъ подъ особенною защитою Французской, Италіянской и Швейцарской. Маленькой прекрасной городокъ, Сіонъ, объявленъ ея столицею. Французскія войска должны занимать всѣ Натурою укрѣпленныя мѣста, служащія ей границею. Она управляется народнымъ Сеймомъ и Совѣтомъ, въ которомъ засѣдаетъ Главный Чиновникъ или Великой Бальи и два Совѣтника, и который имѣетъ исполнительную власть; а законодательная принадлежитъ Сейму. Валлисская Республика не будетъ имѣть Министровъ въ чужихъ государствахъ, полагаясь во всемъ на Министровъ Франціи, Италіянской и Швейцарской Республики. Гражданинъ Августини сдѣланъ Великимъ Бальи сей маленькой области, которая прежде составляла часть Швейцаріи, и которую столь прекрасно описалъ Жанъ Жакъ Руссо. — Малые Кантоны Швейцарскіе все еще упорствуютъ въ своемъ мятежѣ, и не хотятъ соединиться съ большими.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

ОКТЯБРЬ 1802.

№ 20.

ЛИТТЕРАТУРА и СМѢСЬ.

I.

Женщина - Авторъ.

Сказка Госпожи Жанлисъ.

Есть два рода совѣтовъ; первый: *дѣлай по-моему; мнѣ хорошо* — второй: *не дѣлай по-моему; мнѣ дурно.* Въ первомъ случаѣ мы слышимъ гласъ убѣдительной мудрости, а во второмъ смиренное признанїе раскаянїя, не менѣе убѣдительное и полезное, ибо оно есть слѣдствїе опытности.

Доротея и Эмилїя, двѣ сестры и сироты отъ самой колыбели, были вмѣстѣ воспитаны въ монастырѣ, и нѣжная дружба ихъ, возрастая съ ними, служила имъ первымъ утѣшенїемъ въ жизни.

Доротея, четырмя годами старѣе сестры своей, вышла за-мужъ двадцати лѣтъ, но не могла разстаться съ нею, и взяла ее къ себѣ. Эмилїя черезъ шесть

лѣтъ отдала руку свою пожилому Генералу, свойственнику зятя ея.

Сестры были сходны между собою пріятностями ума, добрыми качествами сердца, но не характерами. Доротея соединяла благородную душу съ великимъ благоразуміемъ, которое управляло ея поведеніемъ. Она брала всѣ нужныя осторожности въ важныхъ случаяхъ, но презирала низкую робость; не знавъ легкомыслія и вѣтрености, умѣла иногда рѣшиться на великія опасности, но тогда единственно, когда должность или чувство требовали жертвы; смѣлость была для нее великодушіемъ, геройствомъ, а не безразсудностію. Она употребляла разумъ и всѣ природныя дарованія въ истинную свою пользу, слѣдственно и въ пользу друзей; будучи проницательною, удалялась отъ сѣтей коварства и предвидѣла во всемъ слѣдствія; по своей нѣжной чувствительности знала святость всякой обязанности и соблюдала ихъ; наслаждалась благодѣяніями судьбы и пользовалась нещастіемъ. Эмилія, остроумная и великодушная, не могла равняться съ сестрою въ твердой основательности. Она имѣла ту мягкость и быстроту чувства, которая раждаетъ таланты, но вредна для характера; будучи весьма любопытна и

понятна, могла заниматься самыми важными Науками; а страсть къ пріятнымъ Искусствамъ заставляла ее любить утѣхи вѣтрености. Разнообразіе упражненій давало ей видъ непостоянства. Она хотѣла узнать столько вещей, что не имѣла времени думать о себѣ, и желая избавиться отъ труда исправлять пороки свои, рѣшилась загладить ихъ возвышеніемъ своихъ добродѣтелей, которыя, вышедши изъ предѣловъ умѣренности, сдѣлались вредными или опасными. На примѣръ, ея безкорыстіе и великодушіе обратились въ безразсудность, добросердечіе въ слабость, рѣшительность въ дерзость, искренность въ нескромность, а правдивость въ смѣшное легковѣріе. Чрезмѣрная чувствительность сдѣлала для нее тонкость и проницательность ума безполезными. Эмилія никогда не знала хорошо тѣхъ, кого любила, и воображала привязанность ихъ къ ней самою романическою. Однимъ словомъ, она своею живостію, веселостью и простосердечіемъ нравилась друзьямъ и всѣмъ, жившимъ съ нею; но не умѣя ни принуждать себя, ни скучать добровольно, часто оскорбляла постороннихъ безразсудною откровенностію; смѣялась надъ смѣшными, молчала, задумывалась съ глупцами, и нажила себѣ

множество непріятелей. Она не знала сего нещастія въ первые годы свѣтской жизни своей; была робка, скромна, и обращала на себя вниманіе одною пріятною наружностію и блестящими талантами; не имѣла кокетства и не желала славиться умомъ: ибо съ такимъ любопытствомъ смотрѣла на всѣ предметы, такъ любила всѣ забавы общества, — балъ и маскарадъ казались ей столь веселыми, комедія столь пріятною, и великолѣпные праздники Двора столь плѣнительными, что она забывала самоё себя. Ее хвалили въ свѣтѣ и любили въ семействѣ; это время было щастливѣйшимъ въ ея жизни. Не смотря на живую склонность къ разсѣянію, она еще болѣе любила чтеніе и кабинетныя упражненія; въ самомъ дѣтствѣ своемъ сочиняла, и въ двадцать лѣтъ написала уже нѣсколько комедій, романовъ, моральныхъ разсужденій, но таила свое авторство. Одна Доротея была ея повѣренною. Вдругъ Эмилія перестала выѣзжать и заключилась дома; родственники и друзья не видали ее недѣли по-двѣ, и жаловались. Доротея хотѣла знать, отъ чего свѣтъ сталъ ей такъ противенъ? Нѣтъ, отвѣчала она: свѣтъ мнѣ ни мало не противенъ; я нынѣ также веселюсь съ людми, когда бываю въ обще-

ствѣ; но дома для меня еще веселѣе; сочиненіе есть главное мое удовольствіе. — „Берегись этой опасной страсти, любезная Эмилія!“ — Для чего же? что можетъ быть сладостнѣе и невиннѣе такого удовольствія? Мнѣ только еще двадцать лѣтъ, но я уже знаю тлѣнность и ничтожность всѣхъ нашихъ радостей. Мы занимаемъ одну точку въ пространствѣ; жизнь кратковременна, и смерть не взираетъ на цвѣтущія лѣта... Ахъ! я хочу оставить дружбѣ вѣчныя воспоминанія, лучшую часть самой себя, свои мнѣнія, умъ, душу и сердце. Время уноситъ все, что дѣлаемъ въ теченіе дня. Пою ли романсъ, играю ли сонату на арфѣ — звуки исчезаютъ, и мое удовольствіе не оставляетъ никакихъ слѣдовъ, подобно мечтѣ воображенія. Мнѣ надобны другія пріятности. — „Однакожъ надѣюсь, милая сестра, что ты никогда не вздумаешь печатать своихъ мыслей?“ — Могу увѣрить тебя, что не думаю и не хочу. — „Тѣмъ лучше.“ — Не могу даже вообразить того безъ отвращенія, хотя знаю, что оно происходитъ не отъ разсудка, а единственно отъ моей робости и предразсужденій. — „Но естьли хорошенько подумаешь, то увидишь, что эта щастливая робость совершенно согласна съ раз-

судкомъ.“ — По чему же? Естьли со временемъ буду въ состоянiи написать книгу полезную для воспитанiя, Религiи, Морали, то не обязана ли обнародовать ее? — „Вообразимъ, что по странной склонности ты вздумаешь учиться Тактикѣ и откроешь въ душѣ своей Генiй Тюреня, благоразумно ли будетъ тебѣ *переряди*ться въ мущину и записаться въ военную службу?“ — Разумѣю: ты думаешь, что женщина, дѣлаясь Автоpомъ, *переряжается* и бросаетъ перчатку мущинамъ.... „Безъ сомнѣнiя: они сражаются на этой сценѣ, дорожатъ побѣдою, и не уступятъ лавровъ своихъ бѣдному, слабому *получеловѣку*. Что составляетъ главную прелесть, главное свойство женщины? Скромность. Какъ бы она ни была невинна въ душѣ, но не есть уже честь и примѣръ своего пола, когда гордо скажетъ цѣлому свѣту: *слушай меня*! Ты конечно осудишь женщину, естьли она въ комнатѣ заговоритъ громко, возметъ на себя право рѣшить, или вздумаетъ только показываться смѣлою. Ты желаешь, чтобы она во всякiя лѣта сохраняла нѣжный видъ робости, умѣряла всѣ движенiя, самую веселость, самую чувствительность; чтобы она во всякомъ случаѣ боялась *показываться*, и краснѣлась, когда на нее

смотрятъ, — по крайней мѣрѣ опускала глаза въ землю. Какъ же согласить эту нѣжную таинственность сердечной кротости, эту плѣнительную, трогательную стыдливость съ гордыми намѣреніями и блестящимъ дѣломъ Автора?" — Можно ли назвать гордостію искреннее желаніе предложить нѣкоторыя полезныя идеи? — „Напечатать книгу, не есть ли сказать: „я думаю, что она *по крайней мѣрѣ* хо„роша; думаю, что мысли мои достойны „вниманія свѣта и потомства?" Вотъ что сказано ясно и безъ всякихъ обиняковъ въ тысячѣ предисловій! а естьли умъ и вкусъ не дозволятъ говорить такъ откровенно, публика все угадаетъ мнѣніе Автора." — Однакожь могу увѣрить тебя, что я не думала бы такъ о своихъ напечатанныхъ книгахъ. — „Что нужды? другіе приписали бы тебѣ такой образъ мыслей, и не безъ основанія. Гордость извинительна въ мущинѣ, а въ насъ несносна." — Иной заключитъ изъ того, что родиться женщиною есть нещастіе. — „Не ты, надѣюсь." — О! нѣтъ... скажу вмѣстѣ съ Поэтомъ, что

Мой выборъ угадавъ, Богъ выбралъ за меня!

Воображая опасности и труды войны, глубину Политики, скуку дѣлъ, благодарю Провидѣніе, Которое сотворило насъ

быть только утѣшенїемъ или наградою въ такихъ бѣдствїяхъ и безпокойствахъ. — „Я согласна съ тобою. Состоянїе женщины, подобно всѣмъ другимъ, щастливо и прїятно, естьли мы имѣемъ нужныя для него добродѣтели; нещастливо, естьли предаемся сильнымъ страстямъ: любви, которая влечетъ въ заблужденїя; честолюбїю, которое дѣлаетъ насъ коварными, и гордости, которая есть развратъ женскаго сердца. Мущина, желая быть женщиною, показываетъ малодушїе; женщина, хотящая сдѣлаться мущиною, теряетъ уже свое достоинство.“ — Правда, мы не должны жаловаться; судьба наша есть мирная тишина, а должность щастїе. — „И такъ не печатай никогда сочиненїй своихъ, милая Эмилїя! Естьли будешь Авторомъ, то потеряешь навсегда и спокойствїе и всѣ прїятности своего любезнаго характера. Люди заключили бы о тебѣ несправедливо. Напрасно осталась бы ты по-прежнему милою и добродушною: друзья твои не могли бы уже обходиться съ тобою такъ просто и свободно, какъ съ равною себѣ. Другїе воображали бы тебя гордою надменною, до крайности честолюбивою; по крайней мѣрѣ такъ бы говорили, и всѣ глупцы, для которыхъ умъ есть вели-

кое преступленіе, повторяли бы рѣчи ихъ съ душевнымъ удовольствіемъ. Ты лишилась бы любви женщинъ и подпоры мущинъ; вышла бы изъ своего круга, не вступивъ въ ихъ сферу. Они никогда не сравняютъ съ собою Автора-женщины: при нашемъ недостаточномъ воспитаніи такое *равенство* сдѣлалось бы уже *превосходствомъ*. Сохранимъ съ ними пріятную, нужную связь, образованную *великодушною силою* и *благодарною слабостію*. Къ кому обратимся, ежели покровители будутъ нашими совмѣстниками? Оставимъ имъ славу, которая стоитъ такъ дорого, и которую покупаютъ они цѣною крови своей! Для насъ славою должно быть щастіе; истинная героиня есть добродѣтельная мать и супруга!"

Сей разговоръ утвердилъ Эмилію въ благоразумномъ намѣреніи не издавать сочиненій, но не прохладилъ охоты ея размышлять и писать.

Удовлетворяя истинной склонности, человѣкъ можетъ обойтись безъ славы. Эмилія не желала ее, хотя и не знала еще ея непріятностей; пользовалась своими талантами, не думая блистать ими; въ разговорѣ изъявляла живость, когда онъ занималъ умъ или сердце ея; была любезна съ тѣми, которые ей нравились,

и, такъ сказать, *уничтожалась* съ другими; писала, какъ говорила или играла на арфѣ, единственно для своего удовольствія; дѣлала все по склонности, безъ цѣли и намѣреній.

На двадцать-второмъ году Эмилія оплакала смерть мужа своего и прожила шесть мѣсяцевъ въ деревнѣ. Дѣла заставили ее возвратиться въ Парижъ. По концѣ своего траура она явилась въ свѣтѣ, который принялъ молодую и любезную вдову какъ новую для себя женщину. Холостые мущины обходились уже съ нею ласковѣе и свободнѣе, имѣя разныя намѣренія; сама она сдѣлалась искреннѣе и еще любезнѣе.

Эмилія увидѣла въ свѣтѣ человѣка, котораго она мало знала, но котораго встрѣчала всегда съ удовольствіемъ. Онъ назывался Жермёлемъ, былъ хорошъ лицомъ, и считался пріятнѣйшимъ свѣтскимъ человѣкомъ. Такую похвалу надлежало заслуживать въ Парижѣ тонкимъ умомъ и вкусомъ. Всѣ знали привязанность Жермёля къ Графинѣ Нанжисъ, которая славилась при Дворѣ не только красотою, но и самымъ непорочнымъ поведеніемъ. Всѣ говорили, что Жермёль пятилѣтнею своею любовію пріобрѣлъ только одно тайное увѣреніе во взаимной склон-

ности; но отдавая сію справедливость Графинѣ, всякой думалъ, что она рано или поздно уступитъ чувству, котораго не можетъ ни побѣдить, ни скрывать. Эта романическая страсть дѣлала Жермёля еще любезнѣе въ глазахъ женщинъ.

Эмилія, пріѣхавъ на нѣсколько дней въ деревню къ одной своей родственницѣ, нашла тамъ Жермёля, который на другой день хотѣлъ возвратиться въ Парижъ. Ввечеру онъ сѣлъ за столъ подлѣ нее. Эмилія, робкая въ обхожденіи съ молодыми людми, не чувствовала съ нимъ никакой неловкости. Извѣстная его привязанность къ Графинѣ Нанжисъ не дозволяла другимъ красавицамъ предполагать въ немъ желанія нравиться, которое всегда приводитъ въ замѣшательство женщину, даже и тогда, когда оно ей пріятно.

Эмилія была въ сей вечеръ отмѣнно мила. Жермёль смотрѣлъ и слушалъ ее съ удивленіемъ, не понимая, какъ онъ прежде не замѣчалъ ея любезности. Жермёль страстно любилъ музыку и самъ пѣлъ очень пріятно: ему хотѣлось слышать, какъ поетъ Эмилія. Но арфа ея была не настроена; она уговаривала его остаться въ деревнѣ еще дни на два: онъ согласился. Играли, пѣли, гуляли въ садахъ, и прекрасная вдова была веселѣе

и плѣнительнѣе обыкновеннаго. Изъ женщинъ ихъ общества всѣхъ менѣе нравилась Меланида, и не смотря на умъ свой, дѣлалась смѣшною отъ чрезмѣрнаго самолюбія (что всегда происходитъ отъ недостатка во вкусѣ). Имѣя грубыя черты и большой ростъ, Меланида не могла считать себя *пріятною*, но за то гордилась *Минервиною красотою*, хотѣла блистать нарядами и несносно кокетствовала во всѣхъ своихъ движеніяхъ. Въ лицѣ, въ ужимкахъ и въ походкѣ ея было столько необыкновеннаго, что всякой обращалъ на нее глаза, когда она входила въ комнату; принимая любопытство за удивленіе, Меланида думала: *никакая женщина не производитъ такого дѣйствія*; и сія забавная мечта гордости ясно выражалась въ ея *мужественной поступи*, въ смѣломъ и геройскомъ видѣ. Она не знала, что тѣ мущины, которые лучше другихъ умѣютъ любить, никогда не смотрятъ пристально на молодыхъ и скромныхъ красавицъ; искусство прельщать похоже въ семъ случаѣ на любовь: оно боится оскорбить свой предметъ, взглядываетъ на него украдкою, и плѣняясь красотою, уважаетъ стыдливость. Меланида была очень умна, но не имѣла въ разумѣ ни малѣйшей пріятности, и желая всегда блистать

имъ, не рѣдко умничала несноснымъ образомъ. Думая и говоря только о себѣ, прямо или непрямо, она не умѣла ни слушать, ни отвѣчать; всякой или видѣлъ ясно или чувствовалъ ея самолюбїе; или удивлялся или скучалъ. Друзья Меланидины противъ воли своей осуждали ее, соглашаясь, что она дурно разсказываетъ, не знаетъ истинной веселости, не знаетъ ни въ чемъ любезной простоты; но они приписывали ей *силу* и *краснорѣчїе*. Эта странная похвала служила въ самомъ дѣлѣ эпиграммою. Краснорѣчивымъ можно быть только наединѣ съ милымъ человѣкомъ; но въ разговорѣ нужно не риторство, а вкусъ и простота. Между самыми короткими людьми прїятный разговоръ требуетъ *живости* и *быстроты*; кто знаетъ свѣтъ, тотъ никогда не дозволитъ себѣ большихъ фразъ и перїодовъ — тутъ нѣтъ мѣста краснорѣчїю. Ничто не должно быть изслѣдовано съ основательностїю; разнообразїе и легкость составляютъ единственную красоту; а *сила* показалась бы только педантствомъ и скучною излишностїю.

Человѣкъ любезный, модный и блестящїй долженъ былъ обратить на себя вниманїе надменной женщины: Жермёль произвелъ глубокое впечатлѣнїе въ сердцѣ

Меланиды. Она знала страсть его къ Графинѣ Нанжисъ, и надѣялась для славы своей побѣдить ее, будучи молодою и богатою вдовою. Жермёль, занятый Графинею, не полагалъ ни въ одной женщинѣ намѣренія плѣнить его; а всего менѣе могъ вообразить, чтобы Меланида, не имѣя ни малѣйшихъ пріятностей, вздумала спорить о его сердцѣ съ любезнѣйшею красавицею Версальскаго Двора. Онъ принималъ заманчивыя ласки ея за одно *кокетство ума*, и отвѣчалъ на нихъ съ обыкновенною своею учтивостію; разсуждалъ, разбиралъ, ломалъ голову и скучалъ съ Меланидою: ибо онъ имѣлъ даръ ко всѣмъ поддѣлываться; но доказавъ ей свое *краснорѣчіе*, спѣшилъ отдохнуть подлѣ Эмиліи, и смѣяться надъ всѣми своими глубокомысленными замѣчаніями и *сильными* выраженіями.

Жермёль въ день своего отъѣзда встрѣтился съ Эмиліею въ саду, сѣлъ подлѣ нее на лавкѣ и смотрѣлъ ей въ глаза, не говоря ни слова. Она засмѣялась и сказала ему: „Вы меня пугаете: можно ли смотрѣть такъ пристально? что находите во мнѣ отмѣннаго?“ Все, отвѣчалъ Жермёль. — „Я не столько самолюбива, чтобы благодарить за такой отвѣтъ.“ — А я не беру назадъ слова,

сказалъ Жермёль съ улыбкою; и увѣряю васъ (продолжалъ онъ съ важнымъ видомъ), что два дни не перестаю вамъ удивляться. Вы дозволите мнѣ говорить искренно? — „Довѣренность не имѣетъ нужды въ принужденіи; а я имѣю ее къ вамъ.“ — Какъ мило слышать это отъ васъ! — „По крайней мѣрѣ говорю, что думаю.“... Тронутый Жермёль взялъ Эмиліину руку, пожалъ ее съ видомъ почтенія и благодарности, и сказалъ: Такъ, вы для меня самая неизъяснимая женщина. Можно ли ни мало не заниматься собою, не имѣть ни тѣни кокетства и никакого желанія блистать умомъ, плѣнять талантами? Естьли это скромность, то она совершенна; а естьли искусство, то оно чудесно. — Ни то, ни другое, отвѣчала Эмилія съ усмѣшкою: что васъ удивляетъ во мнѣ, есть слѣдствіе не разсчета и не труда, а разныхъ легкихъ примѣчаній. Могу ли гордиться талантами, въ которыхъ актрисы Оперы превосходятъ меня? Я замѣтила, что арфою или пѣніемъ можно вскружить голову одному глупцу; что самое прекрасное лицо не мѣшаетъ быть скучною; что съ великимъ умомъ бываютъ люди несносны — и сказала себѣ: не хочу полагать въ томъ моего самолюбія; желаю успѣховъ любезнѣйшихъ

и вѣрнѣйшихъ, тѣхъ, которые происходятъ отъ милаго характера и чувствительности; желаю нравиться средствами, заставляющими любить; не хочу, чтобы говорили: *Эмилія плѣнительна*; хочу только, чтобы сказали: *она проста и добродушна!* — „А естьли скажутъ: *Эмилія плѣняетъ, не думая плѣнять?*“ — Даже и эта поправка мнѣ не нравится. — „Вамъ трудно угодить: соглашаюсь; такъ быть должно.“ — Отъ того, что сердце нѣжнѣе и взыскательнѣе ума.

Разговоръ перервали другіе. Жермёль уѣхалъ, и разставаясь съ Эмиліею, думалъ: я обожалъ бы эту женщину, естьли бы сердце мое не было занято другою. Онъ чувствовалъ это безъ угрызенія совѣсти, а можетъ быть и не безъ сожалѣнія! Женщина на его мѣстѣ, женщина, которая любитъ, не могла бы такъ мыслить.

Жермёль въ Парижѣ разспрашивалъ объ Эмиліи у своихъ короткихъ пріятелей. Какъ! говорилъ онъ: у нее нѣтъ любовника! она никогда не любила! . . . Это увѣреніе сдѣлало для него еще пріятнѣе воспоминаніе разговора съ Эмиліею. Но Жермёль обожалъ Графиню Нанжисъ: какая нужда была ему до чувствъ Эмиліиныхъ? Сердце мущинъ всего неизъяснимѣе въ любви.

Эмилія послѣ Жермёлева отъѣзда разлюбила деревню, и сказала, что у нее въ городѣ есть важное дѣло. Возвратясь въ Парижъ, она тотчасъ вспомнила, что у Жермёля славныя картины; захотѣла видѣть ихъ, и пріѣхала къ нему въ одно утро съ нѣкоторыми своими знакомыми. Предувѣдомленный Жермёль хотѣлъ быть дома; но вмѣсто того ей подали отъ него записку, въ которой онъ увѣдомлялъ ее, что Военный Министръ вдругъ потребовалъ его въ Версалію, и что ему немедленно надлежало ѣхать. Сія записка выражала пріятнымъ образомъ искреннее сожалѣніе и была прочтена нѣсколько разъ. Между тѣмъ камердинеръ отперъ комнаты и сказалъ, что ему велѣно показать всѣ картины. Эмилія вошла съ грусті́ю, и смотрѣла на все съ отмѣннымъ любопытствомъ, желая узнать вкусъ Жермёлевъ. На примѣръ, она замѣтила, что всѣ мёбели были выкрашены зеленою краскою, и вспомнила, что ливрея отца Графини Нанжисъ такого же цвѣта. Вообще всѣ комнатныя украшенія плѣняли ее рѣдкою своею пріятностію. Когда товарищи ея занимались еще картинами, Эмилія вошла одна въ Жермёлевъ кабинетъ; увидѣла тамъ большой столъ, книги и тѣло, на ко-

торомъ лежала бумага съ нотами; взявъ ее, она узнала Жермёлеву руку (по своей запискѣ), и съ живѣйшимъ любопытствомъ прочитала слѣдующую пѣсню:

Какъ! мнѣ для милой быть ужаснымъ?
Тебѣ лить слезы отъ любви?
Ахъ нѣтъ! мнѣ легче быть нещастнымъ!...
Навѣкъ союзъ нашъ разорви;
Забудь, забудь меня скорѣе;
Погибни щастіе мое,
Когда не будетъ мнѣ милѣе
Всего спокойствіе твое!

Моя любовь тебя достойна,
И торжествуетъ надъ судьбой;
Скажи, что будешь ты покойна,
И другъ разстанется съ тобой!
Кто любитъ нѣжно, тотъ послушенъ,
И помнитъ друга, не себя.
Страдая, будуль малодушенъ,
Когда страдаю для тебя?

Навѣкъ прощаяся съ тобою,
Я горести не покажу;
Свое уныніе сокрою
И слезы въ сердцѣ удержу,
Чтобъ не прибавить огорченья
Къ твоей, о милая! судьбѣ.
Мнѣ будетъ больше утѣшенья:
Я всѣмъ пожертвовалъ тебѣ!

Тронутая Эмилїя положила бумагу на столъ и увидѣла другую, также Жермёлевой руки: черный списокъ той же самой пѣсни. Эмилїя не могла преодолѣть желанїя взять его, и спрятала къ себѣ въ карманъ. Возвратясь домой, она заперлась въ своей комнатѣ, чтобы еще нѣсколько разъ прочитать эту пѣсню, безъ сомнѣнїя написанную для Графини Нанжисъ и служившую яснымъ доказательствомъ связи ихъ! . . . . Эмилїя искренно сожалѣла о Графинѣ. Нещастная! думала она: сердце обмануло тебя; ты поперяешь и спокойствїе и доброе имя! Но какая прелесть окружаетъ тебя! Что можетъ быть восхитительнѣе такой любви и милѣе такого человѣка? . . . Послѣ того она взяла арфу и вытвердила наизусть какъ голосъ, такъ и слова. Чувствительныя и живыя сердца не могутъ долго обманываться въ разсужденїи чувствъ своихъ; дѣятельное и быстрое воображенїе скоро выводитъ ихъ изъ сомнѣнїя и нерѣшимости. Эмилїя узнала страсть свою къ Жермёлю, и не огорчалась тѣмъ. Эта любовь, думала она, не имѣя ни малѣйшей надежды, не можетъ чрезмѣрно усилиться и лишить меня спокойствїя, а сохранитъ только сердце мое отъ другой сильнѣйшей стра-

сти; я никогда не выду за-мужъ, и оставаясь навѣки независимою, буду щастлива. Не только не имѣю безразсуднаго намѣренія плѣнить Жермёля, но чувствую даже, что перестала бы любить его, естьли бы онъ безчеловѣчно измѣнилъ той, которая столь долго противилась любви его. . . Эмилія не знала, что для твердыхъ характеровъ всего опаснѣе нещастная страсть, ибо она не истощается наслажденіемъ. Ввечеру пріѣхала къ Эмиліи одна ея свойственница и звала ее на другой день ужинать въ Пасси, говоря, что тамъ будетъ музыка, Жермёль и Графиня Нанжисъ. Эмилія дала слово, и провела ночь въ великомъ волненіи. Мысль видѣть Жермёля вмѣстѣ съ его любовницею представляла ей слѣдующій день важною эпохою жизни. Вставъ рано, она противъ своего обыкновенія думала о нарядѣ, зная, что Графиня Нанжисъ всегда прекрасно одѣвалась. Эмилія выбрала гирланду, сплетенную изъ листьевъ, и надѣла зеленое платье. Это цвѣтъ моей совмѣстницы, думала она: но Жермёль любитъ его! . . .

Эмилія пріѣхала всѣхъ послѣ; играла концертъ, и дрожала. Жермёль аплодировалъ. Волненіе ея сочли робостію (ошибка весьма обыкновенная въ свѣтѣ!);

дѣйствіе излишней чувствительности приписали великой скромности, и хвалили ее, вмѣсто того, чтобы жалѣть объ ней. Просили играть Графиню Нанжисъ; она сказала, что хочетъ пѣть новый *романсъ*, и взглянула закраснѣвшись на Жермёля. Эмилія вздохнула, угадывая, что сей романсъ ей извѣстенъ. Графиня получила его наканунѣ и хотѣла пріятнымъ образомъ удивить Жермёля, вытвердивъ наизусть слова; но не предвидѣла, что живымъ чувствомъ обнаружитъ свою тайну. Она пѣла при страшномъ свидѣтелѣ: ревнивомъ мужѣ. Графъ Нанжисъ замѣтилъ ея волненіе, и слушая слова, утвердился въ своемъ подозрѣніи. Спѣвъ робкимъ голосомъ первый куплетъ, Графиня еще болѣе замѣшалась на второмъ, и взглянувъ на мужа, такъ поражена была страшною перемѣною лица его, что вдругъ остановилась. Графъ, внѣ себя отъ ревности, подошелъ къ ней и сказалъ съ видомъ притворной насмѣшки: я хотѣлъ бы знать автора этой пѣсни! Эмилія, которая все примѣчала и угадывала, громко засмѣялась и отвѣчала ему: „это я, государь мой! довольны ли вы?“ . . . Жермёль затрепеталъ; всѣ удивились, а Эмилія съ любезною веселостью разсказала, что она сочинила

эту пѣсню, и отдала ее въ тотъ день поутру музыканту Леману для Графини, зная, что она любитъ романсы. Когда такъ, сказалъ Графъ, то мы просимъ васъ, сударыня, допѣть свою пѣсню, вмѣсто жены моей, у которой не стало памяти. Жермёль и Графиня испугались; но сколь велико было ихъ удивленїе, когда Эмилїя отвѣчала, что она рада исполнить его желанїе, съ тѣмъ договоромъ, чтобы Графиня послѣ вытвердила романсъ и спѣла его. „Тогда онъ покажется вамъ гораздо лучше," примолвила она и взяла арфу. Никогда Эмилїя не казалась столь прелестною! Желанїе превзойти совмѣстницу, сдѣлать доброе дѣло и удивить хитрымъ вымысломъ, производитъ чудеса въ женщинахъ. И такъ мудрено ли, что Эмилїя пѣла несравненно и заставила многихъ плакать? Графъ Нанжисъ, совершенно разувѣренный, хвалилъ безъ памяти; а Графиня и Жермёль изумлялись. Первая, не смотря на важную услугу, оказанную ей Эмилїею, чувствовала тайную ревность, воображая, что она получила романсъ отъ Жермёля — который, съ своей стороны, восхищаясь Эмилїею, забывалъ даже и удивляться. Онъ хотѣлъ бы броситься къ ногамъ ея, и съ восторг-

томъ предавался чувству страстной благодарности.

Всѣ осыпали Эмилїю похвалами какъ Автора пѣсни. Не хочу скромничать, отвѣчала она, и признаюсь, что мнѣ самой этотъ романсъ очень, очень нравится. Вчера я цѣлой день твердила его. — Скоро пошли гулять въ садъ. Эмилїя взяла за руку Графиню, отвела отъ другихъ и разсказала, какимъ образомъ досталась ей въ руки пѣсня, примолвивъ, что на другой день пошлетъ за музыкантомъ Леманомъ и заставитъ его утвердить выдумку ея. Графиня Нанжисъ, успокоенная симъ изъясненїемъ, съ нѣжностїю обняла Эмилїю, которая была тѣмъ сердечно тронута. Онѣ обѣ заплакали. Эмилїя чувствовала жалкое состоянїе Графини, принужденной открыть свою тайну женщинѣ, столь мало ей знакомой! Она перемѣнила разговоръ, и возвратилась съ нею въ домъ. За ужиномъ Жермёль сѣлъ подлѣ Эмилїи, узналъ отъ нее то же, что Графиня, и былъ такъ тронутъ, что, не находя словъ для изъясненїя чувствъ своихъ, молчалъ во весь ужинъ. Но Эмилїя не имѣла горести видѣть глаза любимаго человѣка устремляемые съ нѣжностїю на ея совмѣстницу! Жермёль ни разу не

взглянулъ на Графиню. Эта осторожность стоила ему недорого, и любовь могла бы укорять его. Эмилїя, довольная собою и Жермёлемъ, была весела и любезна. За ужиномъ ей начали опять говорить о романсѣ. Не знаю, отъ чего (сказала она Жермёлю) я не краснѣюсь отъ этой похвалы; хотя въ самомъ дѣлѣ не заслуживаю ее, но радуюсь ею какъ моею собственною . . . Жермёль отвѣчалъ однимъ томнымъ взоромъ. Эмилїя тотчасъ уѣхала, чтобы на другой день встать ранѣе и послать за Леманомъ. Музыкантъ далъ слово подтвердить ея выдумку. — Въ 10 часовъ принесли Эмилїи письмо отъ Жермёля такого содержанїя:

„Не имѣвъ возможности говорить „вчера съ вами, милостивая государыня, „осмѣливаюсь нынѣ писать къ вамъ. Но „что скажу? изъявлю ли благодарность „свою? Нѣтъ, добродѣтель есть въ васъ „ничто иное, какъ вдохновенїе, быстрое и „святое чувство, которое для своего дѣй„ствїя не имѣетъ нужды ни въ какомъ „*другомъ чувствѣ*. Благодарность не пока„жется ли вамъ надменностїю? Вы отв„вѣчали бы, можетъ быть: *всякому дру„гому я оказала бы такую же услугу.* „Надобно удивляться вамъ и молчать.

„Просить ли дозволенія видѣть васъ? но „что пользы имѣть его? Кто не клялся „посвятить вамъ жизни своей, тотъ не „можетъ быть съ вами безъ горестныхъ, „неизъяснимыхъ чувствъ... Мнѣ кажет„ся, что съ прелестною Эмиліею можно „говорить только *однимъ* языкомъ, и „что любить ее можно только *однимъ* „образомъ... Для чего же пишу къ вамъ? „не знаю; по крайней мѣрѣ не для своего „удовольствія: потому что я пишу съ „великимъ принужденіемъ!... Не желаю „открыть вамъ моего сердца, будучи „несогласенъ съ самимъ собою. Прошу „единственно думать иногда, что я знаю „васъ, знаю лучше всѣхъ другихъ. Это „слово выражаетъ всю странность моего „положенія, и все, *что чувствую.*"

Эмилія могла бы воспользоваться такимъ чуднымъ письмомъ; могла бы вспомнить, что сей человѣкъ за нѣсколько дней передъ тѣмъ былъ страстно влюбленъ въ другую женщину!.. Но она видѣла одно торжество свое, которое было ей тѣмъ пріятнѣе, что оно не уничтожало ея добраго мнѣнія о Жермёлѣ. Ясно было, что его сердце колебалось между ею и Графинею Нанжисъ, но что онъ никакъ не хотѣлъ измѣнить первой любовницѣ. Эмилія находила Жермёлево непо-

стоянство извинительнымъ, потому что она была предметомъ его! но естьли бы вообразила состоянїе Графини, то конечно содрогнулась бы отъ безразсудности женщинъ, которыя всѣмъ жертвуютъ любви.

Эмилїя отвѣчала Жермёлю коротко, и говорила только о нѣжной дружбѣ, обѣщавъ себѣ оправдать его мысли о добродѣтели ея. Она рѣшилась удаляться отъ свиданїй съ нимъ, и безъ сомнѣнїя не имѣла права тѣмъ хвалиться, знавъ, что Жермёль могъ угадывать ея чувства, и что такая твердость долженствовала еще болѣе возвысить его мнѣнїе о характерѣ ея.

Эмилїя три мѣсяца старалась не встрѣчаться съ Жермёлемъ; но въ одинъ вечеръ онъ прїѣхалъ туда, гдѣ ей надлежало ужинать. Эмилїя играла въ Вискъ: Жермёль сѣлъ подлѣ нее. Она была въ опасномъ положенїи, въ которомъ тайна ея могла легко обнаружиться для самаго непроницательнаго наблюдателя. Сказавъ нѣсколько словъ Жермёлю, Эмилїя вооружилась удивительнымъ мужествомъ: не взглянула уже ни разу на молодаго человѣка и старалась играть со всевозможнымъ вниманїемъ. Но ея голова и станъ невольнымъ образомъ слѣдовали тайному *влеченїю*, и тихонько склонялись туда, гдѣ онъ

сидѣлъ. Глаза ея сдѣлались свѣтлѣе, голосъ выразительнѣе; она стала гораздо ласковѣе со всѣми другими, и не смѣя относиться явно къ предмету своего вдохновенія, выдумывала всякіе способы занимать его собою. Женщины, которыя почти всегда должны скрывать намѣреніе и желаніе нравиться, довели сіе искусство до удивительнаго совершенства въ тонкостяхъ. Жермёль любилъ Вискъ: Эмилія не забывала ни одной карты, не сдѣлала ни одной ошибки, хотѣла заслужить похвалу, разсуждала съ ученостію стараго игрока о всякой игрѣ, увѣряла, что страстно любитъ Вискъ, и что рада просидѣть всю жизнь за картами. Она на ту минуту не обманывала, и говорила въ самомъ дѣлѣ по своимъ чувствамъ.

Кто можетъ противиться женщинѣ, которая любитъ? Она ко всему способна, на все готова, и съ помощію сердца можетъ въ нѣсколько мѣсяцевъ сдѣлаться Математикомъ, Геометромъ, естьли надобно; но кокетство не даетъ такой удивительной силы: оно вселяетъ только презрительныя хитрости, ничтожныя, подобно его причинѣ. Кокетка на мѣстѣ Эмиліи стала бы только жеманиться, играть глазами; но страстная женщина и въ самыхъ бездѣли-

цахъ умѣетъ трогать сильными доказательствами своего чувства. Послѣ ужина одинъ человѣкъ пріѣхалъ изъ Версаліи и сказалъ, что Графъ Нанжисъ, будучи съ Королемъ на охотѣ, упалъ съ лошади и почти до смерти убился. Жермёль измѣнился въ лицѣ. Эмилія, взглянувъ на него, сама поблѣднѣла, и чувствуя, что можетъ упасть въ обморокъ, вышла въ другую комнату; спросила стаканъ воды, и бросилась на стулъ. Въ сію минуту вошелъ Жермёль и смотрѣлъ на нее съ видомъ безпокойства. Эмилія встала, говоря, что дожидается своей кареты; лакеи отвѣчали, что она давно у крыльца. Жермёль подалъ ей руку. Они оба дрожали, и не говорили ни слова . . . Становясь на подножку, Эмилія тихонько сказала ему: *будьте щастливы; болѣе ничего не желаю!* . . . „Мнѣ быть *щастливымъ!* съ жаромъ отвѣчалъ Жермёль: *никогда!*“ . . . Эмилія сѣла въ карету, и ей показалось, что она разстается съ Жермёлемъ навѣки; слезы покатились изъ глазъ ея. Тутъ она почувствовала всю муку ревности: смерть Графа Нанжиса рѣшила судьбу ея. „Какъ! думала Эмилія: я увижу Жермёля супругомъ Графини Нанжисъ! и чувство, столь для меня любезное, утраченнымъ

свою невинность! Я могла отказаться отъ Жермёля; но могу ли безъ ужаса отказаться отъ любви моей? . . . Имя, милое слуху моему, будетъ именемъ моей совмѣстницы! . . . Какая перемѣна въ ея и въ моей участи! Страсть, которая была для нее преступленіемъ, будетъ впредь ея славою и щастіемъ; а я безъ угрызенія совѣсти не могу уже любить Жермёля!"

Эмилія прежде разсвѣта не могла лечь на постелю; часа черезъ два встала — и ей подали записку отъ Жермёля; она дрожащею рукою развернула ее, и къ неописанной радости своей прочитала слѣдующее:

„Господинъ N. ошибся: слава Богу! „Графъ Нанжисъ живъ и здоровъ! Правда, что онъ упалъ съ лошади, но безъ „всякаго вреда, и вчерась же былъ во „дворцѣ. Я счелъ за должность успокоить васъ, милостивая государыня, „зная участіе, которое нѣжное сердце „ваше беретъ въ судьбѣ другихъ."

Эмилія могла скрывать печаль и горесть, но должна была открыть чрезмѣрную свою радость; одѣлась въ ту же минуту, спѣшила къ сестрѣ, и нашла ее на постелѣ. Она разсказала ей всю исторію свою съ Жермёлемъ. Благоразумная

Доротея слушала ее съ удивленіемъ. Какъ! отвѣчала она: Жермёль влюбленъ въ тебя, въ самое то время, когда Графиня Нанжисъ черезъ пять лѣтъ сопротивленія уступаетъ страсти своей къ нему! — „Онъ не влюбленъ въ меня, а только видитъ мое сердце, и беретъ участіе.“ — Нѣтъ, любовь ясно изображена въ его письмѣ, и естьли потребуешь отъ него разрыва съ Графинею, то онъ исполнитъ волю твою. — „Естьли бы Жермёль могъ оставить женщину, которую онъ прельстилъ и погубилъ, то я возненавидѣла бы его.“ — Развѣ онъ уже не измѣнилъ клятвѣ своей, когда любитъ тебя болѣе Графини? — „Можно ли повелѣвать сердцемъ?“ — Скажешь ли это въ оправданіе непостоянной женщины? — „Нѣтъ, одна измѣна любовника можетъ извинить нашу перемѣну.“ — Согласись же, что для насъ всего безразсуднѣе привязываться къ тѣмъ, которые не имѣютъ нѣжныхъ чувствъ нашихъ! Эта бѣдная Графиня Нанжисъ, молодая, прекрасная и нѣжная, уже обманута! — „Нѣтъ, онъ любитъ насъ обѣихъ; Графиня его любовница, а я занимаю второе мѣсто.“ — Страсть его къ тебѣ не имѣла никакого удовлетворенія, и потому сильнѣе дѣйствуетъ на воображеніе: вотъ первое

мѣсто въ любви! Но скажи мнѣ, Эмилїя, какую имѣешь цѣль? — „Удивить человѣка, котораго люблю; заслужить его совершенное почтенїе, на которое совмѣстница моя не имѣетъ уже права; возбудить въ Жермёлевой душѣ всѣ чувства, которыя переживаютъ страсть. Естьли въ этомъ успѣю, то со временемъ мы сойдемся, и вѣрная дружба утѣшитъ два сердца, разлученныя въ любви судьбою.“ — Прекрасной романической планъ! Дай Богъ, чтобы онъ не стоилъ тебѣ спокойствїя и щастїя!

Эмилїя снова обѣщалась избѣгать свиданїя съ Жермёлемъ, и сдержала слово. Жермёль съ своей стороны помогалъ ей въ исполненїи сего намѣренїя, и Эмилїя съ восторгомъ говорила сестрѣ о великодушїи его, которое въ самомъ дѣлѣ заслуживало похвалу. Жермёль былъ добросердеченъ; любовь всегда соединялась для него съ живою и нѣжною дружбою. Эмилїя такъ сильно тронула его сердце, что онъ считалъ ее единственною женщиною, которая могла бы навѣки плѣнить его; но привязанный къ Графинѣ Нанжисъ всѣми узами благодарности, своимъ долговременнымъ исканїемъ, особливо ея любовїю къ нему, онъ не могъ безъ ужаса вообразить того отчаянїя, въ

въ которое привела бы ее невѣрность его. Однакожь Жермёль чувствовалъ, что правила не могутъ замѣнить любви. Не смотря на всѣ его старанія, Графиня послѣ исторіи извѣстнаго романса была имъ недовольна и ревновала къ Эмиліи; но кроткая чувствительность осуждала ее на безмолвное мученіе. Сверхъ того она знала, что ей не чѣмъ винить ни Жермёля, ни Эмиліи, которые не видались другъ съ другомъ; однакожь тайное предчувствіе, которое никогда въ любви не обманываетъ, увѣряло ее, что она должна страшиться Эмиліи. Любовь не можетъ быть скромною; самая осторожность изобличаетъ ее. Жермёль хотѣлъ скрыть новую любовь свою тѣмъ, чтобы удаляться отъ предмета ея и никогда не говорить объ немъ; но проницательные глаза могли видѣть, что онъ *боялся* встрѣтиться съ Эмиліею, *боялся* произнести ея имя!

Графиня Нанжисъ и Эмилія не только не были врагами, но еще имѣли какую-то искреннюю склонность другъ ко другу; любовь къ одному предмету есть уже симпатія, естьли она ни въ чемъ не споритъ. Онѣ всегда видались съ удовольствіемъ, и не переставали разсматривать другъ друга. Это взаимное любопыт-

ство не имѣло въ себѣ ничего оскорбительнаго для Эмилїи; она думала: *вотъ та, которую онъ любилъ страстно!* Графиня Нанжисъ думала съ горестїю: *вотъ та, которую онъ можетъ полюбить!*

Въ Декабрѣ мѣсяцѣ Графиня привила себѣ оспу, и была нѣсколько времени больна, хотя и неопасно. Эмилїя всякой день посылала спрашивать объ ея здоровьи, и сама нѣсколько разъ прїѣзжала. Графиня Нанжисъ снова явилась въ свѣтѣ: въ ней замѣтили перемѣну; на лицѣ ея завяла та свѣжесть, которая уже никогда не возвращается совершенно; потерявъ цвѣтущую красоту свою, она казалась еще любезнѣе для Эмилїи.

Однажды ввечеру Эмилїя была вмѣстѣ съ Жермёлемъ среди множества людей. Графиня прїѣхала туда же на минуту; и когда вышла, всѣ женщины стали говорить съ видомъ сожалѣнїя о великой ея перемѣнѣ. Одна Эмилїя утверждала, что она такъ же хороша, какъ и прежде. Меланида, та женщина, о которой мы уже говорили, и которая все еще надѣялась плѣнить Жермёля, увѣряла, что она не узнала Графини. Эмилїя такъ оскорбилась сею грубою неправдою, что, не выходя изъ предѣловъ

учтивости, отвѣчала Меланидѣ весьма колко. Между тѣмъ тронутый Жермёль смотрѣлъ на нее неподвижно, и никогда еще не находилъ ее столь прелестною. Какая женщина не украсится похвалою совмѣстницы? . . . Великодушіе, побѣждая зависть и ревность, производитъ вообще удивленіе, а въ женщинахъ трогательно. Кажется, что добродѣтели не стоятъ имъ никакого труда; онѣ блистаютъ въ мущинѣ, а въ женщинѣ милы, и сливаются съ ея прелестями.

Черезъ нѣсколько дней послѣ того Графиня Нанжисъ вздумала одна ѣхать въ маскарадъ, зная, что тамъ будетъ Жермёль. Она взяла его за руку и ходила съ нимъ по залѣ. Эмилія была также въ семъ маскарадѣ съ сестрою своею, и, по странному случаю, въ одинакомъ платьѣ съ Графинею, такъ, что не всякой могъ бы распознать ихъ. Эмилія, узнавъ Графиню, безъ намѣренія пошла за нею, и услышала, что она говоритъ Жермёлю: *онъ здѣсь, онъ узналъ меня; я пропала!* Эмилія догадалась, что дѣло идетъ о мужѣ; вдругъ схватила Жермёля за руку и сказала Графинѣ: *скройтесь и перемѣните на себѣ платье!* Устрашенная Графиня уступила ей свое мѣсто и въ минуту исчезла. Скоро

явился Графъ и хотѣлъ сдернуть съ нее маску, но толпа отвлекла его. Пустите меня къ нему, сказалъ Жермёль: мнѣ уже наскучили его грубости. Развѣ захотите погубить Графиню? спросила Эмилїя, и однимъ словомъ смягчила Жермёля. Между тѣмъ они вошли въ коридоръ. Графъ Нанжисъ бросился за Эмилїею, которая остановилась, сняла съ себя маску и сказала ему, указывая на Жермёля: „почувствуйте наконецъ ошибку свою! Я вездѣ ищу его и люблю страстно!“ Съ какою радостїю, съ какимъ восторгомъ чувства Эмилїи излились въ семъ странномъ объявленїи, которое облегчало ея сердце, отвращало поединокъ и спасало совмѣстницу! Никогда любовь не имѣла лучшаго предлога для нескромности. Жермёль схватилъ руку Эмилїи и обливалъ ее слезами. Обрадованный Графъ извинялся и спѣшилъ удалиться. Эмилїя трепетала и сама удивлялась тому, что сдѣлала; надѣвая опять маску, она сказала: „надобно было спасти любезную женщину.“ . . . Ахъ! не говорите! воскликнулъ Жермёль: этотъ плѣнительной голосъ не долженъ истреблять дѣйствїя небесныхъ словъ, начертанныхъ въ моемъ сердцѣ! —

Пойдемъ-те искать сестры моей, сказала Эмилія, и вошла въ залу.

Сіе приключеніе сдѣлалось всѣмъ извѣстно. Графъ Нанжисъ, излеченный отъ ревности, объявилъ друзьямъ своимъ, что онъ чуднымъ образомъ узналъ взаимную страсть Жермёля и Эмиліи. Ему не удалось тѣмъ оправдать жены своей: всѣ думали, что любовникъ пожертвовалъ ею новой склонности. Жермёль сказалъ Графинѣ, что ему послѣ такой исторіи непремѣнно должно ѣздить къ Эмиліи; иначе Графъ могъ бы опять разувѣриться. Нещастная затрепетала отъ сего предложенія, но не смѣла не согласиться. Одна мысль, что всѣ считаютъ Жермёля влюбленнымъ въ другую женщину, была для нее мучительна; къ сему оскорбленію чувства и самолюбія присоединялась еще ужасная ревность, къ нещастію справедливая.

Эмилія съ своей стороны думала, что, не принимая у себя Жермёля, она заставитъ всѣхъ думать, что онъ имѣлъ къ ней только минутную склонность и оставилъ ее; послѣ такого несомнительнаго признанія надлежало хотя нѣсколько времени продолжить эту связь. Но Эмилія велѣла Жермёлю увѣрить Графиню, что, будучи должна притворяться

для ея пользы, она черезъ два мѣсяца отпкажетъ ему отъ дому и всѣмъ объявитъ, что не могла рѣшиться на второе замужство. Жермёль бывалъ у Эмилїи только при людяхъ. Они не могли говорить о своихъ чувствахъ, но радовались, что другїе считали ихъ въ связи. Любовь думаетъ только о настоящемъ; никакая иная страсть столь мало не занимается будущимъ; она боится взглянуть на него; боится въ немъ уже не найти себя!

Женщины, завидуя Эмилїиной побѣдѣ, съ великимъ жаромъ осуждали Жермёлеву невѣрность; между тѣмъ никто не разумѣлъ его поведенїя, ибо онъ бывалъ у Графини чаще прежняго, не страшась ревности мужа. Сверхъ того сама она, желая, чтобы ее не считали оставленною, не скрывала уже любви своей къ нему — и самые искусные наблюдатели, теряясь въ догадкахъ, не знали наконецъ, что думать о такихъ странностяхъ.

Въ концѣ зимы Графъ Нанжисъ вздумалъ дать балъ и позвалъ Эмилїю для Жермёля. Графиня приняла ее съ такимъ отличїемъ, что всѣ изумились: хозяйкѣ того и хотѣлось. Сїи двѣ совмѣстницы безпрестанно сидѣли вмѣстѣ, безпрестанно

говорили другъ съ другомъ, ласково и съ чувствомъ. Любопытные не спускали съ нихъ глазъ. Мущины удивлялись, а женщины говорили: *какъ онѣ притворны*!...

Въ продолженіе бала Эмилія стала жаловаться на жаръ, и Графиня предложила ей отдохнуть въ ея кабинетѣ. Эмилія пошла съ нею, думая съ нѣкоторымъ безпокойствомъ о томъ, что будетъ наединѣ съ нещастною любовницею. Онѣ сѣли на канапе. Графиня взяла обѣ руки Эмиліины, и пожавъ ихъ съ величайшею нѣжностію, сказала: „Ангелъ хранитель мой! вы два раза спасли меня отъ слѣдствій моей безразсудности!... Ахъ! добродѣтель ваша даетъ мнѣ право всего ожидать отъ васъ!“ ... Тутъ Графиня замолчала, закраснѣлась и потупила глаза въ землю. Тронутая Эмилія догадалась, что она хочетъ просить ее — и, обнявъ Графиню, отвѣчала: „Повелѣвайте мною; все сдѣлаю для вашего спокойствія!“ Глаза нѣжной Графини наполнились слезами. „Сжальтесь надъ моею слабостію“ сказала она: ахъ! вы ее знаете!... *Я люблю его* чрезмѣрно: судите, каково мнѣ видѣть, что онъ показывается въ васъ влюбленнымъ! Знаю, что вы принимаете его единственно для утвержденія вашей благодѣтельной хитрости; но мо-

жно ли быть равнодушною ко знакамъ его склонности, и можно ли притворяться тому, кто беретъ на себя видъ влюбленнаго въ Эмилїю? Ради Бога, не принимайте Жермёля... и возвратите мнѣ жизнь!" — Даю слово, отвѣчала съ живостїю Эмилїя. — Великодушная, милая женщина! воскликнула Графиня, бросившись къ ней въ объятїя: отъ какой страшной муки вы меня избавляете! Я уже не могу быть щастлива, потерявъ собственное къ себѣ уваженїе: но по крайней мѣрѣ сердце мое перестанетъ раздираться. — Я еще болѣе сдѣлаю, сказала Эмилїя, и завтра уѣду въ Лангедокъ на цѣлый годъ... Нѣтъ, это излишно, отвѣчала Графиня: ваше отсутствїе огорчитъ меня; сверхъ того что подумаютъ? — „Будьте покойны; я найду способъ." ... Вошли другїя дамы, и разговоръ пресѣкся. Возвратились въ залу. Тамъ Жермёль танцовалъ съ Меланидою: это подало Эмилїи мысль притвориться сердитою на него; извѣстно было, что она не любила Меланиды, которая не скрывала своей привязанности къ Жермёлю. Эмилїя открылась Графу Нанжису въ мнимой досадѣ своей, и велѣла тихонько Жермёлю, когда поставили кушанье, сѣсть за столомъ подлѣ Меланиды;

а сама сѣла между хозяиномъ и хозяйкою, и во весь ужинъ не переставала говорить первому о своемъ неудовольствіи. Графъ называлъ его несправедливымъ, безразсуднымъ, но вѣрилъ ему; чего ей только и хотѣлось. Эмилія послѣ ужина тотчасъ уѣхала, обнявъ Графиню съ тѣмъ сладкимъ, нѣжнымъ чувствомъ, которое мы всегда имѣемъ къ предмету нашей добродѣтельной жертвы. Она въ тотъ же вечеръ написала къ Жермёлю записку, коротенькую, холодную и безъ всякаго выраженія любви. Жалость и пламенное усердіе оправдать довѣренность нещастной Графини, истребляли въ ней всякое другое чувство. Она сочла бы вѣроломствомъ малѣйшій знакъ склонности къ Жермёлю, и даже съ угрызеніемъ совѣсти вспоминала прежнія доказательства своей любви къ нему, безпрестанно воображая Ангельскій, умильный видъ, съ которымъ говорила ей Графиня. Эта жалкая, трогательная картина заставила ее наконецъ обратиться къ разсудку: она уже перестала извинять Жермёлеву невѣрность, гнушалась ею, а болѣе всего ужасалась ее! — На другой день по утру Эмилія простилась съ сестрою, и уѣхала изъ Парижа.

(*Окончаніе впредь.*)

II.

Пантеонъ Рускихъ Авторовъ.

Подъ симъ титуломъ Г. Бекетовъ издаетъ собраніе ихъ портретовъ (очень изрядно гравированныхъ) съ критическими замѣчаніями. Мы любимъ портреты и чужестранныхъ Писателей: свои должны быть для насъ еще интереснѣе. Въ началѣ изображены Боянъ и Несторъ: не нужно сказывать, что одно воображеніе могло представить черты ихъ. Издатель хотѣлъ только напомнить любителямъ Литтературы, что у насъ и въ древности были Сочинители. Но истинный *вѣкъ авторской* начался въ Россіи со временъ ПЕТРА Великаго: ибо искусство писать есть дѣйствіе просвѣщенія. Ѳеофанъ и Кантемиръ составляютъ сію первую эпоху; за нею слѣдуетъ эпоха Ломоносова и Сумарокова; третьею должно назвать время ЕКАТЕРИНЫ Великой, уже богатое числомъ Авторовъ; а четвертой ... мы еще ожидаемъ.

Теперь вышли уже 3 тетради Пантеона, состоящія изъ 15 портретовъ; четвертая скоро отпечатается. Мы сообщаемъ здѣсь нѣкоторыя изъ замѣчаній, желая дать идею о слогѣ ихъ.

Ѳеофанъ Прокоповичъ.

„Ученый Богословъ и природный Ораторъ. Въ рѣчахъ его, духовныхъ и свѣтскихъ, разсѣяно множество цвѣтовъ красноречія, хотя слогъ ихъ не чистъ и, можно сказать, непріятенъ. Мысль, что ПЕТРЪ Великій бывалъ часто его слушателемъ; искреннее, жаркое чувство, съ которымъ онъ говоритъ о великихъ дѣлахъ Его, обращаясь лично или къ Нему самому, или къ Его знаменитымъ сотрудникамъ; означеніе славныхъ эпохъ Россіи, и наконецъ щастливыя, живыя черты, вдохновеніе истиннаго Генія: вотъ магія Ѳеофановыхъ рѣчей, которая никогда не потеряетъ силы своей для Рускаго сердца! Забывая негладкость языка, плѣняемся ихъ содержаніемъ, и льемъ радостныя слезы, читая слово о незабвенномъ торжествѣ Полтавскомъ, о юномъ, но уже славномъ флотѣ Россійскомъ, о возвращеніи Монарха изъ чужихъ земель къ подданнымъ и дѣтямъ своимъ. Когда же Риторъ, въ кипѣніи горести, въ отчаяніи сердца, восклицаетъ: *что дѣлаемъ? ПЕТРА Великаго погребаемъ!* . . . и теперь, и теперь еще благодарные сыны отечества рыдаютъ съ нимъ! Преданіе говоритъ, что Ѳеофанъ, сказавъ сіе ужасное слово, не могъ про-

должать отъ собственныхъ слезъ и всеобщаго стенанія.

„Щастливый вѣкъ Поэзіи и Риторства, когда предметъ ихъ столь великъ и любезенъ!

„Въ Ѳеофанѣ сіяетъ уже заря Россійскаго краснорѣчія; но, будучи предшественникомъ Ломоносова, онъ не похитилъ у него славы быть нашимъ лучезарнымъ Фебомъ.

„Имъ сочинены многія Богословскія, нравоучительныя книги и даже предисловіе къ Морскому Уставу. Какъ мужъ просвѣщенный, благоразумный Политикъ и любимецъ ПЕТРА, онъ старался доказывать мудрость всѣхъ новыхъ Его учрежденій; первый открылъ талантъ молодаго Кантемира; ободрялъ, наставлялъ его, и вмѣстѣ съ нимъ писалъ стихи: два человѣка, съ которыми, по тогдашнему времени, никто не могъ спорить въ остроуміи и учености!

„Ѳеофанъ имѣлъ блестящія достоинства, слѣдственно и непріятелей, которые обвиняли его ересью въ умствованіяхъ и въ Теологіи; но въ царствованіе ли ПЕТРА Великаго могло быть опасно такое злословіе?“

Тредїаковскїй.

„Естьли бы охота и прилѣжность могли замѣнить дарованїе, кого бы не превзошелъ Тредїаковскїй въ стихотворствѣ и краснорѣчїи?

„Но упрямый Аполлонъ вѣчно скрывается за облакомъ для самозванцевъ-Поэтовъ, и сыплетъ лучи свои единственно на тѣхъ, которые родились съ его печатїю.

„Не только дарованїе, но и самый вкусъ не прїобрѣтается; и самый вкусъ есть дарованїе. Ученїе образуетъ, но не производитъ Автора.

„Тредїаковскїй учился во Францїи у славнаго Ролленя; зналъ древнїе и новые языки; читалъ всѣхъ лучшихъ Авторовъ, и написалъ множество томовъ въ доказательство, что онъ . . . не имѣлъ способности писать.

„Однакожъ труды его были не совсѣмъ безполезны. Онъ первый изъяснилъ на Рускомъ языкѣ мѣру стиховъ, и перевелъ древнюю Исторїю, которую по сїе время читаютъ наши Провинцїяльные дворяне.

„Имя Тредїаковскаго будетъ извѣстно самымъ отдаленнымъ потомкамъ. Сохранимъ же образъ его, и почтимъ въ немъ . . . трудолюбїе науки и нещастїе природы.

„П. П. Не многіе, можетъ быть, знаютъ слѣдующій анекдотъ. ЕКАТЕРИНА II, любя успѣхи Россійскаго языка, желала, чтобы въ избранномъ обществѣ Эрмитажа всѣ говорили по-Руски. Ея воля была закономъ. Но законодатель долженъ предвидѣть и неисполненіе: какое же наказаніе опредѣлила Монархиня для преступниковъ? За всякое иностранное слово, вмѣшанное въ разговоръ, виновный осуждался прочесть сто стиховъ изъ Телемахиды Тредіаковскаго.“

Ломоносовъ.

„Рожденный подъ хладнымъ небомъ сѣверной Россіи, съ пламеннымъ воображеніемъ, сынъ бѣднаго рыбака сдѣлался отцемъ Россійскаго Краснорѣчія и вдохновеннаго Стихотворства.

„Ломоносовъ былъ первымъ образователемъ нашего языка; первый открылъ въ немъ изящность, силу и гармонію. Геній его совѣтовался только самъ съ собою, угадывалъ, иногда ошибался, но во всѣхъ своихъ твореніяхъ оставилъ незагладимую печать великихъ дарованій.

„Онъ вписалъ имя свое въ книгу безсмертія, тамъ, гдѣ сіяютъ имена Пиндаровъ, Горацієвъ, Руссо.

„Современники могли только удивляться ему; мы судимъ, различаемъ, и тѣмъ живѣе чувствуемъ его достоинство.

„Лирическое Стихотворство было собственнымъ дарованіемъ Ломоносова. Для Эпической Поэзіи *нашего* вѣка не имѣлъ онъ, кажется, достаточной силы воображенія, того богатства идей, того всеобъемлющаго взора, искусства и вкуса, которыя нужны для представленія картины нравственнаго міра и героическихъ страстей. Трагедіи писаны имъ единственно по волѣ Монархини; но Оды его будутъ всегда драгоцѣнностію Россійской Музы. Въ нихъ есть конечно слабыя мѣста, излишности, паденія; но всѣ недостатки замѣняются разнообразными красотами и піитическимъ совершенствомъ многихъ строфъ. Никто изъ послѣдователей Ломоносова въ семъ родѣ Стихотворства не могъ превзойти его, ниже сравняться съ нимъ.

„Проза Ломоносова вообще не можетъ служить для насъ образцомъ; длинные періоды его утомительны, расположеніе словъ не всегда сообразно съ теченіемъ мыслей, не всегда пріятно для слуха; но талантъ великаго Оратора блистаетъ въ двухъ похвальныхъ Рѣчахъ его, кото-

рыя и теперь должно назвать однимъ изъ лучшихъ произведенiй Россiйскаго, собственно такъ называемаго Краснорѣчiя.

„Естьли Генiй и дарованiя ума имѣютъ право на благодарность народовъ, то Россiя должна Ломоносову монументомъ.“

III.

Чудесное зрѣнiе.

Письма, на сихъ дняхъ полученныя изъ Индiи (говоритъ издатель *Французской Газеты*), увѣдомляютъ о смерти человѣка мало извѣстнаго, но удивительнаго. Случаи, о которыхъ будемъ теперь говорить, покажутся невѣроятными; но они утверждены свидѣтельствомъ всѣхъ жителей Иль-де-Франса, и достойны любопытства наблюдателей.

Г. Ботино, умершiй за нѣсколько мѣсяцевъ передъ симъ въ Пондишери, и бывшiй тамъ магазиннымъ приставомъ, не имѣлъ понятiя о наукахъ, и тѣ, которые знали его до сорока лѣтъ, не могли думать, что онъ прослыветъ колдуномъ; но это, къ удивленiю ихъ, случилось. Гуляя однажды по берегу моря,

не далеко отъ того мѣста, гдѣ стоятъ маяки, онъ вдругъ почувствовалъ въ себѣ способность видѣть на морѣ корабли въ такомъ разстояніи, въ которомъ они скрываются не только отъ глазъ, но и отъ самыхъ искусственныхъ способовъ Оптики.

Всѣ знаютъ, что выпуклость моря не дозволяетъ видѣть самыхъ большихъ кораблей за предѣлами горизонта, который простирается не болѣе, какъ на 10 Французскихъ миль въ прямую линію, и что никакой телескопъ не можетъ показать сокрытаго за массою воды. Сія невозможность исчезла для Г. Ботино. Онъ видѣлъ не только за 10, но и за 150 миль корабли, плывущіе къ Иль-де-Франсу или въ Индію; былъ такъ увѣренъ въ своемъ зрѣніи, что бился объ закладъ, и многимъ, которые вѣрили наукѣ его, выигрывалъ большія суммы; сказывалъ число и фигуру кораблей, порядокъ, въ которомъ они плывутъ, и сколько изъ нихъ назади отстало. Справлялись съ журналами Капитановъ, и выходило, что Бодино никогда не обманывался.

Наконецъ закладчики выдумали для него новыя трудности, требуя, чтобы онъ угадывалъ, куда идутъ корабли, въ Иль-де-Франсъ или въ Индію, и когда именно, въ которой день и часъ они

покажутся. Ботино и на то соглашался, въ твердой надеждѣ на свое искусство; и хотя не могъ предузнать разныхъ случаевъ, тишины, бури и другихъ препятствій, однакожь весьма рѣдко ошибался, такъ, что у него выигрывали деньги только обманомъ, на примѣръ утверждая, что корабли все еще не видны, въ то время, какъ они уже ясно открывались на горизонтѣ.

Черезъ нѣсколько лѣтъ Ботино уѣхалъ изъ колоніи въ Пондишери и не переставалъ заниматься тамъ своею чудесною наукою. Нѣкоторые мореходцы слушали его съ удивленіемъ; другіе смѣялись надъ нимъ какъ надъ безумнымъ. Когда приступали къ нему и требовали, чтобы онъ изъяснилъ свою тайну, Ботино говорилъ только, что *наружные знаки* показываютъ ему близость кораблей; что онъ въ разсужденіи сего не имѣетъ никакого особеннаго откровенія, и не понимаетъ, какъ другіе не видятъ ихъ.

Сей удивительный человѣкъ хотѣлъ продать свою тайну Королю Французскому; но тогдашніе Министры не уважили ее, и Ботино умеръ въ бѣдности, не оставивъ никому своей пророческой мантіи. — —

Въ другомъ Парижскомъ журналѣ напечатано письмо одного Медика Леруа,

который говоритъ, что сія тайная наука была извѣстна Египтянамъ; что ее должно называть *Навсколїею*; что онъ имѣетъ манускриптъ самого Ботино, который съѣдалъ ея правила нечаянно; что она не должна погибнуть съ нимъ; что Францїя можетъ еще воспользоваться симъ великимъ открытїемъ, достойнымъ того вѣка, въ который люди узнали законъ электрической силы, *узнаютъ* физическую и химическую натуру жизненнаго начала (principe qui vivifie l'homme), летаютъ по воздуху, и проч. и проч.

IV.

Новыя ремесленныя изобрѣтенія.

Письмо изъ Милана.

Къ намъ привезли нѣсколько ящиковъ съ драгоцѣнными машинами, изобрѣтенными гражданиномъ Морози, Профессоромъ Механики въ Брешїанскомъ Университетѣ. Дѣти шести и семи лѣтъ могутъ, посредствомъ одной, прясть хлопчатую бумагу, столь ровно и тонко, что едва можно различать нити. Другая сама собою точетъ вдругъ три шелковые чулка, которые не уступаютъ въ добротѣ луч-

тимъ Англїйскимъ. Третья машина приводится въ движенїе водою, и маленькїя дѣвочки могутъ посредствомъ ея ткать въ день по-нѣскольку тысячь аршинъ всякихъ лентъ. Какъ скоро перервется въ ней хотя одна шелковинка, то машина сама собою остановится. — Мы обязаны симъ прїобрѣтенїемъ, важнымъ для торговли, дѣятельной ревности нашего Вице-Президента.

V.

Примѣчанія достойный опытъ земледѣлія.

Французскїй Профессоръ Дебрюнъ обнародовалъ слѣдующїя замѣчанїя:

„Зерно хлѣба, называемаго triticum compositum, произвело въ саду моемъ 19 колосовъ или 2508 зеренъ; зерно ячменя, называемаго hordeum hybernum, 92 колоса или 7544 зерна; зерно ржи 121 колосъ или 3630 зеренъ. Такимъ образомъ три обыкновенныя зерна, безъ всякихъ чрезвычайныхъ способовъ искусства, произвели 232 колоса или 13,682 зерна.

„Другой опытъ сдѣланъ былъ земледѣльцемъ, сосѣдомъ моимъ. Рѣпное сѣмя,

посѣянное въ надлежащее время, въ хорошую погоду и на удобренной землѣ, въ 6 недѣль произвело рѣпу вѣсомъ въ 12 фунтовъ, то есть въ 1,347,800 болѣе себя.

Умноженіе массы рѣпнаго сѣмени происходило въ слѣдующей соразмѣрности:

Въ 6 недѣль - -	въ	1,347,800 разъ.
Въ каждую недѣлю -		224,665 —
Въ каждый день -		32,090 —
— — часъ -		1,337 —
Въ минуту - -		22 —
Въ секунду - -		15 —

И такъ Натура увеличивала сіе тѣло въ каждую секунду почти двумя третьями его первоначальной массы.

VI.

СМѢСЬ.

„Есть антипатіи (говоритъ издатель *Лондонскаго Вѣстника*), отъ которыхъ не возможно человѣку избавиться, и которыхъ не льзя изъяснить. Герцогъ д' Эпернонъ падалъ въ обморокъ, видя зайца — Фельдмаршалъ д' Альбре не могъ подойти къ столу, на которомъ стояло блюдо макарони — Владиславъ Ягеллонъ, Король Польскій, который 50 лѣтъ пре-

зиралъ всѣ опасности съ удивительною смѣлостїю, блѣднѣлъ отъ одного взгляда на яблоко — Кавалеръ Боиль чувствовалъ судорогу во всемъ тѣлѣ, естьли при немъ лили воду изъ бутылки — духовникъ Герцога Больтона холодѣлъ какъ ледъ, когда читалъ 53 главу Исаїи. Къ симъ непонятнымъ чувствамъ надобно прибавить антипатїю Консула Бонапарте, возбуждаемую въ немъ не только чтенїемъ, но даже и видомъ Англїйскихъ Журналовъ."

Слѣдующїй анекдотъ подалъ, можетъ быть, Шекспиру мысль сочинить трагедїю Гамлета.

Въ Линѣ, въ Графствѣ Норфолькскомъ, актеры Графа Соссекса играли драму, называемую *Братъ Францискъ*, въ которой одна женщина, удовлетворяя страсти своей къ любовнику, убиваетъ мужа. Тѣнь убитаго не отстаетъ отъ нее, и въ уединенїи являетоя ей въ разныхъ страшныхъ видахъ. Одна изъ зрительницъ, которая пользовалась общимъ уваженїемъ въ Линѣ, вдругъ закричала: *ахъ! мужъ мой, мужъ! его тѣнь грозитъ мнѣ!* Всѣ удивились, и начали спрашивать, что съ нею сдѣлалось? Нещастная въ ту же минуту объявила, что она по

любви къ одному молодому человѣку отравила ядомъ своего мужа, и видитъ тѣнь его на сценѣ. Ее взяли, представили въ судъ и казнили. — Это случилось въ царствованіе Генриха VIII.

Ученые Французскіе экономы доказываютъ нынѣ въ журналахъ, что хлѣбъ должно не *сѣять*, а *садить*; что въ такомъ случаѣ ни одно зерно не пропадаетъ, и на одной десятинѣ родится болѣе, нежели на двухъ посѣянныхъ въ самый лучшій годъ, кромѣ той выгоды, что сѣменъ надобно въ десять разъ менѣе.

„Славная Варѳоломеевская ярманка (говоритъ одинъ Лондонской Журналистъ) началася, а съ нею начались и тѣ сцены разврата, которыя ежегодно оскорбляютъ сердце добронравныхъ Лондонскихъ жителей. Сей праздникъ есть обширный театръ пороковъ всякаго роду. Женщины, которыя до того времени вели себя хорошо, приходятъ танцовать въ трактиры, не предвидя слѣдствій. Ихъ поятъ; часы текутъ, и рѣдкая изъ нихъ возвращается домой съ честію. Зрители, приходящіе туда изъ любопытства, бываютъ обкрадены ворами, которые спѣшатъ на сію ярманку изъ всѣхъ провинцій Англіи,

и сочиняютъ тамъ планы грабежа на весь годъ." Сколько неморальнаго въ просвѣщенной Англіи! ...

Кто читаетъ Англійскія вѣдомости, тотъ знаетъ, какое удивительное дѣйствіе произвела въ Лондонѣ красота Госпожи Рекамье, молодой Француженки. Народъ бѣгалъ за нею на гульбищахъ; въ знатныхъ домахъ давали ей праздники, и скромныя Англичанки, осыпая ее ласками, доказывали, что онѣ умѣютъ отдавать справедливость даже и красотѣ, даже и Француженкѣ. Госпожа Рекамье возвратилась въ отечество, и въ знакъ благодарности своей къ Англійскому народу старается пріятнымъ образомъ угощать всѣхъ Англійскихъ путешественниковъ въ Парижѣ. Недавно въ загородномъ домѣ своемъ давала она завтракъ Фоксу, Лорду Голланду, Господину Эрскину, Генералу Фиц-Патрику (знаменитымъ противникамъ Министерства) и другимъ Британцамъ. Въ числѣ ея гостей были еще Генералъ Моро, Прусскій Министръ Лукезини, Князь Долгорукой, Господинъ и Госпожа Дивовы. Всѣ Парижскіе журналы говорятъ о семъ завтракѣ, примѣчая, что любезная хозяйка сидѣла за столомъ между Фокса и Моро. *Красота своими*

ласковыми улыбками (сказалъ одинъ изъ нихъ) *платила дань славѣ.*

Одинъ Нѣмецкій путешественникъ встрѣтился съ Бонапарте въ *Національной Библіотекѣ*, и такимъ образомъ описываетъ сей случай: „Консулъ пріѣхалъ „съ женою, съ ея дочерью, съ Лудви„гомъ Бонапарте, со множествомъ Адъю„тантовъ и съ живописцемъ Давидомъ, „который нѣкогда былъ нѣжнымъ Робес„пьеровымъ другомъ. Онъ вошелъ въ „кабинетъ антиковъ и прежде всего спро„силъ о медаляхъ Александровыхъ и Це„саревыхъ, желая видѣть ихъ изображе„нія. Ему отвѣчали, что Александрова „нѣтъ. Передъ самою дверью кабинета „висятъ щитъ и шлемъ Франциска I, ко„торые достались въ руки Гишпанцамъ „въ день сраженія при Павіи; они были „отвезены въ Мадритъ, а оттуда въ „Нидерланды, гдѣ Французская армія „нашла ихъ. За щитомъ лежатъ два ме„ча: Франциска I и Генриха IV. Бонапар„те велѣлъ ихъ подать себѣ, взялъ въ „руки, пробовалъ, тяжелы ли они, и „хотѣлъ знать ихъ мѣру: чего однакожь „не умѣли сказать ему приставы. Ме„жду тѣмъ жена и падчерица его сидя „разсматривали рѣзные камни. Онъ гово-

„рилъ мало и былъ въ шляпѣ, но иногда снималъ ее. — Сѣвъ въ карету, Бонапарте сказалъ на ухо слугѣ, затворявшему дверцы, куда надобно ѣхать; а слуга сталъ на переднее колесо, и передалъ его приказанїе кучеру также на ухо. Это удивило меня! . . Надобно замѣтить, что Офицеры и Адъютанты отгоняютъ отъ кареты всѣхъ любопытныхъ, когда Бонапарте выходитъ."

ПОЛИТИКА.

I.

Послѣднія политическія мысли, предложенныя Неккеромъ Французскому народу.

(Такъ назвалъ Неккеръ свое новое произведеніе, еще неизвѣстное въ Россіи. Славное имя Автора и важность содержанія заставляютъ насъ перевести изъ Декады слѣдующее разсмотрѣніе сей книги, дающее объ ней полную идею.)

Новое сочиненіе Г. Неккера и послѣднее — какъ онъ говоритъ — есть критика на Конституцію осьмаго Республиканскаго лѣта. Онъ разбираетъ составъ ея, и находитъ такое множество недостатковъ, что она, по его мнѣнію, никакъ не можетъ остаться вѣчнымъ закономъ, будучи ни то ни сё, ни республиканская, ни монархическая, ни *смѣшенная* (mixte), и не заслуживая самаго имени Конституціи. Сенатъ и Законодательный Корпусъ ни на что не похожи. Отнявъ у народа право выбирать чиновниковъ, законодатель отдѣлилъ ихъ отъ гражданъ и оставилъ безъ всякой опоры. —

Авторъ разсуждаетъ о Республикѣ, Монархіи умѣренной и аристократической; сравниваетъ ихъ и рѣшительно отдаетъ преимущество Англійской. Однакожь сообщаетъ планъ республиканской Конституціи, основанной на равенствѣ и системѣ *представительной* (représentatif). Пророчество его исполнилось: Конституція осьмаго лѣта уже измѣнилась въ главныхъ частяхъ; но публика не для сего предсказанія любопытствуетъ читать Неккерову книгу, а для того, чтобы видѣть, какіе недостатки находилъ въ ней Политикъ, игравшій великую ролю, и какія средства исправленія онъ предлагаетъ, бывъ наученъ опытомъ; ибо Неккеръ лучше всѣхъ другихъ могъ наблюдать дѣйствіе собственныхъ заблужденій и ошибки всѣхъ эпохъ Революціи.

Чтобы дать точную идею о книгѣ и духѣ ея, надобно приводить изъ нее мѣста. Слѣдуетъ введеніе къ его республиканской Конституціи: „Республика, „состоящая изъ 30 милліоновъ граж„данъ, и въ которой не льзя прибѣгнуть „ни къ какому раздѣленію власти, для „облегченія Правительства, ни къ дво„рянству для удержанія страстей нарс„да посредствомъ уваженія, основаннаго „на времени и привычкѣ, — такая Рес.

„публика есть самое труднѣйшее поли-
„тическое образованіе. Тогда надобно съ
„великимъ благоразуміемъ учредить ис-
„кусственныя отношенія; и естьли оши-
„бешься въ равновѣсіи властей, то от-
„кроешь путь къ деспотизму или само-
„властію: ибо верховное начальство не-
„обходимо; когда же законодатель не
„умѣлъ согласить его съ вольностію,
„тогда люди сильные или богатые имъ
„завладѣютъ и будутъ пользоваться какъ
„своимъ завоеваніемъ, безъ правилъ и
„бережливости. Отъ чего просвѣщенный
„народъ Французскій не зналъ сей истины
„до самаго того времени, какъ ужасныя
„бѣдствія открыли ему заблужденія,
„которымъ онъ способствовалъ своею по-
„спѣшною и слѣпою ревностію? отъ то-
„го, что общественная Политика была
„для него новою наукою, и что, имѣя
„младенческое легковѣріе и живость въ
„воображеніи, онъ плѣнялся одними сло-
„вами, не требуя вещи; плѣнялся слав-
„нымъ именемъ Республики, когда нѣ-
„сколько человѣкъ, присвоивъ себѣ власть,
„составили самую дерзкую олигархію;
„плѣнялся именемъ свободы, когда частная
„воля исчезла и все дѣлалось принуж-
„денно; именемъ равенства, когда отличіе
„рода уступило мѣсто другому, ужасному

„различїю: угнетателей и угнетен-
„ныхъ, смертоубїйцъ и жертвъ.

„Наука законодателей безполезна въ
„такой землѣ, гдѣ все должно покорять-
„ся волѣ одного; тогда можно единствен-
„но совѣтовать властителямъ. Соедине-
„нїе порядка съ вольностїю требуетъ въ
„большомъ государствѣ глубокомысленна-
„го соображенїя, и Англїя представ-
„ляетъ намъ въ семъ родѣ удивитель-
„ный образецъ.

„Соединенїе порядка съ вольностїю и
„равенствомъ еще труднѣе: Американцы
„утвердили его помощїю союзнаго правле-
„нїя. Наконецъ соединенїе порядка съ
„вольностїю, равенствомъ и съ правле-
„нїемъ *нераздѣльнымъ*, можетъ назвать-
„ся въ Политикѣ философскимъ камнемъ,
„и естьли увидимъ его въ большомъ го-
„сударствѣ, то оно будетъ единствен-
„нымъ примѣромъ въ Исторїи. Теперь
„оставляю читателямъ рѣшить, согла-
„сенъ ли съ благоразумїемъ предлагае-
„мый мною планъ?“

Авторъ хочетъ, чтобы народъ Фран-
цузскїй участвовалъ въ раздѣленїи вла-
стей, и не вѣритъ правилу, что надоб-
но дѣлать все для народа, но все безъ
его содѣйствїя. „Оно прекрасно, когда
„ему слѣдуютъ, говоритъ Неккеръ: но

„друзья народа будутъ всегда желать, „чтобы онъ не зависѣлъ единственно „отъ воли правителей въ Республикѣ, и „чтобы ему дали нѣкоторую сферу дѣй- „ствія. Въ народѣ такъ много невѣже- „ства, что не должно требовать отъ „него мудрости; однакожь его надобно „выводить на сцену, чтобы онъ утвер- „ждалъ власть. Монархъ царствуетъ „Божіею милостію, завоеватель шпагою, „правительство аристократическое благо- „разуміемъ, но Республика именуетъ „народъ и къ нему относится; ея чи- „новники, украшаясь именемъ *предста- „вителей націи*, должны помнить цѣль „власти своей. Они могутъ обойтись „безъ уваженія, которое раждается въ „Монархіяхъ отъ знаковъ отличія; но „тогда участіе народа въ гражданскихъ „дѣйствіяхъ должно быть главнымъ осно- „ваніемъ правленія. Власть, достоин- „ство начальниковъ и добродѣтели въ „Республикѣ должны быть соображены „съ духомъ республиканскимъ: идея важ- „ная для законодателя! Онъ впадетъ въ „опасныя заблужденія, естьли захочетъ „утвердить порядокъ въ Республикѣ „средствами другихъ правленій, Монар- „хіи или Аристократіи.“

И такъ Г. Неккеръ полагаетъ основанїемъ Республики право избранїя и старается утвердить его такъ, „чтобы народъ былъ всегда въ виду, всегда „въ дѣйствїяхъ власти, не вредя самому „себѣ, и не подвергаясь опасностямъ „многочисленныхъ собранїй, составленныхъ изъ людей просвѣщенныхъ и невѣждъ, богатыхъ и бѣдныхъ.“ Слѣдственно Г. Неккеръ берется рѣшить главныя затрудненїя Республикъ.

Выборы должны быть всякїя пять лѣтъ, по округамъ, а не Департаментамъ. Естьли въ Департаментѣ пять округъ, то будетъ пять избирательныхъ собранїй и пять Депутатовъ. Надобно платить не менѣе двухъ сотъ ливровъ поземельной подати, чтобъ быть членомъ сихъ окружныхъ собранїй, назначающихъ 5 кандидатовъ, изъ которыхъ выбирается одинъ законодатель. Городской окружной судъ объявляетъ имена сихъ пяти человѣкъ всѣмъ купцамъ, ремесленникамъ, Офицерамъ, инвалидамъ и проч.; они записываютъ голоса свои — и большинство ихъ рѣшитъ, кому изъ кандидатовъ быть членомъ законодательнаго Совѣта. Сей Совѣтъ раздѣляется на большой и малой, которые общимъ согласїемъ даютъ законы, отсылая ихъ на утвержденїе исполни-

тельной власти, могущей ихъ принять или отвергнуть. Въ послѣднемъ случаѣ Г. Неккеръ прибѣгаетъ ко способу Американской Конституцiи. Исполнительная власть представляетъ свои возраженiя; Совѣты снова разсуждаютъ, и естьли двѣ трети голосовъ опять утвердятъ данный законъ, то власть исполнительная должна согласиться.

Но какъ образовать сiю власть исполнительную? Вотъ самая труднѣйшая изъ трудныхъ задачъ! Г. Неккеръ думаетъ, что не должно обременять одного человѣка властiю надъ тридцатью миллiонами гражданъ, ибо она слишкомъ тягостна. Авторъ соглашается, что есть человѣкъ, котораго станетъ на то; но сей чрезвычайный смертный есть чудо въ Исторiи, и на исключенiи не должно основывать системы. И такъ онъ предлагаетъ возложить исполнительную власть на семь человѣкъ, думая, что это число есть самое удобнѣйшее для порядка и самое безопасное. Совѣты выбираютъ членовъ исполнительной власти. Одинъ изъ семи ежегодно выходитъ, но можетъ снова быть выбранъ, только не болѣе двухъ разъ. Президентъ избирается на годъ подъ именемъ Консула. Это имя, говоритъ Авторъ, прославлено Наполеономъ

Бонапарте въ новѣйшія времена: надобно сохранить его. Большинство голосовъ рѣшитъ всѣ дѣла; но Консулъ можетъ отличаться наружнымъ великолѣпіемъ, представляя въ себѣ главное лицо Республики. Каждый Членъ исполнительной власти долженъ быть въ свою очередь Президентомъ. Они выбираютъ судей, входятъ въ переговоры съ Европейскими Державами, и проч., сообразно съ нашими прежними Конституціями. Законодательный Совѣтъ разсуждаетъ о войнѣ и трактатахъ мира. Консулъ отвѣтствуетъ за всякое нарушеніе законовъ. — Вотъ главный планъ Неккеровой Республики! Въ немъ мало новаго и нѣтъ ничего удивительнаго, кромѣ мысли плѣнить имъ Францію, естьли Г. Неккеръ въ самомъ дѣлѣ надѣялся быть нашимъ законодателемъ.

Авторъ не скрываетъ любви своей къ союзной (fédérative) Республикѣ, и говоритъ, что Французы могли бы съ нѣкоторыми легкими отмѣнами принять Американскую Конституцію; но знаетъ, что они не хотятъ и слышать о раздѣленномъ правленіи. Слѣдственно остается для нихъ еще наслѣдственная, умѣренная Монархія, которой почтенный образецъ видимъ въ Англіи. Но Дворянство необходимо для подпоры Монархіи: и такъ

Г. Неккеръ образуетъ его для Франціи, творитъ 250 Перовъ, знатныхъ господъ, старинныхъ, славныхъ фамилій, изъ которыхъ всякой долженъ имѣть 30,000 ливровъ доходу съ недвижимаго имѣнія. Одинъ старшій сынъ есть наслѣдникъ благородства; другіе дѣти всѣ простые граждане. Сверхъ того Государь можетъ пожаловать еще 50 человѣкъ въ личные Перы за особенныя достоинства. Такимъ образомъ дворянство ограничено; что, вмѣстѣ съ образомъ избранія Парламентскихъ членовъ (для котораго онъ предлагаетъ тотъ же способъ, какъ и для республиканскихъ выборовъ), составляетъ единственную отмѣну отъ Англійской Конституціи. Что значатъ, говоритъ Г. Неккеръ, 250 дворянскихъ фамилій и 8 милліоновъ капитала, служащаго основаніемъ сей привилегіи, между 30,000000 жителей?

Послѣ того Авторъ сравниваетъ планъ Республики съ планомъ Монархіи, и спрашиваетъ, которой лучше? Монархія одерживаетъ побѣду. „Это мое всегдашнее „мнѣніе, говоритъ Неккеръ, что для го„сударства обширнаго и для народа живаго, „пылкаго, непостояннаго въ правилахъ и „мнѣніяхъ, умѣренная Монархія лучше „Республики. Она подчинена гораздо про„стѣйшимъ законамъ равновѣсія. Въ Рес-

„публикахъ самолюбіе людей непосред-
„ственно дѣйствуетъ на гражданскія
„связи; всякая власть слишкомъ близка
„къ своему источнику, и преступленіе
„границъ ея, почти неминуемое, раждаетъ
„смятеніе. Въ умѣренной Монархіи Госу-
„дарь, Перы и Парламентъ суть три раздѣ-
„ленныя власти, которыя, не будучи въ
„противоположности, не могутъ смѣши-
„ваться; онѣ служатъ щитомъ для всѣхъ
„другихъ властей и въ то же время ихъ
„ограничиваютъ; нѣтъ ничего ни слиш-
„комъ отдаленнаго, ни слишкомъ близкаго
„въ дѣйствіяхъ сего прекраснаго образо-
„ванія. Свобода въ умѣренной Монархіи
„бываетъ такъ же совершенна, какъ и
„въ Республикѣ; примѣръ тому естъ
„Англія. Мудрыя и постепенныя границы
„составляютъ вольность; ее нѣтъ въ
„Азіатскомъ деспотизмѣ."

И такъ мы теперь въ умѣренной Монархіи! Нѣкоторые читатели скажутъ: за чѣмъ Авторъ не тотчасъ привелъ насъ къ сей цѣли? Но ахъ! эта цѣль скоро исчезнетъ! Планы Г. Неккера суть истинная Пенелопина работа. Мы образовали Республику: она кончилась вмѣстѣ съ главою. Мы сказали комплиментъ (союзному правленію (régime fédératif), и прошли мимо. Мы учредили Монархію, но

единственно для того, чтобы свергнуть ее съ трона. Эту книгу можно назвать примѣромъ человѣческаго непостоянства.

Во второмъ сравненіи умѣренной Монархіи съ Республикою Авторъ спрашиваетъ: *которое изъ сихъ двухъ правленій теперь возможно для Франціи?* Здѣсь онъ сходитъ, такъ сказать, съ большой дороги, удаляясь отъ обыкновенныхъ понятій о различныхъ правленіяхъ. „Нѣ„сколько разъ, говоритъ Неккеръ, можно „было основать умѣренную Монархію во „Франціи; но это время прошло.“ Онъ сказалъ прежде то же самое о Республикѣ. „Должно признаться въ важной истинѣ: „самая благоразумная, самая мудрая Мо„нархія встрѣтила бы теперь во Франціи „сильныя препятствія. Вопервыхъ какъ „обойтись безъ знатныхъ господъ вокругъ „наслѣдственнаго трона? Воображеніе не „можетъ уже быть опорою монархическаго „учрежденія, которое, безъ сего способа, „дѣлается химерическимъ. Уваженіе зна„тности не было очевиднымъ долгомъ „разсудка, подобно уваженію добродѣтели, „великаго разума и заслугъ. Кто не „знаетъ, сколь дѣйствія воображенія не„постоянны, и сколь трудно возвратить „его къ тому, что имъ оставлено?

„Сомнительно, чтобы самая древняя Коро-„левская власть могла теперь воскресить „древнюю знатность со всѣми ея правами: „такъ умы далеки отъ сего роду выдум-„ки! Что же можетъ сдѣлать новой Ко-„роль, не окруженный воспоминаніями „Исторіи, такъ, какъ Бурбонская фа-„милія?

„Начальникъ государства введетъ „отличія и наружные знаки ихъ, кото-„рые всякой будетъ уважать, сколько „захочетъ; но достоинства наслѣдствен-„ныя требуютъ другой опоры: надобно, „чтобы политическое мнѣніе ознаменовало „ихъ своею печатію, утвердило, освя-„тило; а сіе мнѣніе независимо и строго „въ своемъ законодательствѣ."

Вотъ послѣднее заключеніе Автора: „Естьли Революція въ Политикѣ или во „мнѣніи истребила у васъ элементы знат-„ности, то знайте, что вы не имѣете уже „элементовъ наслѣдственной Монархіи, и „должны (хотя съ сожалѣніемъ!) обра-„тить взоръ свой на другой образъ правле-„нія. Я не думаю, чтобы самъ Бонапарте, „не смотря на великой талантъ, Геній и „власть его, могъ нынѣ учредить во Фран-„ціи наслѣдственную, умѣренную Монар-„хію." Г. Неккеръ доказываетъ сію невоз-

можность: это безъ сомнѣнія не оставляетъ уже никакой надежды для Монархіи!

Но все сіе приводитъ насъ въ крайнее замѣшательство. Что жь мы? гдѣ мы? Г. Неккеръ отвѣчаетъ: „подъ Диктатурою, необходимою и щастливою, ибо она находится въ рукахъ того человѣка, который одинъ можетъ управлять нами.“ Чѣмъ это кончится? Онъ не знаетъ или не хочетъ сказать, и до сего времени не давалъ намъ нигдѣ остановиться; наконецъ открываетъ Французамъ нѣкоторую возможность успокоенія... въ Республикѣ! Элементы, нужные для сего правленія, не совсѣмъ исчезли, какъ ему кажется. „Когда во время Конвента высшняя власть находилась въ рукахъ людей, „хотѣвшихъ совершеннаго, Циническаго „равенства, тогда не льзя было учредить „твердой Республики; но теперь, когда „Правленіе имѣетъ другой образъ мыслей, „можно съ его помощію основать ее, „такъ, чтобы она въ теченіе вѣковъ „стояла непоколебимо.“ И такъ естьли препятствія, которыми усѣяны другіе пути, или особенная склонность „заставятъ Перваго Консула учредить Республику,“ то Г. Неккеръ ожидаетъ успѣха (*);

(*) Все это очень похоже на шутку; по крайней мѣрѣ забавно!

но думаетъ, что Бонапарте долженъ остаться хранителемъ сего новаго образованія и предать его грядущимъ поколѣніямъ въ силѣ, цѣлости и непоколебимости. „Правда (говоритъ онъ), что характеръ и Геній его будутъ всегда утратою для Республики; но сія утрата, „необходимая со временемъ, будетъ еще „горестнѣе во всякомъ другомъ правленіи. „Не станутъ спрашивать: что будетъ „послѣ Бонапарте? не станутъ желать „нескромнымъ образомъ, чтобы онъ назначилъ себѣ преемника, и самъ ослабилъ „мнѣніе, въ которомъ еще имѣетъ нужду. „Бонапарте уступилъ бы тогда мѣсто „свое не равному себѣ, котораго сыскать „трудно, и не одному, но многимъ; и „сія необходимость обратилась бы ему въ „славу. Можно и должно пользоваться „безъ опасенія Диктатурою, которая „пресѣкаетъ на время гражданскія распри „и даетъ видъ единообразія всѣмъ чувствамъ, удерживаемымъ однимъ страхомъ или гласомъ власти; но можно ли „считать такую власть порукою щастія, „а слѣпое повиновеніе цѣлію народныхъ „желаній? Естество вещей не истребилось; и послѣ временнаго начальства, „призваннаго обстоятельствами, граждане захотятъ вѣчнаго и достойнаго

„вѣчности. Я увѣренъ, что во Франціи „будутъ еще говорить о свободѣ, не смо„тря на теперешнюю къ ней немилость; „и сіи изверги, которыхъ память кля„нетъ Европа, сдѣлали бы еще болѣе зла, „нежели сколько они надѣялись сдѣлать „его, естьли бы злодѣяніямъ ихъ мы „долженствовали принести въ жертву „всѣ благородныя и великодушныя идеи. „Но никогда, никогда не вздумаютъ люди, „чтобы кратковременное торжество нѣ„которыхъ политическихъ бродягъ и „мечтателей могло быть въ мірѣ знакомъ „вѣчнаго уничтоженія добродѣтели и „патріотизма, которые одушевляли сла„вные дни Греціи и Рима. Нѣтъ, зловре„дное дыханіе, протекшее благословенную „землю Франціи, не истребило въ ней „навсегда плодоносныхъ сѣменъ, вложен„ныхъ въ ея нѣдра руками чистыми. Не „народъ дѣйствовалъ въ ужасныя эпохи „Французской Революціи, но толпа лю„дей безъ воспитанія, какихъ довольно во „всѣхъ земляхъ. Разныя Конституціи, „нами видѣнныя, никогда еще не давали „Франціи истинной политической свобо„ды, нераздѣльной съ порядкомъ, ея хра„нителемъ; и такъ не свобода возму„щала государство; но, искавъ ее, умы „заблудились: вотъ источникъ бѣдствій,

„которыми укоряютъ нѣкоторыхъ, и ко-
„торые горестны для всѣхъ!...

„Я воображаю первые дни Республики,
„образованной подъ надзираніемъ Бонапар-
„те: какимъ благодѣяніемъ для сего но-
„ваго правленія можетъ быть мудрость
„и величіе такого покровителя? Кто,
„кромѣ его, можетъ ввести хотя умѣрен-
„ное, однакожь для Франціи новое право,
„опредѣляемое Конституціею для соб-
„ственности, и пріучить гражданъ имъ
„пользоваться? Кто лучше его можетъ
„возвеличить имя республиканское, подъ
„которымъ онъ сдѣлалъ столько удиви-
„тельнаго и славнаго? Кто лучше Героя,
„великаго самимъ собою, можетъ пока-
„зать прежнимъ знатнымъ людямъ, не-
„щастнымъ отъ сравненій, что въ Респу-
„бликѣ есть знаменитыя мѣста и дол-
„жности?"

Послѣ сей главы, гдѣ Г. Неккеръ искренно и благородно внесъ имя свое въ списокъ друзей мудрой свободы, онъ разсматриваетъ аристократическую Республику и признаетъ ее невозможною для Франціи. „Но въ наше время, говоритъ „Авторъ, послѣ разныхъ республикан-„скихъ системъ, видимъ какую-то *мѣ-„щанскую аристократію*, составленную „изъ людей, которые должны исключи-

„тельно занимать мѣста въ политиче-
„скихъ корпусахъ, оставляя за собою
„всю націю. Весьма не многія пружины
„въ гражданской системѣ могутъ дѣй-
„ствовать на великій народъ и вселять
„въ него повиновеніе: одна есть деспо-
„тизмъ, окруженный страхомъ; вторая
„общее движеніе, раждаемое республи-
„канскимъ чувствомъ и участіемъ всѣхъ
„гражданъ въ правленіи; а третья чу-
„десное согласіе Королевскаго блеска съ
„единствомъ и всѣми выгодами *народнаго*
„*представленія* (représentation nationale): то
„есть, умѣренная Монархія. Какое же
„мѣсто въ порядкѣ идей дадимъ мы сей
„новой *мѣщанской аристократіи* (*)?
„Тутъ нѣтъ ни власти народной, ни
„благородства, ни Королевскаго величія;
„однимъ словомъ, никакого основанія,
„которое могло бы ручаться за ея твер-
„дость и ввести ее въ конституцію."

Сіи приведенныя мѣста даютъ пол-
ную идею о Неккеровой книгѣ, писанной
не для страстей, а для ума; она имѣетъ
важность и нравственный характеръ

(*) Неккеръ говоритъ о такъ называемыхъ *выборныхъ спискахъ*, listes de la Notabilité, уничтоженныхъ новою перемѣною Конституціи. Но вліяніе, присвоенное себѣ Консуломъ на выборы кандидатовъ, весьма ограничиваетъ права народа.

своего Автора, который клянется въ чистотѣ своихъ намѣренїй и въ безпристрастїи, увѣряя, что онъ хотѣлъ только доказать Правленїю Францїи необходимость перемѣнить ея гражданское образованїе, столь несогласное съ законами мудрости. Въ самое то время, какъ его книга вышла, Правительство занималось уже исправленїемъ и дополненїями сей Конституцїи; слѣдственно оно само чувствовало ея несовершенства. Это можно назвать *пророческимъ успѣхомъ* Автора; но мы не знаемъ, такое ли щастливое дѣйствїе должны имѣть его совѣты. По крайней мѣрѣ благородство и независимость Неккеровыхъ мнѣнїй заслужатъ одобренїе всѣхъ истинно-благородныхъ душъ.

Извѣстїя и Замѣчанїя.

Швейцарїя.

Сїя нещастная земля представляетъ теперь всѣ ужасы междоусобной войны, которая есть дѣйствїе личныхъ страстей, злобнаго и безумнаго эгоизма. Такъ исчезаютъ народныя добродѣтели! онѣ, подобно людямъ, отживаютъ свой вѣкъ въ государствахъ; а безъ высокой

народной добродѣтели Республика стоять не можетъ. Вотъ по чему монархическое правленіе гораздо щастливѣе и надежнѣе: оно не требуетъ отъ гражданъ чрезвычайноспей, и можетъ возвышаться на той степени нравственности, на которой Республики падаютъ. Развратъ Швейцарскихъ нравовъ начался съ того времени, какъ Телевы потомки вздумали за деньги служить другимъ Державамъ; возвращаясь въ отечество съ новыми привычками и съ чуждыми пороками, они заражали ими своихъ согражданъ. Ядъ дѣйствовалъ медленно въ чистомъ горномъ воздухѣ; но благодѣтельное сопротивленіе Натуры уступило наконецъ зловредному вліянію. *Духъ торговый*, въ теченіе времени овладѣвъ Швейцарами, наполнилъ сундуки ихъ золотомъ, но истощилъ въ сердцахъ гордую, исключительную любовь къ независимости. Богатство сдѣлало гражданъ эгоистами, и было второю причиною моральнаго паденія Гельвеціи. Но древнія гражданскія и политическія связи Швейцаріи могли бы еще долго не разрушиться (ибо древность имѣетъ удивительную силу), естьли бы злой духъ Французской Революціи не сорвалъ сей, нѣкогда щастливой Республики съ ея основанія. Для новыхъ

политическихъ зданій нужно отмѣнное величіе духа одного или многихъ людей: Гельвеція не имѣетъ сихъ Геніевъ, и пять новыхъ Конституцій ея, мелькнувъ, исчезли какъ тѣни. Послѣдняя казалась надежною: Бонапарте призналъ ее, вывелъ Французское войско, уважилъ независимость Швейцаровъ — но первая минута независимости была для нихъ началомъ междоусобной войны.

Бѣдствіе народовъ бываетъ всегда сопряжено съ ослѣпленіемъ: иначе какъ изъяснить бунтъ малыхъ Кантоновъ? могутъ ли они надѣяться поставить на своемъ, когда Французское Правленіе хочетъ ихъ соединенія съ большими Кантонами? Далеко ли Французскія арміи? И для чего не принять новой Конституціи, ни мало не противной ихъ свободѣ? упрямство стоитъ ли кровопролитія? Но Унтервальденъ, Швицъ, Ури, вооружили всѣхъ своихъ гражданъ, которые имѣли уже двѣ ешибки съ Генераломъ Андерматомъ, или съ войскомъ Гельветическаго Правленія. Городъ Цирихъ также взбунтовался: по крайней мѣрѣ не хотѣлъ принять Андерманова гарнизона; за что сей Генералъ бомбардировалъ его калеными ядрами. Наконецъ присланный изъ Берна Коммисаръ заключилъ съ городомъ мирныя условія,

освободивъ его отъ гарнизона. — Слѣдуютъ письма изъ Берна и Базеля, которыя изображаютъ все замѣшательство дѣлъ въ Швейцаріи:

Бернъ, 14 *Сентября*. „Въ самое то „время, какъ въ нынѣшнихъ бѣдственныхъ обстоятельствахъ хотѣли здѣсь „избрать Диктатора или главнаго посредника, и думали, что выборъ падетъ на Долдера, случилась у насъ новая революція въ правленіи. Вдругъ „явились къ Ландману Дольдеру пять „молодыхъ гражданъ съ пистолетами; „заставили его подписаться, что онъ не „хочетъ быть Ландманомъ; вывели изъ „дому, и въ каретѣ увезли изъ города — „въ Ентздорфъ, за три мили отъ Берна. „Штатгальтеры, Риттманъ и Фисли, „узнавъ о семъ приключеніи, требуютъ „своей отставки. Между тѣмъ начался „бунтъ въ Аргау и въ Баденѣ; вооруженные „крестьяне, подъ начальствомъ Эрлаха „(бывшаго знатнаго Аристократа въ Бернѣ) завладѣли Баденомъ, Бругомъ и Ленцбургомъ; даже и Бернскіе крестьяне „бунтуютъ, требуя учрежденія всеобщей „Демократіи. Сенатъ нынѣ былъ въ собраніи всю ночь; но сами собою мы уже „не спасемся: одинъ Бонапарте можетъ „все усмирить. Онъ, сказываютъ, согла-

„силася быть посредникомъ, и друзья благо-„устройства съ нетерпѣнїемъ ожидаютъ „теперь Французскаго войска. Однимъ „словомъ, никогда еще Швейцарїя не была „въ такомъ замѣшательствѣ, какъ нынѣ!“

Базель отъ 18 Сентября. „Слышно, что „вооруженные крестьяне взяли Арбургъ „и прямо идутъ къ Берну; говорятъ да-„же, что и Бернъ занятъ ими. Естьли „такъ, то у насъ нѣтъ правленїя. Съ „часу на часъ ожидаемъ Французовъ. Мы „погибнемъ, естьли не будемъ имѣть „такой же главы, какъ Италїянская Рес-„публика. Французскїй Министръ Вер-„нинакъ хотѣлъ выѣхать изъ Берна; но „Сенатъ упросилъ его остаться. Въ горо-„дахъ и въ деревняхъ страшное волненїе. „Многїе добрые граждане не знаютъ, чей „стороны держаться и что дѣлать:“

Базель отъ 21 Сентября. „Дольдеръ „возвратился въ Бернъ и въ угодность Сена-„ту снова принялъ должность Ландмана. „Мы теперь увѣрены, что безпокойства „наши скоро прекратятся: двѣ Французс-„кїя полубригады вступаютъ въ Швей-„царїю. Эрлахъ, возмутитель крестьянъ, „называющїй себя Генераломъ и возстано-„вителемъ старой Конституцїи, не долго „будетъ храбровать. Фамилїя Эрлахъ бы-„ла издревле славнѣйшею и богатѣйшею

„въ Бернскомъ Кантонѣ; она отличалась „всегда особенною привязанностію къ Ариспократіи.“

Регенсбургъ.

Римскій Императоръ не соглашается на рѣшеніе Депутаціи, которая большинствомъ голосовъ утвердила планъ удовлетвореній, предложенный Россійскимъ Императоромъ и Консуломъ Бонапарте; но оно будетъ имѣть свое дѣйствіе и безъ его ратификаціи. Французскій Министръ Лафоре въ нотѣ своей обнаружилъ тайныя намѣренія Австрійскаго честолюбія и сказалъ, что Вѣнскій Дворъ всегда думалъ только о своей пользѣ; хотѣлъ уничтоженія Баварскаго Курфиршества и распространенія границъ своихъ до Леха; что не успѣвъ въ Парижѣ, онъ обратился съ своими планами къ Россійскому Императорскому Двору; но, не успѣвъ и тамъ, старался въ Минихѣ тайными переговорами достигнуть до своей цѣли. Надобно согласиться, что Французское Министерство имѣетъ всю республиканскую искренность! Гражданинъ Матьё, употребленный Талераномъ для сочиненія плана раздѣловъ въ Германіи, сочиняетъ теперь прибавленіе къ нему, которое должно уничтожить всѣ

сдѣланныя противъ сего плана возраженія и совершить важное дѣло удовлетвореній. Имперская Депутація гопова во всемъ слѣдовать благодѣтельнымъ видамъ посредниковъ, Россіи и Франціи.

Парижъ отъ 24 Сентября.

Вчера праздновали здѣсь новый Республиканскій годъ, концертами, народными плясками въ *Поляхъ Елисейскихъ*, иллюминаціею, феерверкомъ и свадьбами на счетъ города Парижа. Бонапарте переѣхалъ уже въ Сен-Клу. Сей замокъ великолѣпно прибранъ, и залы его украшены драгоцѣннѣйшими картинами Музея. Между прочими замѣтны портретъ Бонапарте на лошади, жены его и Дезе, умирающаго на Маренгскомъ полѣ. Прекрасный туалетъ Королевинъ находится въ спальнѣ Госпожи Бонапарте. Первый Консулъ выбралъ себѣ кабинетъ окнами въ Паркъ; тутъ сдѣлали крыльцо, по которому онъ сходитъ прямо въ алею. Со стороны оранжереи будетъ маленькой театръ для общества Госпожи Бонапарте и дочери ея, которая сама любитъ играть комедіи. Монастырь, находящійся близь Сен-Клу, хотятъ соединить съ симъ замкомъ. — Бонапарте, подобно Французскимъ Королямъ, намѣренъ забавляться

охотою въ Фонтенбло, куда теперь везутъ оленей и дикихъ козъ изъ Нѣмецкой земли.

„Къ великимъ намѣренїямъ сего вѣка, достойнымъ безсмертїя (говоритъ одинъ Французскїй Журналистъ), принадлежитъ намѣренїе соединить Реинъ съ Сеною посредствомъ канала длиною во 140 миль, шириною въ 70 футовъ, а глубиною въ 12. Рѣки Цорнъ, Сара, Мёрта, Мозель, Марна и другїя послужатъ къ тому способомъ; надобно прокопать только три мили и сдѣлать судоходными нѣкоторыя маленькїя рѣчки. Когда же соединятъ послѣ Реинъ съ Дунаемъ, тогда изъ Парижа мы будемъ плавать въ лодкахъ до самаго Константинополя. Увѣряютъ, что въ древнїя времена Реинъ имѣлъ сообщенїе съ Марною и Сеною, и что въ 885 году сѣверные народы приплыли къ Парижу симъ каналомъ на 700 судахъ.“

Бонапарте уничтожилъ полицейское Министерство въ Парижѣ (которое можно было назвать Французскою *тайною*) и сдѣлалъ Великаго Инквизитора, Фуше, Сенаторомъ, вмѣстѣ съ Парижскимъ Архїепископомъ (которому 92 года отъ роду), Государственнымъ Совѣтникомъ Редереромъ и бывшимъ Министромъ

Правосудія Абріалемъ. Англійскіе Журналисты увѣряютъ, что это знакъ немилости къ Фуше и къ Редереру.

Фоксъ поѣхалъ на двѣ недѣли въ деревню къ Лафзету (который и живъ и здоровъ!). Сей Англійскій Ораторъ съ великимъ усердіемъ требовалъ его свободы въ Парламентѣ, когда онъ содержался плѣнникомъ въ Австріи. Лафаетъ писалъ къ Фоксу, что свиданіе съ нимъ будетъ для него радостнымъ праздникомъ, и что онъ нетерпѣливо желаетъ обнять въ немъ своего благотворителя.

Нѣкто Фьеве, сочинитель двухъ или трехъ романовъ, съѣздивъ на 10 дней въ Лондонъ, издалъ письма объ Англіи, которыя весь Парижъ читалъ съ удивительнымъ любопытствомъ. Фьеве утверждаетъ, что Великобританнія обязана славою своею въ Европѣ единственно Французскимъ Философамъ, которые ввели въ моду хвалить ее; но что она въ самомъ дѣлѣ ни мало не достойна славы своей!! Издатель *Французской газеты* забавнымъ образомъ говоритъ о томъ слѣдующее: „Христофоръ Коломбъ, открывъ „Америку, прислалъ въ Европу нѣсколько „Американцевъ и собраніе тамошнихъ „животныхъ, растѣній, минераловъ, что„бы доказать успѣхъ своей экспедиціи.

„Фьеве, недавно *открывъ* Англїю, сдѣлалъ „почти то же, и, вмѣсто *собранїя* есте„ственныхъ рѣдкостей, удивилъ насъ „*собранїемъ* писемъ своихъ, которыя не„оспоримо доказываютъ его открытїе. „Правда, онъ соглашается, что земля, „называемая Англїею, и прежде его была „извѣстна нѣкоторымъ; однакожь увѣ„ряетъ, что никто еще не зналъ ея „жителей, и что слава сего открытїя „ему принадлежитъ; то есть, онъ от„крылъ, что Англичане любятъ деньги; „что они всегда сидятъ или за столомъ „или на лошадяхъ, или занимаются „дѣлами, а никогда въ самомъ дѣлѣ не „думаютъ о своемъ удовольствїи; что „Англичанки суть ничто иное, какъ „*связки бѣлья и платья*, бросаемыя въ „горницу, — неодушевленныя и безмол„вныя для иностранцевъ; что онѣ не „имѣютъ никакой идеи о наслажденїяхъ, „ибо домы ихъ не отворены для всѣхъ „отъ семи часовъ вечера до трехъ утра, „такъ, какъ бываетъ въ Парижѣ. Естьли „Французскїе Литтераторы будутъ ча„сто дѣлать такїя открытїя, то сфера „нашихъ знанїй удивительнымъ образомъ „распространится.“

Путешествіе Мадритскаго Двора въ Барцеллону, гдѣ будетъ бракосочетаніе Принцессы Изабеллы съ Наслѣднымъ Неаполитанскимъ Принцемъ и Гишпанскаго Принца съ Неаполитанскою Принцессою, оживило сію часть Гишпанскаго Королевства. Въ Барцеллонѣ сдѣланы великолѣпныя приготовленія для брачнаго торжества, которое должно изобразить всю старинную рыцарскую пышность Гишпанцевъ и Мавровъ. Изъ всѣхъ частей Гишпаніи и южныхъ Департаментовъ Франціи спѣшатъ туда любопытные. Дворянство Каталонское готовится достойнымъ образомъ принять Королевскую фамилію, Неаполитанскую Королеву и Короля Этрурійскаго; оно не хочетъ уступить въ великолѣпіи славному дворянству Кастилланскому. „Огромная площадь „близь гавани со всѣхъ сторонъ окружена „ложами и балясами для рыцарскихъ „сраженій и такъ называемыхъ *Королевскихъ забавъ* или las Parejas. Кадрили, состоящія изъ знатнѣйшихъ людей и различенныя особенными цвѣтами, въ древней „Гишпанской одеждѣ (каждая подъ начальствомъ особеннаго Принца Крови „или случайнаго вельможи), должны тамъ „дѣлать разныя воинскія эволюціи, при „звукѣ трубъ и литавръ. Искусство Гиш-

„панцевъ въ семъ родѣ забавъ удивительно „для иностранца. Извѣстна чудная охота „ихъ сражаться съ быками: удовлетворяя „ей, Дворъ далъ повелѣнїе выписать изъ „Наварры самыхъ яростныхъ изъ сихъ „животныхъ, и славнѣйшїе *матадоры* или „бойцы отовсюда съѣзжаются въ Барцел„лону, чтобы блеснуть искусствомъ и „храбростїю на такомъ чрезвычайномъ „праздникѣ.“

Журналы говорятъ о скоромъ свиданїи Бонапарте съ Королемъ Прусскимъ, которое должно быть въ Диссельдорфѣ, въ исходѣ Октября, когда Монархъ Пруссїи поѣдетъ осматривать Вестфалїю и Франконїю. Друзья общественнаго блага желаютъ, чтобы Правители государствъ путешествовали: присутствїе ихъ оживляетъ ревность чиновниковъ въ мѣстахъ отдаленныхъ отъ столицы, и вообще благодѣтельно для гражданскаго порядка.

Законодательный Корпусъ Италїянской Республики занимается съ великою дѣятельностїю образованїемъ полицїи, армїи и другими важными предметами. Имя и духъ Президента Бонапарте все

соглашаютъ. — Республика въ мирное время будетъ содержать 40 тысячь войска.

Изъ Рима пишутъ, что новый Король Сардинскій собирается ѣхать на свой островъ, и что онъ кажется весьма унылымъ, потерявъ надежду быть удовлетвореннымъ за Піемонтъ и Савоію. — Славный музыкантъ Лолли умеръ въ Неаполѣ.

Римскій Императоръ недоволенъ Презбургскимъ Сеймомъ, который никакъ не соглашается на свободный наборъ рекрутовъ въ Венгріи, и вообще не соединяетъ пользы народа своего съ пользою Двора. Никто не ожидалъ отъ него такого упрямства. Онъ требуетъ между прочимъ (какъ слышно), чтобы Галлиція и Далмація были присоединены къ Королевству Венгерскому.

Англійскія извѣстія ни мало не любопытны. Лондонская публика занимается воздушными путешествіями Гарнереня и ссорою Журналистовъ своихъ съ Французскимъ Правленіемъ. Новый Парламентъ, по Королевскому объявленію, долженъ собраться 16 Ноября *для рѣшенія важныхъ дѣлъ.*

Порта наконецъ примирилась съ Пасваномъ Оглу, оставляя его Пашею

Виддинскимъ. Разумѣется, что этотъ миръ весьма ненадеженъ.

Въ Италіи и въ Германіи какіе-то мудрецы стращали народъ пророчествомъ, что 12 Сентября будетъ преставленіе свѣта; и въ сей день случилась въ Тріестѣ такая ужасная буря, какой самые старые люди не запомнятъ. Жители всякую минуту ожидали погибели. — Въ то же самое время чувствовали землетрясеніе въ Страсбургѣ и въ другихъ мѣстахъ Германіи. Вообще нынѣшній годъ замѣтенъ грозными физическими явленіями въ Европѣ.

Конецъ пятой Части.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ПЯТОЙ ЧАСТИ.

СЕНТЯБРЬ No 17.

Стран.

I. *Линдана и Вальмиръ.* - 3

II. *Стихи Гаврилу Романовичу Державину.* - - 28

III. *Мудрецъ и Филинъ.* - 29

IV. *Историческія воспоминанія, вмѣстѣ съ другими замѣчаніями, на пути къ Троицѣ и въ семъ Монастырѣ.* - - 30

V. *Письмо о Гишпаніи, писанное одною молодою Англичанкою.* - 47

VI. *Смѣсь.* - - - 50

VII. *Историческое описаніе Россійской торговли, сочиненное А. Шторхомъ.* - - - 55

VIII. *Извѣстіе о нынѣшнемъ состояніи Республики Рагузы, писанное гражданиномъ ея.* - 57

IX. *Извѣстія и Замѣчанія.* - 68

СЕНТЯБРЬ No 18.

Стран.

I. Истинное происшествіе. - 85
II. Историческое извѣстіе о Голландскомъ Профессорѣ Нейвландѣ, необыкновенномъ человѣкѣ. - 96
III. Рыцарь нашего времени. - 111
IV. Исторія Англійскаго Министерства съ 1788 году. - - 130
V. Таблица рѣшеній уголовныхъ судовъ во Франціи въ теченіе одного мѣсяца. - - - 138
VI. Взятіе Серингапатама и смерть славнаго Типпо-Саиба, описанныя очевидцемъ, Англійскимъ Маіоромъ Алланомъ. - 140
VII. Смѣсь. - - - 146
VIII. Извѣстія и Замѣчанія. - 150

ОКТЯБРЬ No 19.

I. Превращеніе, или исторія мошки. Нравоучительная сказка. - 161
II. Волшебной фонарь или картина Парижа. - - 169
III. О Воображеніи. - - 179
IV. Нынѣшніе Арабскіе сказочники, Поэты и мудрецы. - 183
V. Берегъ. - - - 186
VI. Старой левъ и звѣри. - 187
VII. Ловля жемчужныхъ раковинъ на островѣ Цейланѣ. - - 188
VIII. Описаніе примѣчанія достойной картины Французскаго живописца Жироде. - - 195

Стран.

IX. О ревности. - - 202
X. О самоубійствѣ. - - 207
XI. Удивительное дѣйствіе воображенія. - - 210
XII. Замѣчаніе о громѣ. - 211
XIII. Политическіе отрывки Гражданина Эшассеріо (одного изъ лучшихъ политическихъ Авторовъ Франціи). - - 212
XIV. О посредствѣ Россіи и Франціи въ дѣлахъ Германіи. - 231
XV. Извѣстія и Замѣчанія. - 233

ОКТЯБРЬ No 20.

I. Женщина - Авторъ. - 245
II. Пантеонъ Русскихъ Авторовъ. 285
III. Чудесное зрѣніе. - 291
IV. Новыя ремесленныя изобрѣтенія. 294
V. Примѣчанія достойный опытъ земледѣлія. - - 295
VI. Смѣсь. - - 296
VII. Послѣднія политическія мысли, предложенныя Неккеромъ Французскому народу. - 302
VIII. Извѣстія и Замѣчанія. - 319

питала, на выписку всѣхъ лучшихъ иностранныхъ Газетъ и Журналовъ нужнаго, имѣя лестную цѣль угодить Почтеннѣйшей Публикѣ.

2) *Вѣстникъ Европы*, издаваемый *Н. Карамзинымъ*. Планъ его остается тотъ же, съ нѣкоторыми дополненіями. *Вѣстникъ* содержать будетъ выборъ всего лучшаго изъ Европейскихъ Журналовъ, раздѣляясь на двѣ части: Словесность и Политику. Читатели найдутъ въ немъ историческія піесы, моральныя сказки, анекдоты, хорошія идеи всякаго роду, извлеченія изъ важнѣйшихъ иностранныхъ книгъ, открытія въ Наукахъ и Художествахъ, извѣстія о славныхъ или примѣчанія достойныхъ людяхъ, и наконецъ политическія новости, которыя составляютъ Исторію нашего времени. Хотя главный предметъ сего Журнала есть иностранная Словесность и Политика, однакожъ отъ времени до времени будутъ въ немъ и Руские сочиненія въ стихахъ и прозѣ.

3) Изданіе: *Новости Руской Литературы*, которое будетъ выходить, какъ и сего года, при каждомъ Номерѣ Вѣдомостей. Сочиненія и переводы, имѣющія содержаніемъ своимъ полезное и пріятное, будутъ матеріею Изданія сего, и цѣль его та, чтобъ новыя произведенія Россійской Словесности немедленно становились извѣстны просвѣщенной Публикѣ.

Подписка, какъ выше сказано, на всѣ означенныя *Изданія* продолжается въ Москвѣ, въ Конторѣ Университетской Типографіи, ежедневно; а въ Санктпетербургѣ въ книжной лавкѣ на Невскомъ проспектѣ, подлѣ Католической церкви подъ No 5 мъ.

Особы, желающія изъ другихъ городовъ выписать помянутыя Періодическія сочиненія, мо-